ПИОНЕР

1
1988
ISSN 0130—8009

Петр СМОРОДИН:
«...надо всем сердцем любить комсомольскую работу».

В этом, 1988 году комсомолу исполняется 70 лет. День его рождения будет праздноваться 29 октября. А еще недавно, 7 ноября 1987 года, мы отмечали 70-летие Великой Октябрьской социалистической революции. Комсомол — младший брат революции. И поэтому свое 70-летие он встречает не только торжествами. Праздник для него — это повод оглянуться назад, в свое прошлое, оценить сделанное и наметить пути в будущее.

На страницах нашего журнала начинается перекличка комсомольцев разных поколений. Мы не собираемся подробно рассказывать об истории ВЛКСМ — надеемся, что ты сам захочешь узнать эту историю из книг и фильмов. Мы хотим, чтобы ты, прочтя отрывки из дневников и писем рядовых комсомольцев разных лет, понял: через многие испытания комсомол сумел пронести верность коммунистическому долгу и энергию творчества.

КОМСОМОЛ: ПЕРЕКЛИЧКА ПОКОЛЕНИЙ

Николай ОСТРОВСКИЙ — писатель, большевик, боец революции. Автор бессмертного романа «Как закалялась сталь», ставшего символом своей эпохи, главной книгой комсомола. Эти строки — из письма к старому другу.

...Я весь в юбилейных делах. Отныне член комсомола с 1919 года. Комсомольский билет № 8144911.

Ты скажешь, впал в детство, нет, просто я омолодился, сбросил с плеч десяток лет и веду себя как юноша.

Как жаль, что жизнь эту юность не раз жестоко ранила, и было больше боли, чем это полагается. Моя жизнь развертывается сейчас на боевых линиях, есть для чего жить, а сил физических осталось такая крошка. Вспыхнешь в небольшой речи или напишешь небольшую статью, и наваливается свинцовая, тяжелая усталость. Разрыв между духом и материей. А теперь так нужны физические силы.

Будем жить за счет аккумуляторов. Привет тебе в день 15-летия комсомола... Твой Коля.

1933

Владимир МОЛОДЦОВ — по призыву комсомола стал шахтером Подмосковного угольного бас-

сейна, давшего жизнь первому советскому электричеству. На шахте Володя Молодцов вел дневник. Расстрелян фашистами в 1942 году в Одессе как один из активных участников подполья.

...Взяв лопаты и кайло, двинулись в забой. Забой — это то место, откуда выбирается уголь.

Первый день сразу же понизил на нуль запас энтузиазма. Тяжелая работа гонщика вагонов изморила организм. Но, как только окончил работу, настроение поднялось, и решил во что бы то ни стало остаться на шахте, выполнить долг комсомольский.

...Интересно, как в несоответствии находятся психология и идеология. По идеологии я сам себя мобилизовал на ликвидацию прорыва и активно работаю, а психология тянет все еще меня домой, в родную среду. Об этом говорят участившиеся за последние два дня сны, в которых вижу мать. Но идеология поднимает психологию, это должно произойти...

...Вчера выпал снег, морозец легкий землю сковал, но ненадолго. Опять грязь по колено. Да что по колено, чуть ли не до пупа. Из-за этой грязи после работы не пошел ужинать. А есть хотелось...

...Какое великое дело не замечать, не считать часы рабочего времени, не ждать конца смены, а стремиться ее продлить, бегом бежать за вагонеткой, обливаться потом... Как радостно видеть себя впереди других! Так мы выполним и перевыполним план пятилетки в три года. Это сделаем обязательно, безоговорочно, без плаксивых рож, большевистскими темпами.

1930—1931

Георгий МАЛЫШКИН — московский школьник, комсомолец, в начале войны эвакуировался вместе с семьей в Самарканд, где вел свой юношеский дневник. Погиб в боях на Курской дуге в 1943 году, когда ему исполнилось 18 лет.

...Прошла мобилизация в военные школы командиров. Большинство ребят 1924 года взяли в школу связистов. А через несколько дней призвали 1925 год. Местных ребят взяли в команды автоматчиков, пулеметчиков, снайперов и истребителей танков. А меня записали в «пятую команду» — авиадесантников. Занятия без отрыва от школы. Наша группа пока не будет заниматься, так как заняты аэродромы; когда они освободятся, нам пришлют повестки.

...Ходил в военкомат с бумажкой из школы переводчиков. Выгнали. Сказали, что год еще не призывной.

...Я выбрал выход. Пошел добровольцем во 2-е Харьковское танковое училище, находящееся в Самарканде. Сейчас там начался набор на курсы командиров танков и танковых взводов. По здоровью и возрасту прошел, в протоколе написали: «годен» и «принять». Осталось пройти мандатную комиссию. Через пару дней, а может быть, и раньше расстанусь со своей «штатской жизнью». Жалко маму, она остается одна... Но что поделаешь, время зовет, так нужно. Я знаю, какую опасную профессию выбрал, и знаю, что может случиться... Но ТАК НУЖНО!

1942

Зинаида ДАВЫДОВА — секретарь Калининского райкома г. Таллина. Яркой вехой ее комсомольской биографии стала целина. Об этом — страницы ее дневника.

...Сегодня получили воззвание ЦК ВЛКСМ «Молодежь, на целину!».

В райкомах, в горкоме столпотворение, а на заводах начальники цехов за голову хватаются: вся молодежь собралась уезжать. Все подчинено целине. Никто больше ни о чем и не думает. Утром была на «Вольте». Ужас что делается! Почти все комсомольцы подали заявления. На других заводах то же самое...

...Картина неприглядная. Техники в совхозе почти нет, всего один трактор С-80 и пять ДТ-54. А среди приехавших 60 шоферов, из них 22 первого класса, 74 тракториста, 6 инженеров, 12 техников. Плана поступления техники совхоз не имеет. Плана завоза

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

ЯНВАРЬ 1

Москва, 1988 г. • Издательство «Правда»

семян тоже нет. Из стройматериалов — пять финских домиков.

...Ребята предлагают мне остаться, говорят, что из меня выйдет хороший директор совхоза. Они-то, может, и шутят. А мне вдруг до боли в сердце не захотелось уезжать. Я сроднилась с каждым из них, каждого полюбила. Я полюбила этот совхоз, у которого пока еще и есть-то одно название. Я полюбила эту бескрайнюю степь, без единого деревца, с миллионами перекати-поле! И мне так хочется здесь остаться, остаться навсегда!..

1954

Катя МУСТАФАЕВА — строитель Байкало-Амурской магистрали.

...Что значит дорога по тайге в 260 километров? Это десятки мостов через горные таежные реки, десятки уложенных труб, а между ними отсыпанное полотно дороги.

Строили дорогу от нашего поезда три мужские бригады и одна бригада девочек — 10 человек. Девчонки бетонировали трубы. Вагончик их стоит у самого перевала, а значит, выше и холодней им... Наш бухгалтер объяснил, что им еще не положены полушубки, валенки...

А дорога нужна! Дорога ох как нужна!

...Нет теперь у нас главного бухгалтера, он Новый год будет встречать где-то в ОБХСС, а в новом, 1976 году ребятам выдадут зарплату, выдадут и спецодежду, и полушубки.

...А знаешь, Лид, какие тут отличные ребята. Нет, еще, не перевелись Павки Корчагины, и от этого сердце переполняется радостью, гордостью за мое поколение. Ты знаешь, я всегда завидовала тем, кто воевал, тем, кто строил Комсомольск-на-Амуре. Я преклоняюсь перед ними, но буду преклоняться и перед теми, кто вынесет на плечах БАМ. Они стоят этого. Я вот даже не знаю, о ком тебе рассказать, почти каждый — незаурядная личность.

1975

Е. КАРПУНИНА. — Это письмо было опубликовано в «Комсомольской правде» 9 октября 1987 года.

...Я живу в Таджикистане, в большом красивом городе Душанбе...

Я выросла рядом с лучшей в городе школой № 1. Окончила ее, после чего без особого труда поступила в институт, получила образование инженера-механика...

Сейчас я работаю старшим инженером производственно-технического отдела. Моей «производственной» работой (кабинетной писанины) — на часполтора, а остальное время нужно делать озабоченный вид, деловой или просто изнывать от безделья.

Мама говорит: «Бери тему и поступай в аспирантуру».

А когда же рассчитываться за хлеб-соль с рабочим классом, со страной?

Не хочу всю жизнь копошиться в теплом родительском гнездышке, жить без забот. Хочется окунуться в гущу жизни, выработаться на стройках, где сейчас ведется борьба за экономическое будущее нашей страны, где так нужны молодежный напор, здоровье, выдержка, ум.

Перед XX съездом комсомола я была в Москве и заходила в ЦК ВЛКСМ, обговаривала возможность выезда в Заполярье: на Ямал, в Лабытнанги... Если мне не смогут дать индивидуальный вызов-направление или зачислить в какой-нибудь отряд, направленный в Заполярье, то, может быть, при помощи «Комсомолки» можно будет организовать комсомольско-молодежную бригаду у нас в Таджикистане, которая сможет выехать... на Ямал, а на XXI съезде комсомола отчитается за проделанную работу.

Мой комсомольский стаж — 8 лет.

Год рождения — 1963.

...Готова выполнять любую работу.

Мы хотим, чтобы и ты, пионер, принял участие в этой перекличке.

Расскажи о комсомольце, на которого ты хотел бы походить, о его жизни, о его главном деле.

Представь себе, что прошло 20 лет, и ты уже взрослый. Попробуй ответить на вопросы: как изменится к тому времени твоя жизнь и жизнь твоих детей? Что ты должен сделать для этого уже сегодня и завтра?

Лучшие из писем будут опубликованы на страницах «Пионера», а авторов самых серьезных и искренних из них ждет во время осенних каникул 1988 года поездка в Москву.

МЫ любим, любим
МЫ любим труд, винтовку, ученье (хоть бы на лету!) вкусную шамовку и даже смерть, но — на посту!

Рисунки Г. ГАМАЗИНА.

1988

В Москве капал первый холодный дождик, а нам пришлось натягивать на себя шубы, ушанки и все, какие были в наличии, свитеры и кофты. Из несколько запоздавшей московской весны мы отправлялись в самую настоящую зиму. Началась неделя «Писатели России — детям Крайнего Севера». Нас, писателей Анну Масс, Леонида Яхнина и меня, представителя журнала «Пионер», ждали ребята Таймыра.

Где мы только не побывали за эти дни! В школах Норильска и Дудинки, на оленеводческих стойбищах и в поселке газовиков Тухард... Читали стихи, рассказы, отвечали на многочисленные вопросы. Но, конечно, мы приехали на Таймыр не только себя показать. Нам хотелось побольше узнать о том, как и чем живут в этом суровом краю дети и взрослые. Поэтому не только отвечали на вопросы, но и сами задавали их. А еще — внимательно наблюдали и записывали свои впечатления в блокноты. То, что увидел и услышал на далеком холодном Таймыре Леонид Яхнин, вы можете прочесть в этом номере нашего журнала.

Николай ЛАММ

Леонид ЯХНИН

Солнце в упряжке

ЛИСТКИ ИЗ ДНЕВНИКА

Трава на снегу

Туманное солнце катилось по снежным холмам. Я глядел на него из круглого окошка вертолета, пока не загудели лопасти, не подняли морозную пыль. Вертолет затрясся и покачнулся. В мгновение ока заснеженная земля в окошке провалилась куда-то глубоко вниз. И среди снега там, внизу, откуда мы только что взлетели, вдруг появились пучки травы, сухие былинки. После уж я догадался, что это кустились карликовые северные березки и одиноко торчали крестики низких лиственниц. С высоты полета они померещились мне травой, сухой и обмороженной. Белыми слоновьими следами тянулись замерзшие озера. Все новые и новые цепи снежных холмов выворачивались из-за горизонта. А бледное тундровое солнце катилось и катилось по их снежным хребтам, по сверкающим просторам полуострова Таймыр.

Рисующий глаз

Отправляясь в тундру, в стойбище ненцев-оленеводов, взял я с собой блокнот и горсть рисовальных карандашей. Блокнот удобный, с откидной картонной крышкой. А карандаши отточены. И среди них даже белый — специально для рисования снега.

Летел с нами в вертолете журнальный фотокорреспондент — фотокор Федор. Важный. С черным фотоаппаратом на животе и с большой волчьей рукавицей в руке. Он ею аппарат будет держать на морозе. В такую большую рукавицу, я думаю, и целиком можно влезть. Отличная рукавица. Но мне такая для рисования не годится. Я должен карандаш пальцами чувствовать. Так я думал сначала, пока сидел в вертолете. Как только вышли мы из теплого его нутра, меня мороз прихватил и пальцы одеревенил. Не слушаются. Даже снег белым карандашом не могу наштриховать. Спрятал я альбом за пазуху, а руки в карманы и решил рисовать глазами. Посмотрел — запомнил. Каждый взгляд — кадрик памяти.

Икча и Хакля

Первое, что глаз мой нарисовал, были Икча и Хакля. То есть поначалу не было ни Икчи, ни Хакли, а был лишь цветной вихрь на снегу. Постепенно из этого вихря образовались пятна — рыжее и черно-белое. И потом уж у этих пятен появились широкие лапы, узкие морды и лисьи хвосты. И уж только после этого разглядел я двух радостных псов — черноухого и белошеего. А позже узнал, что по-ненецки черноухий — Хакля, а белошеий — Икча.

Икча и Хакля — оленегонные собаки. Гонят стадо оленей по тундре, не дают им разбегаться. К человеку оленегонная собака ласковая, а с оленями строга.

Семейная фотография

Пока я разбирался с Икчей и Хаклей, сноровистый фотокор Федор собрал всех ненцев стойбища, сбил их в плотную группу, похожую на снежный холм. У подножия — невозмутимые старики, в середине — хохочущие девушки, а на самой верішине — неподвижные серьезные мужчины-оленеводы. А как же еще? Они мужчины. Они оленеводы.

Вся бригада здесь, под нацеленным объективом шустрого фотокора Федора. Стал фотокор выяснять имена и фамилии снявшихся ненцев. Для журнала. И оказалось, что одна у них фамилия — Тайбарей. Все они — одна семья. Дедушка с бабушкой. Отец с матерью. Сыновья и дочери. И даже два малолетних внука — бутуз Петя и малышка Венера.

Веселый огуречный запах

Сидели мы в балке́ и чай пили. Тепло в ненецком зимнем доме — в балке́. Железная печка пышет раскаленными боками. Круглое ее огненное отверстие величиной с багровый круг тундрового солнца. Только солнце далекое, холодное, а печка так и кипит огнем. Оленьи шкуры, набитые на стены изнутри и снаружи, греют не хуже печки. И хоть невелик бало́к — коробок на полозьях,— а всем места хватает. Здесь и бабушка Ватане. И дедушка Илко. И старшая дочь Еване. И сыновья Сатако, Папако, Сэрако. И, конечно же, малышка Венера. Сидит на меховых парках и сокуях, сложенных горкой в углу. Молчит. Серьезный разговор идет. Взрослый. Про Москву.

И вдруг дедушка Илко говорит:

— Что это мы гостей пустым чаем поим? Надо им хорошей еды дать.

Встал он, распахнул дверь балка и вышел. Только клуб голубого пара остался. Да и тот быстро растаял. Не было дедушки Илко долго. Но вот снова распахнулась дверь, и вместе с голубым клубом морозного пара появился он с обледенелым кожаным мешком. Дернул за хрусткие, льдом схваченные тесемки, раскрыл мешок, а оттуда потек свежий огуречный запах. Что за чудеса? Свежие огурцы приносят с сорокаградусного мороза! А дедушка Илко стал вытаскивать эти огурцы один за другим и на стол класть. Оказались они с хвостами да с плавниками.

И вдобавок с рыбьими головами. Ну и огурцы!

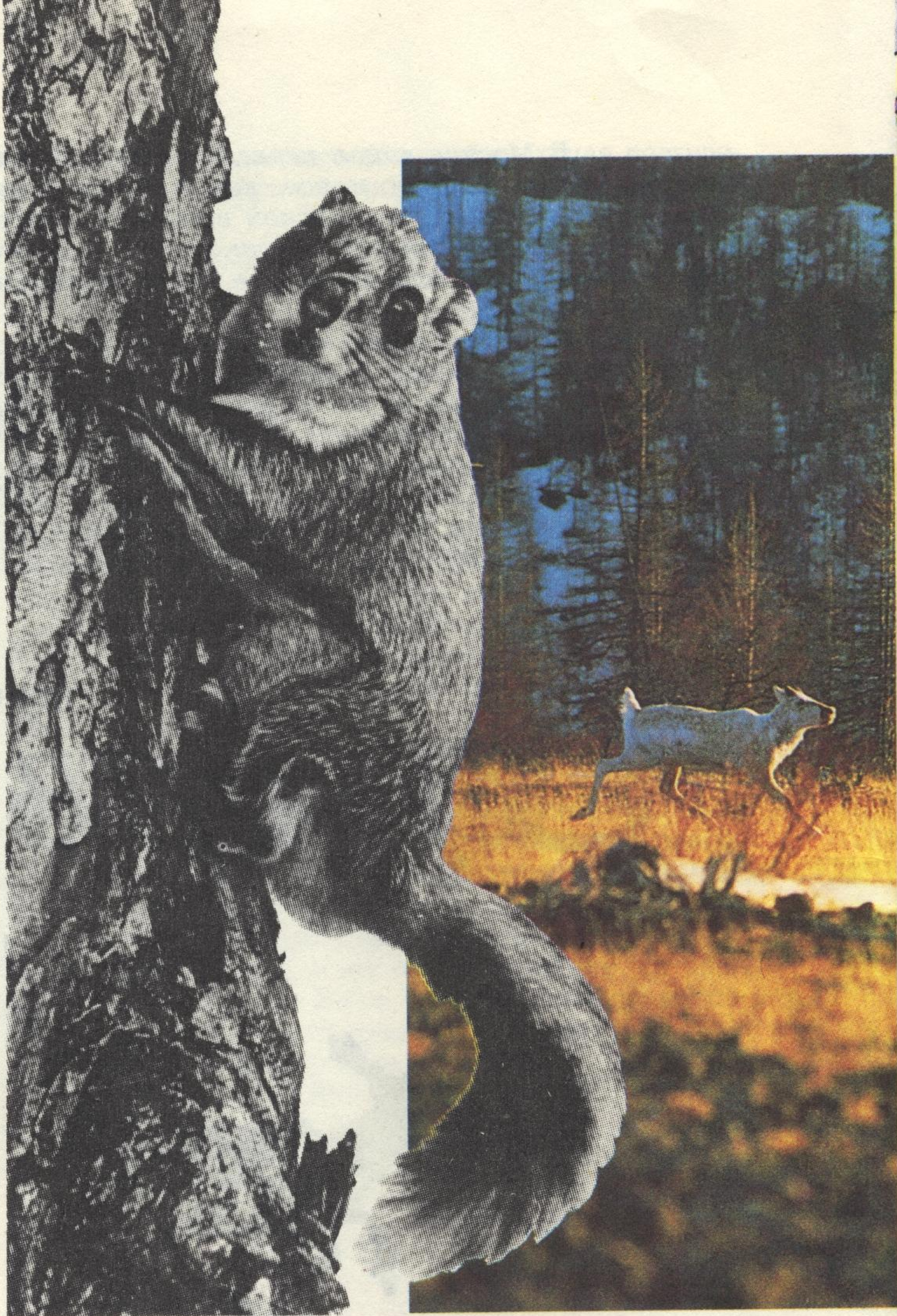
— Корюшка это! Енисейская рыбка корюшка! Она всегда свежими огурцами пахнет,— засмеялся дедушка Илко.

Вслед за ним и бабушка Ватане мелко захихикала. И братья Сатако, Папако, Сэрако загрохотали. И старшая дочь Еване улыбнулась. И даже малышка Венера залилась звонким смехом.

Веселая рыба корюшка. И хорошо, что пахнет огурцом. Лето напоминает. Приятно вспоминать о лете в теплом ненецком доме — балке посреди заснеженной Таймырской тундры.

Лечебное ружье

У фельдшера Ели в руках лечебный чемоданчик, а за плечами — ружье. В чемоданчике лежат лекарства, блестящие инструменты и ушная трубочка — стетоскоп. Это понятно. А ружье зачем?

— Еля, зачем вам ружье?

Еля сдвинула на лоб меховой капор, а короткие брови подвинула со лба еще ниже — на глаза. Прищурила свои и так узкие глаза и страшным шепотом сказала:

— От медведя обороняться!

— От белого?!

— Ага! Он раскинет лапы, пойдет на меня. А я — бах-тарарах!— и наповал. Сто медведей уже убила!

Посмотрел я недоверчиво на фельдшера Елю. Она сама в меховой куртке похожа на медвежонка. Разве ростом чуть больше. А Еля смеется:

— Не убойное у меня ружье! Лечебное.

— Медведей лечить?

— Детей!

Совсем растерялся я от такого загадочного ответа. Тем временем фельдшер Еля вошла в теплый балок. Там пятилетний бутуз Петя под лежанку забился, прячется от страшной ушной трубочки — стетоскопа. Скинула фельдшер Еля ружье и говорит:

— Где тут охотник-промысловик бутуз Петя? Пусть поглядит мое ружье. Хорошо ли стреляет?

Из-под лежанки высунулась осторожная пятка в оленьем чулке. Потом вторая. За пятками задом и весь Петя выполз. Деловито взял ружье. Пощелкал курками, приклад погладил: хорошее ружье, пристреляно.

— А теперь мы поглядим, хорош ли ты охотник, крепкое ли сердце, сильное ли дыхание,— сказала фельдшер Еля и приложила к груди пятилетнего охотника слуховую бомбошку трубочки-стетоскопа.

И охотник Петя с лечебным ружьем в руках мужественно затаил дыхание. Малышка Венера тоже не дышит — гордится старшим братом.

Колокол снегов

Летом солнце в тундре стоит круглые сутки. День и ночь перепутываются. А весеннее солнце еще слабое. Походит в небе и падает за снежный горизонт. Но и ночью разлит над стойбищем мерцающий свет. Светятся, вспыхивают лампочками снежные крылья сугробов. Прозрачные голубые тени, словно абажуры, приглушают немного этот снеговой свет. Но все же ломит от него глаза. Кажется, сам воздух светится. И течет этот свет холодной струйкой прямо в зрачок. Слезится, выключается мой рисующий глаз. Зато включается слух. Ловлю я ухом ночные звуки тундры.

Сонно взлаивают собаки. Хорхают, будто поперхнувшись чем-то, олени: хорр-х! хор-х! Потрескивают смерзшиеся на морозе оленьи стены балка.

Но и еще какой-то звук. Никак я его не могу определить. А чувствую — есть он. Зудит или гудит? Или позванивает? Или шуршит? Но кто может зудеть или позванивать в немыслимый мороз? И вдруг я догадываюсь. Это голос снегов. Позванивают они остекленевшими снежинками. Шуршат, укладываясь поплотнее в сугробы. И гудит в ушах безмолвный снежный колокол. Собирает воедино все звуки. Хорканье оленей. Взлаивание собак. Движение ветра. И, может быть, несмелое дыхание просыпающейся весенней земли.

Привет от мамонта

Утром мы пили чай. А я все поглядывал на стену балка. Там висел огромный желтый зуб. Невероятный этот зуб мог бы поместиться разве что во рту ископаемого саблезубого тигра. Дедушка Илко поймал мой взгляд и снял сабельный зуб со стены. Оказалось, что зуб — это только костяные ножны. А внутри нож. С костяной ручкой. Дедушка Илко протянул мне его и сказал:

— Нож. По-ненецки — хар!

Какое точное слово для острого быстрого ножа — хар. Я вертел ненецкий хар в руках. Но тут подбежал ко мне бутуз Петя, выхватил нож и прицепил его к поясу. Он горделиво прошелся у моих коленей, будто заправский охотник, и сказал:

— Теня! Вот как называется этот нож у пояса — теня!

Фотографии В. ОРЛОВА.

Не успел я удивиться второму названию одного ножа, как старшая дочь Еване взяла у бутуза Пети то ли хар, то ли теню и принялась им выкраивать из куска оленьей кожи узенький ремешок. Поскоблит жесткую кожу и вырезает, поскоблит — и режет дальше.

— Этим ножом одежду можно кроить,— сказала она.— Поэтому сэдорабць он называется.

Я окончательно запутался. Если нож просто нож — то он хар. Подвесь его к охотничьему поясу — станет теня. А дай в руки женщине, станет она кроить оленью одежду, тут особое слово появляется, его и не выговоришь сразу — сэ-дорабць!

Стал я это слово на все лады повторять. Сэд-о-раб-ць. ...Сэдо-раб-ць. И вдруг представилась мне картинка: сидит женщина за работой — сэдо-раб... Скребет шкуру оленя острым ножом — бць-бць. И, наверное, поет тихую северную песню, где такие же картинные слова.

Удивителен язык, где слова, как картинки. Тут и не нужен рисующий глаз. Достаточно рисующего уха. Слушай и представляй. Задумался я, представляя ненецкие слова-картинки. А дедушка Илко толкнул меня в бок и говорит:

— А ножны из бивня мамонта. Слово такое русское — мамонт. Древнее.

Олений кулек

Вдоль кромки снежной сопки долго бежали оленьи рога. Будто ни с того ни с сего пустились в пляс кусты тальника. И вдруг разом вынырнули из-за сопки два оленя. Они тяжело работали ногами в рыхлом снегу, громко фыркали, пуская из ноздрей паровозные струйки пара. За поднятой оленями снежной пылью сразу и не заметны были длинные деревянные санки. В санках сидел кулек из оленьих одежд. Из кулька торчала длинная палка-хорей. Шшу-шшу! — подгонял оленей кулек и грозно шевелил хореем. Оленья упряжка перевалила через невысокую сопку и выкатила прямо к стойбищу.

— Хоп! — крикнул кулек тоненьким голоском и соскочил с санок.

Из всех балков высыпали оленеводы.

— Саля приехала! Александра! Какие книги привезла?

Олений кулек оказался библиотекаршей Салей из Красного чума — поселковой библиотеки. Быстро распаковала Саля-Александра свой олений баул. Каждому привезла что-нибудь.

И вот уж сидят братья Тайбарей. Сатако читает газету «Правда». Папако развернул цветной журнал «Огонек». Сэрако листает толстую книгу — на месяц чтения! Старшая сестра Еване в журнале «Работница» наряды разглядывает. А дедушка Илко посадил на колени бутуза Петю и малышку Венеру, читает им вслух сказку про волшебного старика Вэсако.

Только бабушка Ватане ничего пока не читает. Она хлопочет вокруг библиотекарши Сали-Александры. Накормить ее надо, чаем напоить. Дальняя дорога была до стойбища. И обратная предстоит.

Люлька в санях

Приехала в стойбище поющая бригада. Артисты. Аккордеон привезли. Артистов в самый большой балок пригласили. В бригадирский. А зрителей столько, что и снаружи, в дверях стоят. Те, кому и в дверях места не хватило, ухом к оленьей стенке балка приникли.Только дедушка Илко в этой толкотне не участвует. Сидит в сторонке на твердом гребне сугроба.

Зарокотал басами аккордеон. Разом ахнула поющая бригада:

Белая акация в цвету-у...

Дедушка Илко вздрогнул, выпростал ухо из-под капюшона, прислушиваясь к этой совсем не северной песне. Громко поют артисты. Всем слышно. И вдруг: шшу-шу! Хэ-хэй! О-хэй! Оленья упряжка. А на ней Клара из соседнего стойбища.

— Опоздала?! Уже начали петь артисты?

— Полтундры пробежала,— удивился дедушка Илко.— И чего торопилась? К вам тоже артисты приедут.

— А я два раза послушаю! — засмеялась молодая Клара и сунула дедушке Илко кожаный сверток, перевитый оленьими ремешками. Сверток запищал, и дедушка Илко тихонько запел ему совсем северную вьюжную песню: а-аа, о-оо, у-уу...

А молодая мама Клара протиснулась к дверям балка и замерла.

Нежная акация, снежная мете-ель...

Фыркали олени, скрипел снег, басил аккордеон, тоненько попискивал олений сверток на коленях у дедушки Илко, и летела над балком, поднималась вместе со струйкой дыма все-таки немного северная песня:

Снежная акация в саду-уу...

Тухарт

За мной прилетел вертолет. Я прощался с бабушкой Ватане. И с дедушкой Илко. Покачал на прощание на коленях малышку Венеру. Крепко пожал руки братьям Папако, Сатако, Сэрако и бутузу Пете. А старшая дочь Еване подкатила меня на оленьей упряжке прямо к брюху вертолета.

Смотрел я, не отрываясь, в круглое окошко вертолета. Ждал, когда кончится снежная тундра, чтобы в последний раз махнуть ей рукой. Но все тянулась и тянулась тундра в морозном тумане. Холмистые ровные снега. А вон через эти снега пролегла ровная лыжня. Нет, это дорога шириной с лыжню. Куда дорога? Откуда? Кто по ней ездит?

Вдоль голубой полосы дороги летел наш вертолет. И, казалось, уже летят они наперегонки — дорога-стрела и гудящий комарик-вертолет. Кем пущена, куда воткнется эта бесконечная стрела дороги? И вдруг я увидел впереди на самом острие дороги пучок огня. И показалась тогда мне эта дорога длинной рукоятью факела, упавшего в сверкающий снег.

— Факел! — гаркнул из кабины летчик, перекрывая шум винта.

— И мне так показалось! — обрадовался я.

— Не показалось, а точно! По маршруту как раз под нами Тухарт. Это по-ненецки. А по-русски — Пылающая земля. Или Факел. Поселок газовиков. Тянут трубопровод на материк. Газ тут природный,— отрывисто бросал мне из кабины летчик.

А я уже жадно разглядывал стежку домиков, круглые банки газохранилищ. Разглядывал и думал, что мне приятно повторять имя этой снежной стороны — Пылающая земля.

Наталия ИЩУК

Голубое в голубом

Вот кусочек мягкой глины
Разделен на половины...

И слепила я кораблик,
И слепила самолет.

Но сказали, мой кораблик
Никуда не поплывет!

И знакомый мне твердит,
И прохожий мне твердит,

Что из глины самолетик
Никогда не полетит...

Но ведь глину я нашла
Не любую —
Но ведь глину я нашла
Голубую!

Самолет мой наберет
Высоту,
И кораблик не удержишь
В порту:

Голубое в голубом
Оживет,
Голубое в голубом
Загудит —

Голубое в голубом
Поплывет,
Голубое в голубом
Полетит!

Небо

Говорят,
Я когда-то была
Меньше куклы
И ниже стола!

А теперь
За столом я сижу,
Куклу я на коленях держу.
Все уменьшилось в доме немножко.
Стало в комнате
Ниже окошко.
Ниже яблоки в нашем саду:
Захочу —
Дотянусь без труда...

Только небо,
Как я ни расту,
Остается высоким
Всегда!

Рисунок А. ГРИШИНА.

ЮНКОРОВСКИЙ ПОСТ

Размышляем, Вникаем, Спорим

Здравствуйте, друзья! С Новым годом! «Юнкоровский пост «РВС» опять встречается с вами.

ПИОНЕРСКИЙ КАЛЕНДАРЬ

1 января — Новогодний праздник.

Ребята! Расскажите нам, как вы со своим отрядом встретили праздник Нового года. Самые интересные рассказы мы опубликуем.

21 января 1924 — Умер Владимир Ильич Ленин.

Предсовнаркома Ленин

Листок блокнота, каждая бумажка,
Наимельчайшие черновички,
Записочка, где просьба есть к Семашко,
Чтоб тот достал крестьянину очки,
Стол, стул, скамья, садовая дорожка —
Нам дорого все связанное с ним.
С детишками играет, гладит кошку —
На все это мы с нежностью глядим.
Но мы порою забываем словно:
Проступки, в форме этой или той,
Он требовал (цитирую дословно)
Карать «с демонстративной быстротой».
Дрожали у виновного колени,
Весь трепетал, как на ветру свеча,—
Пред ним стоял Предсовнаркома Ленин
Взамен сердечнейшего Ильича.
Пролаза, волокитчик, бюрократ —
Пусть и сейчас дрожать не перестанут:
Пусть чудится тому, кто виноват,—
А вдруг сквозь стены Мавзолея глянут
Всевидящие грозные глаза,
От коих скрыться никуда нельзя.

Вера Инбер.

ОБЗОР ЮНКОРОВСКИХ ПИСЕМ

В этом первом выпуске нового, 1988 года мы решили предложить вам, ребята, обзор юнкоровских писем. Это отклики на темы, прозвучавшие в разделах:

«Спор-площадка»,
«Возник вопрос»,
«Ситуация»,
«Отрядная копилка»,
«Статистическое бюро «Посчитаем-подумаем».

Сегодняшние письма — некоторый итог работы «Юнкоровского поста «РВС» за прошлый год. Прочитайте их, пришлите свои мнения, предложения. И ваши письма могут занять свое место на страничках «Юнкоровского поста «РВС».

Что я думаю про деньги

Я хочу рассказать о летней трудовой четверти в нашей школе.

В прошлом году старшеклассники работали на Механическом заводе: изготовляли детали и части к охотничьим ружьям. Школьники шестых-седьмых классов были в колхозе «Россия», что в пятнадцати километрах от города,— пропалывали свеклу на площади в 4 гектара. (Заплатили ли им деньги за эту работу, я не знаю.) Также в нашей школе во время трудовой четверти работала бригада художников-оформителей из учеников. Они оформили несколько кабинетов, в том числе и библиотеку: сделали панно, макраме... Организована была и столярная бригада. Она изготовляла множество ящиков для цветов. Сейчас эти красивые ящики стоят на всех школьных этажах, и в них уже есть цветы. Деньги ребятам за

эту работу не платили, так как их труд шел на благо школы... Была у нас и бригада вожатых, которая в школьном лагере работала три месяца. Также по желанию любой мог трудиться на пришкольном участке. И еще каждый день в августе мы ездили полоть морковь в колхозе.

Я думаю, что во время трудовой четверти отряды, выезжающие в колхоз и другие места, должны получать какую-то часть денег, а остальную перечислять в Фонд мира или на ремонт школы.

Юнкор Ольга КОРОСТЫЛЕВА, г. Ижевск.

Самая удобная позиция

Отчет членов совета отряда у нас проходит следующим образом. Приходит член совета дружины и спрашивает: «Что ты сделал за этот учебный год?» Тут, конечно, вспоминаются былые заслуги (которых очень мало), и если ты хоть как-то когда-то что-то организовал, уже считаешься лучшим пионером отряда. Отчет этот проходит один раз в год, что, конечно, плохо. ***Я считаю: чтобы контролировать работу каждого члена отряда, нужно проводить отчеты раз в неделю и тут же намечать план действий на следующие дни.*** *За невыполненное пионерское поручение пионера строго наказывать (до исключения из пионерской организации). А то получается, пионер пообещал и не выполнил, его поругали, он забыл и продолжает бездельничать, а это самая удобная позиция в жизни.*

Извините, что не пишу своего имени.

Днепропетровская область.

Я старалась вовсю...

Здравствуйте! Можете думать, что хотите, но я вам все напишу. Зовут меня Таня Петрова, учусь я в школе № 128. Я пионерка и глубоко в этом раскаиваюсь. ***Ваши пионерские «дела» мне ничего не дали, хотя я (поверьте на слово) старалась вовсю.*** *Была с 4-го класса и председателем, и старостой. Почти все дела делались с непременным моим участием. Запомните: прошли времена, когда Тимур свистнет и все уже на боевых постах. С одной стороны, у нас учителя: учитесь, учитесь, а для приготовления уроков среднестатистическому ученику нужно не меньше 2—3 часов. Со второй стороны — родители: укрепляй здоровье — занимайся спортом, повышай свой кругозор — посещай кружки и лекции. Это тоже съедает кучу времени. С третьей стороны — свои интересы:*

В ИЗОСТУДИИ.— *Автор Сергей ВАЛЬЦОВ, восьмиклассник из школы №658 г. Москвы.*

ЗИМНИЕ ШУТКИ. — *Работа Кирилла ЯРОША, который занимается в фотостудии Харьковского областного Дворца пионеров и школьников.*

с друзьями встретиться, в кино сходить, а тут еще вы все со своими пионерскими, никому не нужными делами. Если бы вы не кидали налево-направо, что вот, мол, вы — пионеры, вы должны, обязаны и так далее, а действительно берегли бы все свои святыни, так за вами бы пошли. А так идете вы с гордо поднятыми головами и руками и думаете, что все за вами бегут и торопятся попасть в ваши ряды. Оглянитесь! За вами никого нет!

Без уважения к вашей организации как таковой.

Татьяна ПЕТРОВА, г. Свердловск.

P.S. И не надо никаких «Спор-площадок».

Учителя не верят нам

В прошлом учебном году наш отряд взял на себя большую ответственность: ***мы решили провести первый в дружине эксперимент по полному самоуправлению.*** *Но учителя не верят нам. Стоит возникнуть какой-нибудь неполадке, как они тотчас же: «Вот, вот оно, ваше самоуправление». Стараются попрекнуть, поддеть; они видят в школьном самоуправлении потерю своего влияния, даже авторитета. А мы просто хотим отвечать за все сами.*

Девочки 7-го «Б»
г. Дзержинск, Горьковская область.

(Девочки, к сожалению, не указали свою школу.)

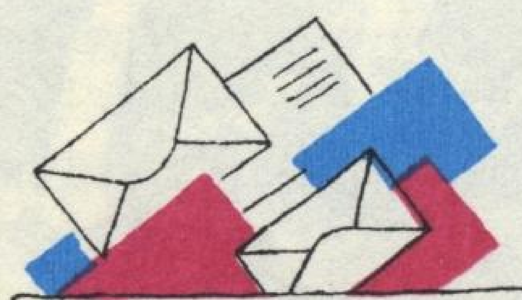
ЮНКОРЫ! ОБЩИЙ СБОР!

Внимание! Молодой юнкоровский отряд «Легенда» из города Свердловска просит помощи.

«Члены нашего отряда занимаются фехтованием, а спортивных клинков у нас не хватает. В магазине мы их купить не можем — в продажу клинки поступают в ограниченном количестве.

Ребята! Если у вас есть лишние клинки, пришлите их нам по адресу: 620028, г. Свердловск, ул. Заводская, д. 11, кв. 73, Максиму Шувалову для юнкоровского отряда «Легенда» — будем очень благодарны за помощь».

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Учкомы! Кто может поделиться опытом работы? Жду ваши письма по адресу: 427410. Удмуртская АССР, г. Воткинск, ул. Мира, д. 13, кв. 13, Оксане Гавриловой.

* * *

Мы посещаем клуб служебного собаководства. Нам очень хотелось бы переписываться с теми, кто работает, как и мы, со служебными собаками. Наш адрес: 660084, г. Красноярск, Ленинградский пр-т, д. 1, кв. 107, Наташе Дудкиной, и 660084, г. Красноярск, Ленинградский пр-т, д. 1, кв. 82, Оле Грановой.

СИТУАЦИЯ

В прошлом выпуске (смотри № 12 за 1987 год) мы привели письмо семиклассников, которые возмущены тем, что сорвалась их поездка на экскурсию из-за нескольких одноклассниц. В позиции авторов письма мы видим две ошибки.

Во-первых, если бы эти ребята были только одноклассниками, они бы, может, и могли так заявить: «Разве мы виноваты? Мы им говорили, просили, умоляли...» Но эти ребята — пионеры, члены одного отряда, где «Один за всех, а все за одного». Значит, отряд отвечает за поступки каждого пионера. И никакого разделения на «мы» — хорошие и «они» — плохие тут быть не может.

Во-вторых, если вы видите, что кое-кому в вашем отряде совершенно наплевать на пионерскую организацию, почему вы не исключаете его из пионеров? Или вы считаете, что пионеры, которые курят, пьют, интересуются только барами и танцами и с пренебрежением относятся к жизни организации, могут оставаться ее членами?

ДИАГНОЗ СТАВИТ ЧИТАТЕЛЬ

В № 8 «Пионера» за прошлый год на стр. 25 мы опубликовали письмо семиклассника, не назвавшего себя. Наши юнкоры на слете и все читатели «Пионера» получили редакционное задание: обсудить это письмо в отрядах и дружинах. Отклики получены, можно подводить итоги.

Кто «за»? Кто «против»?

«Когда я прочитала в № 8 вашего журнала письмо паренька, артековца, у меня улучшилось настроение. Наконец-то нашелся человек, которому не боязно было высказать все, что накопилось у него в душе». — ***Люба Ростова, Москва.***

«Я была поражена тем, как автор письма точно и правильно изложил сегодняшнюю обстановку в пионерских дружинах». — ***Девочка 14 лет.***

«Я считаю, что он тысячу раз прав! Если спросить даже не среднего пионера, а председателя совета отряда, уважает ли он свою организацию, тот заявит, что ты дурак! Что же из этого следует? ***Катастрофа!*** *Пионерской организации как таковой не существует. По крайней мере ее присутствия не ощущается!»* — ***Ал. Паш., г. Арзамас.***

И так почти во всех письмах: *«Согласна», «Совершенно согласен», «Автор прав...».* По крайней мере с двумя утверждениями: что многие пионеры не уважают свою организацию и что принимать в пионеры надо только достойных, а не всех поголовно, согласились **ВСЕ** написавшие нам ребята. Все, кроме ***Сергея Зарванского из г. Мегион Тюменской области,*** который считает, что не уважают пионерскую организацию только бездельники и двоечники.

Ну, а делегаты как отнеслись к утверждениям неизвестного автора? Вот что об этом пишут наши юнкоры.

Егор Подолинский («Каравелла», г. Свердловск):

«Мнения были самые различные, от «Все правильно!» до «Какой дурак это написал?». Правда, таких людей, которые считают, что все в письме неправильно, было очень мало».

Лариса Мервинская («Синий краб-зюйд», г. Симферополь):

«У делегатов мнения по поводу письма разделились. Автор считает, что многие пионеры не уважают свою организацию. Некоторые делегаты мне с яростью доказывали противоположное. Но при этом я хочу заметить, что сами-то они, как только я отошла в сторону, покрутили пальчиками у висков. Как видите, автор оказался прав — свою организацию большинство не уважает».

Из писем наших читателей:

«Я более чем уверен, что делегаты IX Всесоюзного слета пионеров правды о состоянии дел в пионерской организации не скажут». — ***Пионер из Красногоровки Донецкой области.***

«Предвижу, много будет ответов, что все хорошо». — ***Виктория Доронина, г. Мстиславль, Могилевская область.***

Не угадали, друзья. И на слете было очень много острых споров, да и читатели в своих письмах беспокойства за пионерскую организацию не скрывают. Как видим, большинство поддерживает автора опубликованного письма и считает положение крайне серьезным.

Жизнь на коленях

Письмо начиналось так:

«Мы провели опрос среди пионеров нашей дружины. Вот некоторые из ответов.

— Все заставляют делать насильно, вечно свое личное время тратим, после уроков редко уходим без задержки: то сбор отряда, то какой-нибудь отчет, то линейка. Надоело все!

— Замучили уже с этими «пионерскими делами»! В учебном году я должен как член совета дружины посещать школу пионерского актива. А она проходит в неудобное для меня время. Я пропускаю, от выговоров проходу нет. Ужас!»

А в конце письма стояла подпись: *пионеры отряда «Непокорные». Наш девиз: «Лучше умереть стоя, чем жить на коленях».*

Ну и смех. Знаете, что я подумала, когда прочитала это письмо? Те, кто ноет, что им надоело тратить личное время на дела в своей организации, тоже, наверное, из отряда с гордым названием. И девиз у них есть, такой же красивый. Вот только нет мужества или изменить то, что «надоело» в своей организации, или уйти из нее совсем. Вот уж и правда «жизнь на коленях».

Кто виноват?

Таня из села Верх-Усугли Читинской области пишет:

«Рядом с нашей старой школой строится новая, двухэтаж-

1-й секретарь ЦК ВЛКСМ В. И. Мироненко (в центре) и председатель ЦС ВПО имени В. И. Ленина И. Н. Никитин на встрече с делегатами слета.

ная. В ней идут отделочные работы: там красят, кладут трубы, асфальтируют территорию... И всю эту работу выполняют наши мамы, папы, тети и дяди, бабушки и дедушки, которые проводят здесь субботники. А ведь это могли сделать и мы: покрасить полы, например. Я со своими подругами пошла бы сразу. Но учителя (и некоторые родители) не хотят этого.

Сейчас в соседних колхозах и совхозах нужно убирать картофель, морковь, свеклу... Мы съездили один раз, и все. А отряд мой еще хочет!»

Это письмо **семиклассника из Орла:**

«Все наши важные дела никому не нужны. Например, как мы собираем макулатуру? Ученики 1—5-го классов тащат по 20—60 кг бумаги, занимают первые места. А буквально через день-другой эту бумагу сжигают на стадионе. Лучше бы эту макулатуру мы сами сдали и получили талоны на какие-нибудь книги для школьной библиотеки. А то в нашей библиотеке читать совершенно нечего».

Андрей Щиковский и Миша Фурминский, юнкоры отряда «Солярис», записали на слете такой рассказ делегата:

«Я три года председатель совета дружины. В первый год я еще ничего не знал. Мне надо было составить план работы дружины. Вожатая подошла ко мне и дала старый план и сказала заменить числа и прочитать его на сборе. Так я и сделал. Доклад занял у меня 15 минут, а уже через 5 минут меня никто не слушал».

Почему пионеры недовольны своей организацией? Когда задаешь вам этот вопрос, вы кричите в ответ: «Учителя задавили, все за нас придумывают, все решают, дайте нам самостоятельности...» А вы ее возьмите. Сами.

Вот как увидели слет юнкоры из отряда «Пламя» Женя Кузин и Алеша Есипенко: напряженные лица ребят, дискуссии и споры. Нет, делегатам и участникам слета было не все равно, какой станет их организация.

Обидно, когда горит собранная вами бумага? А почему вы не узнали, куда эта бумага пойдет, кто ее будет вывозить и нужна ли она вообще? Почему положились на директора, завуча, на кого-то еще? В следующий раз все выясняйте сами. А если вашу макулатуру никто не ждет, не собирайте.

Хотите строить школу, а учителя, родители не пускают? Поднимайте на ноги комитет комсомола, звоните в райком... Если красить полы не доверят (с красками детям работать вредно), то уж мусор выносить, мыть стены, сажать цветы и деревья дадут точно.

Картошка мокнет, морковь гниет, колхозам нужна ваша помощь, а учителя не позвали, не отвезли на поле? А вы соберите совет дружины, возьмите с собой пионервожатую и идите к директору совхоза сами. Да покажите ему решение

Оформление К. ОРЛОВА.

слета. Не верю, что откажет.

А если когда-нибудь вам вожатая или учитель предложит прошлогодний план выдать за новый, не соглашайтесь. Позовите на помощь ребят, пусть они подскажут, каких дел хотят.

Как написала **Светлана Лебедева из г. Погар Брянской области:** *«Может быть, где-то надо и поспорить с вожатым, с учителем, даже с самим собой. Но настоящего дела нет без спора и поисков».*

А как захочется опять все свалить на взрослых: «они не дали, не разрешили, не предоставили...»,— вспомните слова **Павла Рыжова из Курска:**

«Согласен, организация не только не ставит перед пионерами таких важных задач, как в 20—30-е годы, но и вообще почти ничего не ставит. Но ведь организация — это мы сами! Мы, пионеры, устраиваем себе жизнь без трудностей, без проблем, легкую жизнь. Вот что страшно!»

В чем разногласия

Если с первым и последним утверждением нашего неизвестного автора практически все согласились, то по трем другим были разногласия.

Не все пионеры на субботниках проводят бесцельно время, не во всех дружинах скучные планы. *«Все, что мы намечаем, проходит у нас интересно».*— **Зайнап Масхадова, г. Хасавюрт, ДагАССР.**

«Сейчас во многих городах и поселках действуют тимуровские штабы. Во многих частях нашей страны создаются отряды «зеленых» и «голубых» патрулей.

А чтобы планы дружины не были скучными, надо в совет дружины выдвигать не только отличников, как предлагают учителя, но и ребят-затейников, которые могут повести за собой».— **Юра Тимофеев, д. Творогово, Красноярский край.**

Аркадий Парфенов из Усть-Камчатска прислал нам очень сердитое письмо. Он предлагает вообще отменить Всесоюзную пионерскую организацию. *«Почему? Да потому, что пионерская организация изжила себя. Если в 20-х годах она была создана для того, чтобы дети помогали взрослым бороться с беспризорностью, с кулаками, с контрреволюцией, то теперь, через 40 лет после последней войны, с чем бороться, с хулиганством несовершеннолетних? Организация пионеров превратилась в средство, как бы чем-нибудь занять школьников во внешкольное время».*

А почему бы пионерам и не дать отпор несовершеннолетним хулиганам? Почему бы не вступить в борьбу за тех подростков, кто курит, пьет, употребляет токсины и наркотики? Неужели нет сейчас для пионеров дел? Не надо охранять реки от браконьеров, следить за ручьями, чтоб не засохли? И не нужны ваши руки при восстановлении памятников старины? И колхозам-совхозам вы не хотите помочь? И ребятишек из интернатов и детских домов не хотите взять под свою опеку? Да посмотрите, что делается вокруг ваших школ! Ближайшая от меня школа — самое неухоженное, самое запущенное в микрорайоне место: ни деревьев, ни цветов, ни спортивных площадок, только лужи да битое стекло. Благоустроить свой город, свое село — это не дело для пионеров 80-х годов?

«Мы считаем, что наша организация очень нужна сейчас, как и в 20—30-х годах». — **Совет дружины Сходненской средней школы № 1, Московская область.**

«Герои» восьмидесятых

«Только и надеюсь на то, что перестройка хоть что-нибудь изменит», — пишет девочка, **восьмиклассница из Москвы,** ругая порядки в пионерской организации. А в конце добавляет: *«Подписываться не буду, как вы понимаете, это может здорово повредить моей школьной карьере».* А другой «герой», сообщив в письме, что на линейки и сборы он *«не ходил, не ходит и не будет ходить»,* на конверте в верхнем правом углу вывел печатными буквами: *«Не поленился отправить письмо в другом районе, чтобы вы не узнали адрес».*

Еще в одном письме вполне откровенно: *«Адрес не пишем, не хотим, чтобы был выговор от учителей и завуча...»*

БОЛЬШИНСТВО откликов, пришедших в ответ на наше «Редакционное задание», оказалось АНОНИМНЫМИ. И в этих откликах — рассуждения о геройском прошлом пионерской организации и о том, как она измельчала сейчас. Да, куда уж вам совершать подвиги, как в гражданскую и Великую Отечественную, если вы свое мнение открыто боитесь сказать, делаете школьную КАРЬЕРУ. Какая уж тут перестройка...

Есть предложение

Грустно, братцы, читать ваши письма, грустно. Хорошо, хоть многие и многие наши читатели искренне хотят изменить жизнь пионерской организации.

У меня есть предложение. Но сначала приведу слова нашего юнкора **Жени Кузина (отряд «Пламя», г. Пятигорск):** *«Было принято решение слета. Решились некоторые вопросы, но многое осталось неучтенным. Об этом и говорили делегаты на линейке закрытия слета».*

Слет принял решение. И есть в этом решении хорошие мысли. Но не все делегаты остались довольны: хотелось революционных перемен. Что же, жизнь продолжается, впереди X слет, он тоже может многое изменить, если готовиться к нему мы начнем уже сейчас.

Предлагаю открыть **БАНК ИДЕЙ.** Представь, если бы пионерской организацией руководил ты, что бы ты изменил? Подумай и пришли нам свои идеи. Мы напечатаем их в журнале и передадим в Центральный Совет ВПО имени В. И. Ленина. Пусть поразмыслят над вашими предложениями до следующего слета.

Первые идеи мы уже вычитали в ваших письмах:

1. **Пионерскую организацию надо вывести из школы.** (Юнкоры отряда «Каравелла» и многие другие наши читатели.)
2. **В пионерскую организацию принимать только достойных.** (Это предложение прозвучало во всех письмах наших читателей.)
3. **Для желающих вступить в пионеры устраивать испытательный срок.** (Люба Ростова, Москва.)

Кто следующий представит себя руководителем пионерской организации? Ждем ваших предложений. На конверте поставьте девиз: «БАНК ИДЕЙ».

М. МАТВЕЕВА

Евгений **ВЕЛТИСТОВ**

ПОВЕСТЬ

Рисунки А. БОРИСОВА.

Самый белый в мире милиционер

Во времена моего детства, в годы войны с фашистами, дядя Серега был для всех мальчишек самым справедливым в мире милиционером. Жил он в нашем дворе — в отдельном домике, отгороженном сиреневым палисадником, бывшим ранее то ли сторожкой, то ли кладовкой лавочника.

Милиционеры носили летом белые гимнастерки с красными петлицами, подпоясанные ремнями с кобурой. Жена дяди Сереги была работящая, мы ее почти не видели. Сбоку от домика день и ночь сушилось на веревке белье многочисленной милицейской семьи, в том числе и знаменитая гимнастерка.

В свободный час, ближе к вечеру, дядя Серега в выглаженной, накрахмаленной форме ступал на порог своего дома, молча наблюдал, как мы гоняем в клубах золотистой пыли тряпичный мяч, и долго еще, до самого выхода на ночное дежурство, светился сквозь сиреневые кусты.

Он никогда не вмешивался в наши мелкие распри и даже в крупные драки, но все в округе знали, что если у кого-то в момент безрассудства нальется кулак, мелькнет в руке камень или палка, нарушителя ждет «встряска».

Много лет спустя я обнаружил на месте нашего дома, нашего двора жилую башню, на месте жилища милицейской семьи — стандартный гараж. Гараж раздражал меня. Нет, я не надеялся увидеть все один к одному, как на старой фотографии. Время — я знал это по многим другим примерам — неизбежно сдувает приметы прошлого. Но, ей-ей, кирпичный в два окна дом с сиреневой подсветкой был куда более человечнее железного ящика для автомобиля. Старые друзья разбрелись по свету, на их месте поселились люди со своей особой новой жизнью. Я стал писателем и не раз порывался заглянуть в наш двор, но заветное желание долго оставалось лишь желанием. И теперь, увидев, как все изменилось, я понял, что слишком поздно решил навестить свое детство.

Я смотрел и смотрел на безликий гараж, стараясь восстановить по деталям прошлое. И вот увидел то, что ожидал: закат, сирень, какие-то знакомые силуэты, белую гимнастерку. Так родилась писательская мечта — написать повесть.

Это было похоже на кадры немого кино, которое прокрутили слишком быстро. Мне захотелось задержать, возвратить родные образы, и сделать я это мог только... написав новую книгу.

Так получилось, что первым я рассказал о милиционере моего детства ребятам, которых пригласили в клуб на встречу с писателями. Ребят

в зале было полно, а нас на сцене — четыре писателя-выступателя и один писатель-председатель.

Я рассказал, как дядя Сергей вылавливал бандитов, оберегая покой московских домов, переулков и улиц, как обезвредил ворюгу-убийцу Карлушу. Как дядя Серега радовался ночным праздничным салютам в честь освобождения от фашистов новых и новых городов и земель.

Дядя Серега уходил на дежурство, надвинув на лоб краснозвездную фуражку с лакированным козырьком. А однажды вернулся с орденом Красной Звезды. Мы сразу догадались: орден — за всех спасенных от подлого Карлуши и других бандюг. И тут же забыли о подвигах соседа: наутро чистая милицейская форма, как всегда, сохла на веревке, а мы привычно гоняли по площадке мяч.

Когда я закончил выступление, то и не подозревал, какие неожиданности случатся вскоре и что их причиной будет обыкновенная лампочка.

После выступления я шепнул председателю, что спешу, и пошел за кулисы. А за сценой — тьма египетская: кто-то выключил «дежурную» копеечную лампочку. Взобрался я осторожно по ступеням, попробовал найти дверь с табличкой «выход» и не нашел ее. Сделал в темноте несколько шагов и рухнул куда-то вниз, в глухое, мертвое пространство, будто в ночную пропасть. Успел лишь выбросить вперед руку со своим верным портфелем, с которым не расстаюсь никогда.

...Очнулся я на лавочке в маленьком уютном дворе. Со всех сторон зеленый квадрат обступили старинные особняки. За особняками — современные дома, и среди них — знакомое пузатое здание с куполом. Да это клуб, где я только что выступал!

Недалеко от лавочки — мой портфель. И все из него вытряхнулось. Зонт, бумаги, авторучка. Попытался встать, чтоб собрать вещи, и повалился на лавку. Так... Левая нога совсем непослушна — вывихнута или, даже хуже того, сломана.

— Больно? — вдруг раздался рядом пискливый голос.

Я повернул голову и увидел девочку с исписанным листком в руке.

— Девочка,— сказал я,— положи бумагу в портфель.

— Сейчас. А что такое «Уйди-уйди»? — Она вчитывалась в мои каракули.

— Это рукопись,— ответил я.— А рукописи нельзя читать без разрешения автора. Иди играй.

Я нарочно соврал: в новой повести, кроме названия и нескольких страниц начала, ничего пока не было.

А девчонка не отстает:

— Вы тот самый писатель, который пропал из клуба? Вас ведь ищут, мы были там...

— Раз ищут, значит, найдут,— успокоил я ее.— А «Уйди-уйди» — это древняя довоенная игрушка...

— Довоенная,— повторила шепотом моя собеседница и затаила на миг дыхание.— А какая?

Нет, голос у нее вовсе не пискливый, а приятный, теплый.

Я оперся спиной о твердь скамьи, приподнялся, огляделся.

Смотрю: рядом с девчонкой в красной майке и отбеленных солнцем и стиральным порошком голубых джинсах два пацана — один вроде бы прирожденный спортсмен, загорелый, с выпуклой мускулатурой, а второй — подлиннее и похудее — бледный, даже чуть синеватый, с выдающимися ушами и шлеп-шлеп губами.

— Кто вы такие? — спросил я, постепенно приходя в себя.

Оказалось, девочку звали Аленой, а ее братьев — Киром и Ветром. Как я потом выяснил, «Алена» было имя подлинное, зафиксированное в метриках. Кир же был наречен от рождения Кириллом, а Ветер — Вертером. Когда подрос и стал соображать, что к чему, ему, естественно, не очень понравилось это романтическое имя. И он объявил себя Ветром; а брат и сестра при особых обстоятельствах, когда обществу требовалось проявление необычных способностей старшего брата, величали его Ветрогоном.

— У нас есть свой больной,— объявила Алена, уложив все мои вещи в портфель.— Хочешь посмотреть?

Я кивнул.

Алена указала на зеленый мусорный ящик, стоявший в углу двора. Пожалуй, зря назвал я его мусорным. Ящик, наверное, никогда и не служил для мусора. С первого взгляда было видно, что это очень чистенький, редкого ярко-зеленого цвета давно забытый взрослыми какой-то радостный ящик.

При поддержке ребят я допрыгал до него на одной ноге, ухватился рукой за угол дома, откинул крышку. И увидел что-то рыжее, лохматое, тяжело дышащее, аккуратно накрытое синей школьной курткой. Приподнял куртку, а под ней — совсем больной пес. Глаза закрыты, шерсть свалялась клоками.

— Давно он здесь? — спросил я.

— Три дня,— хором ответили мои знакомые.— Мы дежурим по очереди.

— Никуда не годится. Надо его либо домой, либо в лечебницу.

— Но домой...— Ребята растерянно переглянулись.

— Все ясно. Несите сюда бутылку с водой! Соску! И мой портфель! — распорядился я.

Через несколько минут из подъезда большого дома была доставлена бутылка из-под «Пепси» с теплой водой и соской. Я выудил со дна портфеля лекарство и кусочек сахара. Растворил сахар в воде, протянул бутылку Алене. Осторожно достал из ящика пса, прижал к груди. Разжал пасть, сунул две таблетки аспирина и вслед за ними соску. Пес глухо зарычал, но портить пальцы не стал, причмокнул.

И вот тут я неосторожно ступил на больную ногу и, охнув, повалился вместе с псом на землю.

Пес для меня уже не существовал, мир был заполнен болью. Я уже видел спешащую сквозь город «Скорую», которая отвезет меня в Склифосовского. Я попрошусь не в новый шестнадцатиэтажный корпус, а в старый — у Большой Колхозной площади, потому что я родился рядом со старым «Домом милосердия» и знаю его наизусть. Я буду лежать в палате, где лежали раненные в боях с Наполеоном, с японцами, с немцами, с фашистами, а до них лечились отставные офицеры, нижние чины, престарелые священники и три иноземца. Недаром граф Шереметев назвал свой дар Москве «Странноприемным домом»... Когда я начну поправляться, то обойду на костылях все уголки великого больничного ансамбля, зайду в помещение бывшей церкви, вспомню о дивнопрекрасной крепостной актрисе Прасковье Ивановне Ковалевой, ставшей незадолго перед ранней смертью графиней Шереметевой. Ей и посвящен весь этот ансамбль милосердия.

Но почему так долго не едет «Скорая»?

26

Впрочем, какая «Скорая»?

...Я уже давно лежу в палате, наслаждаясь ее простором, покоем, редкой белизной, а за окном, за чугунной решеткой Шереметевской больницы бушует воскресная Сухаревка. Вот она — знаменитая башня в моем окне, вознесенная по приказу Петра в честь полка стольника Сухарева за особые его заслуги в дни стрелецкого бунта. Вот он — праздничный для всей Москвы и ее гостей торг: сотни раскинутых за ночь палаток, море голов, пронзительные, зазывающие голоса. Я встаю и, хромая, осторожно выхожу на площадь. Пожалуй, это уже не я, а другой писатель в длинном черном пальто и широкополой шляпе, выявивший знаменитый и тайный лозунг Сухаревки: «На грош — пятаков!»

Гиляровский, дядя Гиляй. Его глазами я вижу, как вор-одиночка тащит под полой оборванного пальтеца «стыренные» вещи, а его уже ищут в толпе пострадавшие. Вижу беднягу, доведенного до крайности, его окружают нахальные барышники, силой вырывают последнее барахло, суют гроши и тут же на глазах перепродают втридорога. Скупщики везут барахло возами, но и их ждет свой «случай»: дурацкая удачливая прибыль или внезапный разбой... Почему мне все это так знакомо? Случаем, чужим несчастьем, беспомощностью и растерянностью перед наглой силой всегда пользовались бандюги, вроде Карлуши, вроде печально знаменитой «Черной кошки», с которыми мне пришлось столкнуться в детстве...

Звонкий голос заставил меня открыть глаза. Та же скамейка, два костыля на земле. Рядом мои новые знакомые — Алена, Кир, Ветер. С помощью ребят я поднялся, взгромоздился на костыли, захромал к скамье. Костыли эти, оказалось, принадлежали их дедушке, запасные. Долго ли я лежал и бредил больницей и Сухаревкой? Да нет, недолго, дети только и успели сбегать за костылями.

— Очень болит? — спросила Алена.

— Побаливает.

— А Гаврик уснул.— Загорелое лицо Кира дрогнуло в улыбке.— Спасибо за помощь.

— Какой Гаврик? — Я начисто забыл про больного пса, но, оглянувшись на ящик, поправился: — А почему он Гаврик?

Кир охотно объяснил:

— Очень просто. Гав! И-ррр-рик!

Неожиданно запершило в горле, защипало глаза — со мной это бывает редко! Что-то знакомое, домашнее отозвалось при имени выздоравливающего пса. Вспомнил: во время войны во дворе бегала черная ласковая собаченция, а хозяином ее был дядя Серега, мой самый белый в мире милиционер. Тесновато да и голодновато было в доме с собакой, но ему все так завидовали... Да, в те времена собак не бросали на произвол судьбы.

— А теперь мы будем лечить тебя,— объявила Алена.

— Как это лечить? Может, вы наложите гипс?

Взгляд серых глаз Алены был серьезным. А лицо... Мне показалось, оно стало розоветь. Нет, даже не розоветь — внезапно золотиться, как быстро восходящее солнце.

— Хочешь, чтоб боль совсем прошла? — спросила Алена таким естественным, без тени сомнения тоном, что я сразу поверил: она знает какой-то секрет.

— Конечно, хочу! Но как?

— Скажи ему, Кир! — Девочка кивнула брату и отступила от меня.

Я взглянул на Кира. Лицо его было медным, непроницаемым. Он сказал:

— Давайте отправимся во времена, когда нога у тебя не болела.

— В какие это времена? — шутливо спросил я, не понимая, что за новая игра ждет меня.

— Ну, когда ты учился, как Алена и я, в пятом классе или, как Ветер, в шестом. Или в каком угодно. Как хочешь...

— Чего проще вспомнить, как я учился в пятом или шестом классе,— улыбнулся я.— Нога все равно саднит.

— Я не про вспомнить.— Голос Кира был суров.— Я про на самом деле, взаправду. Назови адрес и дату. И мы там будем через минуту.

— Ты умеешь путешествовать во времени и пространстве?

Кир пожал плечами: что, мол, за нелепый вопрос?

— Я не путешественник, я проводник, могу помочь переместиться.

Я внимательно вглядывался в лица. Золотое — Алены, медное — Кира, голубое — Ветра. Горячая волна противоречивых чувств охватила меня. Что это — игра? Или на самом деле тот единственный случай, когда невозможное станет возможным? Торопясь, я назвал сегодняшнее число, но другой год и свой старый адрес: 24 мая 1944 года, Грохольский переулок.

— Делай, как я! Делай, как мы! — приказал Кир.

И вытянул руки вперед, сомкнув их «топориком». Остальные выстроились за ним цепочкой, положив руки друг другу на плечи. Кир — Алена — Ветер. Ветер указал мое место — за его спиной. Одной рукой я схватился за его плечо, в другой — держал костыль. Наша колонна медленно двинулась прямиком на забор с надписью: «Опасная зона. Идут строительные работы».

Я пялился на эти буквы, стараясь изо всех сил не упасть, не понимая, что должно произойти.

«Топорик» Кира прорезал дерево. Мы оказались по ту сторону забора.

«Уйди-уйди»

— Теперь не болит? — раздался знакомый, участливый голос.

Как сквозь туман, разглядел я золотистое лицо Алены. Боже, что произошло, почему она так внезапно выросла? Чуть-чуть ниже меня. Да и Кир, и Ветрогон с меня ростом. Неужели?..

Я хлопнул себя по ноге, увидел на коленке заплатку и дико обрадовался: неужели это мои старые штаны, неужели я снова пятиклассник? Выросли не Алена и ее братья, я уравнялся с ними.

Ребята рассматривали меня с нескрываемым удивлением: как будто узнавали и не узнавали. И я объяснил им, что я — это я, только в возрасте одиннадцати лет, как и положено мне быть в сорок четвертом, а они — все те же самые. И находимся мы, по всей вероятности, там, куда стремились.

Это был до боли знакомый сквер. С тополями и липами, клумбой в центре, десятками сходящихся-расходящихся дорожек и вечной лужей у забора. Полуторки гремят деревянными бортами по булыжной мостовой, бодро вышагивает лошадь с телегой дров и возчиком. Вон серая

«гробница» великолепного гастронома с десятком вкусных прилавков. Керосиновая лавка за углом Новый шестиэтажный дом с роскошным лифтом. И море разного рода домишек, каждый из которых я знал до их внутренностей, как и все потаенные уголки — дворы, подъезды, лестницы, дырки в заборах.

— Не болит! — радостно объявил я новым друзьям. И подпрыгнул на месте — раз, другой, третий — и от души расхохотался.— Здорово вы придумали, братцы! Теперь буду командовать я...

— Это и есть Грохольский переулок? — спросил Кир, зорко вглядываясь.

— Наш, Грохольский, а то еще какой! — Я небрежно махнул рукой.— Налево, пожалуйста, кинотеатр «Перекоп», дальше Ботанический сад и больница Склифосовского. А направо живу я. Айда к нам во двор!

Ребята выглядели немного растерянными. Я понял, что и мне надо не торопиться, попривыкнуть к прошлому, к новому-старому миру. Вдруг что-то здесь не так?

— Пройдемся? — предложил я, и мы двинулись вперед тесной, сплоченной группой, оглядываясь по сторонам, впитывая в себя все, что попадалось на пути.

Мальчики носились по газонам и дорожкам в азартных бездумных играх. Мамы несли запеленутых, спящих младенцев, открыв миру их безмятежные лица. На скамейках люди читали газеты, вязали, грелись на солнце, что-то обсуждали.

Нас обогнали самокатчики. Ухватившись за деревянный руль, отталкиваясь одной ногой, они быстро двигались на урчащих шарикоподшипниках к своей цели.

— Что это? — спросил молчавший до сих пор Ветер.

Я объяснил устройство самоката, хотя особо расписывать здесь было нечего.

— Понятно,— отозвался Ветер.— Интересно: делай сам и кати.

Молча понаблюдали, как ватага ребят, стоя на коленях вокруг квадратной доски, играет в деньги. Каждый по очереди ударом свинцовой биты старался перевернуть разложенные на доске монеты. Если перевернет — забирает монету и продолжает игру. Уловив несколько безмолвных приглашений, я выразительно хлопнул себя по пустому карману и неожиданно ощутил приглушенный звон. Неужели там мелочь, захваченная сегодня утром с письменного бюро? Но ведь наши монеты сейчас не ко времени. Я подал знак друзьям отойти: без денег здесь делать нечего.

— Расшиши,— глупо улыбаясь, я смаковал давно забытое слово.— Эта шантрапа играет в расшиши.

Алена посмотрела на меня чуть удивленно и повторила, будто пробуя иноземное слово на язык:

— Расшиши... Смешно-то как: рас-ши-ши... Запомним! А почему шантрапа?

— А потому! — небрежно ответил я, сунув руки в карманы старых штанов.

Вдруг откуда-то прилетел пронзительный, такой манящий звук: «Уйди-уйди-уйди!..» Мы разом насторожились, огляделись и, не сговариваясь, бросились на бодрый призыв в глубь сквера.

У шершавого тополя прямо на скамье восседал на самодельной каталке безногий инвалид. Был он в солдатской гимнастерке с медалями — плотный, с крупными чертами небритого лица, огромными ручищами. Туловище с загнутыми штанинами крепко-накрепко прикручено ремнями к доске на шарикоподшипниках. Возле инвалида — ящичек, в котором и таилось изобретение века. Вот инвалид достает сильными пальцами из своего ящика обыкновенную трубочку, дует в нее, и сразу с другого конца выскакивает, надувается красномордый чертик с вытянутыми рожками, и трубка, ко всеобщему восторгу, голосит: «Уйди-уйди-уйди!»

Я заметил, что золотистое лицо Алены стало серебреть, и понял ее. Пробился к скамье, чувствуя, как жарко дышат в затылок мои приятели, спросил, преодолевая стук сердца:

— Сколько, дядь, а?

— Рупь.— Продавец высморкался в несвежий цветастый платок.

Я достал из кармана мелочь, быстро пересчитал. Будь что будет! Кругляши чеканки пятидесятых и более поздних лет затеряются в общем потоке монет.

— Мне надо три штуки! — объявил я, переминаясь с ноги на ногу.

— Сколько наличными? — лениво поинтересовался продавец.

— Два с полтиной.

— Гони.

Я высыпал в твердую, как асфальт, ладонь мелочь. Дядька, не глядя, бросил ее в ящик, протянул три трубки. Потом он достал из ящика деревянные колодки, приподнял свою тележку на вытянутых руках и ловко плюхнулся со скамьи на песок.

Алена бросилась было к нему:

— Давайте я помогу.

— Отзынь! — отмахнулся инвалид.

Он поставил ящичек на свой самокат, как раз на место несуществующих ног, и, резко отталкиваясь колодками, укатил.

Я раздал друзьям сувениры. Они приняли их безучастно.

— А где его ноги? — спросила Алена таким пронзительным голосом, как будто я был виновником несчастья.

— Как где? На войне. Еще война...

— Дзынь, дзынь! — грустно отозвалась Алена и посерьезнела так, что в один миг превратилась в настороженного, взъерошенного мальчишку.

— Почему же он на самокате, а не в автоколяске? — прошлепал губами бледный Ветер.

— Старик, сейчас нет еще КамАЗа, БелАЗа и прочих АЗов,— напомнил я.— Есть пушки да танки.

— Дзынь, дзынь, дзынь...

— И грузовики! — Кир указал на улицу.

— И грузовики, и телеги, и даже один мировецкий велосипед! — подхватил я.— Айда, покажу!

Мы побежали к моему дому — через сквер, вниз по мостовой, мимо молочной, мимо старых приземистых кирпичных мещанских домов. Дома крепко вросли в землю, цепко держались друг за друга, выстроившись двумя уступчатыми стенами. Дружелюбно и властно втягивало нас булыжное пространство. Мои друзья на бегу то и дело выпускали из трубок красные пузыри, и Грохольский отзывался на их «уйди-уйди-уйди» извечным каменным смешком: «Приди-приди»... Но это слышал один я.

Вот и ароматная крохотная булочная. Наш дом — тридцать три. Я дал знак остановиться, первым нырнул в темную арку ворот, на цыпочках проскользнул мимо нашего окна, прорубленного в камне. Через открытую форточку мне послышался голос матери.

Двор открылся, как радостный мир. Голубой

квадрат неба. Ребята гоняют в пыли мяч. Висит на веревках мокрое белье. Из открытых окон летят громкие голоса.

— Что это? — свистящим шепотком спросил за моей спиной Ветер и даже ткнул меня в бок.

Бабка Параша, как обычно, выставила на подоконнике черную «тарелку» радио, и она орала и веселилась на весь двор.

— Радиотарелка. Понятно? Телевизора еще нет,— пояснил я.

Мы прислушались, что пело радио.

Брянская улица
По городу идет.
Значит, нам туда дорога,
Значит, нам туда дорога.
Брянская улица
На запад нас ведет,— пел Леонид Утесов.

— Победа! Скоро победа! — крикнул я в самую вышину неба.— Через год!

Мое пророчество ничего не изменило в этом мире. И без него дух победы витал в сверкающей пыли двора, вспыхивал огненными квадратами окон, звучал голосами радиодикторов, маршами, песнями.

Никогда не забуду, как осенью сорок второго мы вернулись с мамой и сестрой из эвакуации. Площадь трех вокзалов, прилегающую к нашему району, я не узнал: она была вся исчертана кругами, квадратами, полосами. Гражданской одежды на встречных было гораздо меньше, чем военной. Девушки в защитной форме, взявшись за веревки, несли вдоль улиц огромные пузатые аэростаты. А ночью заметались по небу прожектора, отыскивая фашистских стервятников, залаяли-захлопали зенитки.

А как необычно было увидеть, ощутить вновь довоенные вещи — диван, печь, этажерку с книгами, фотографии в рамках на стене. Бухают за окном зенитки, идет война, а в комнате по-домашнему спокойно. Дребезжащие стекла заклеены крест-накрест бумагой, окна зашторены, дом крепкий, а под ухом заливается радионаушник, и ровно без одной минуты двенадцать включается Красная площадь: тишина, гудки автомобилей, бой курантов. И «Интернационал»...

Конечно, это романтическое восприятие первых дней возвращения домой. Были потом ночные дежурства на крышах, потеря продуктовых карточек и многие другие испытания. Но и без маленьких побед любого маленького человека, наверное, не было бы полного ощущения счастья всеобщей, всенародной Победы.

Умирать буду, не забуду, как диктор объявил поздно вечером в мае сорок пятого: «Ждите важное сообщение». И полилась суровая и ликующая музыка. И все поняли: каюк войне, Победа!

На другой день, вечером, мы мчались по знакомым улицам к центру города, чтобы хоть одной ногой ступить на брусчатку Красной площади, переполненной множеством взволнованных людей, увидеть праздничный Победный салют. Тридцатью артиллерийскими залпами из одной тысячи орудий!

Все это случится со мной тогдашним через год. А сейчас я, Кир, Ветер и Алена неслись через двор к рядам сараев: я должен показать друзьям свою главную ценность.

В щели стены нахожу ключ, отмыкаю замок, вхожу в таинственную полутьму. Между поленницей дров и чистой бочкой из-под капусты, которая с ранней осени и до поздней весны кормит всю семью, застрял ржавый, с вывернутыми спицами и прожженным седлом настоящий довоенный велосипед. В нем не хватало педалей, но это сущие пустяки.

— Вот! — похвастал я, хлопнув машину по седлу.— Починю и покачу!

— Здорово! Классно! Какой смешной и могучий велик... Как паровоз! — Друзья полностью одобрили мою идею.

— Ежели над ним потрудиться, можно развить колоссальную скорость,— продолжал я хвастать.

— Не ежели, а если,— поправила Алена.

— Если...

— Если над ним поработать,— развил мою идею Ветер,— то можно со временем и взлететь.

— Ты и так умеешь летать,— бросил через плечо Кир.

— Я преодолеваю силу притяжения для живых тел,— мягко отвечал Ветер.

Признаться, я ничего не понял в этом коротком диалоге, да и не время было расспрашивать. В сарае стало темно: дверной проем заслонила чья-то мощная фигура. Лохматая башка просунулась вовнутрь, блеснула белками глаз, осклабилась, узрев мой велосипед. В сарай, потеснив нас в угол, влез Вага.

— Ага, писатель,— он быстро ощупал квадратными тупыми пальцами машину,— свистнул вел?

— Не свистнул, а нашел. На свалке,— ответил я, как мог спокойнее.

— Разве он свистит? — вмешалась Алена, почувствовав агрессивность гостя.— Он просто говорит. И почему вы входите, не спрашивая разрешения?

Вага заморгал, разглядывая столь наглую пигалицу, задом вылез из двери, грозно приказал:

— А ну выходи! Разбираться буду! Может, кое-кого и пощекочу!

— Я боюсь щекотки,— пробормотал Ветер, выходя за мной.

— Не бойся,— шепнул я ему,— он просто пугает.

Я-то знал, что в кармане Ваги нож на пружине, но он его вряд ли пустит в ход из-за велосипеда: не такой он подлец и дурак...

Вага стоял, широко расставив ноги, всем видом показывая, что он гроза двора. Был он в отцовской тельняшке с рыжими пятнами от смазочного масла и широких штанах, состоящих в основном из заплат. После седьмого класса Вага работал на заводе токарем, мог сделать для «заказчика» любую вещь и взять его в рабство на месяц, два, три. Мы, школьники, расплачивались бубликами, которые получали на завтрак: по бублику в день. Зато когда я потерял продуктовые карточки, мои переживания длились всего полдня: Вага добыл где-то точно такие же талоны, а я больше месяца торговал на Казанском вокзале спичечными коробками, отдавая, разумеется, выручку своему «благодетелю». Отец Ваги погиб на фронте, и он после этого ничего не боялся.

Вага с любопытством осмотрел моих товарищей, дернул Алену за красную майку, а у Ветра пощупал ухо.

— Заграничные? Американские? — спросил он, широко раскрыв белозубый рот.

— Свои,— ответил я,— из соседнего двора. Только приехали. Убери руки, не трожь.

Фраза «из соседнего двора» служила охранной грамотой. Соседей не обижали. Рядом с нами, в доме тридцать пять, жили сущие разбойники и бандиты — Шары, Фингал, Брэк, братья Волы

и другие подростки с не менее экзотическими кличками. Они либо дрались на смерть с чужаками, либо затевали очередной набег, но своих особо не трогали. Говорили, что они потомки тех лихих людей, когда-то грабивших обозы скупщиков и купцов, чей путь пролегал через Грохольский к Сухаревке. Не знаю, так ли это, только никого из них я потом не встречал.

Замечание про руки разозлило Вагу.

Он хмуро велел:

— А ну, писатель, выверни карманы!

И выхватил у меня авторучку, стал ее разглядывать, бормоча:

— Ага, заряжается не чернилами, а пулями. Агентурная. Я-то знаю, читал кой-какую литературку.

— Отдай,— попросил я, понимая всю безнадежность моего положения. Я видел, что паркеровская ручка произвела впечатление на парня, но не мог же я объяснить ему, откуда она взялась.

— На, выкуси.— Вага сунул мне под нос здоровенную фигу.— Или я врежу...

Храбрая Алена шагнула навстречу разбойнику.

— Ты что это надумал? — строго сказала Алена.— Немедленно отдай. Она ему нужна. Он пишет книги.

— Знаю, что писатель.— Вага захохотал.

— А ну, посмотри мне в глаза! — потребовала девочка.

Он взглянул в сурово-зеленые бездонные глаза. И отвернулся.

Нехотя протянул авторучку.

— Я просто хотел ему врезать,— лениво зевнул он.

— Врежь лучше стекло, которое разбил вчера,— парировала с улыбкой Алена.

И точно угадала.

Вага распсиховался, заорал, отступая:

— Какое стекло? Где я тебе его возьму? Вырежу у тебя, что ли?

Все это время я оглядывался на наше парадное. В любую минуту могла выскочить мать с веником или кочергой, если ей крикнет кто-нибудь в форточку, что меня обижают. Ее Вага побаивался. Но я-то надеялся, что вот-вот в темном проеме появится высокая фигура отца.

Отец так и не вышел.

— Гони отсюда! — велел я Ваге.— Исчезни! Или худо будет...

— Четверо на одного? Ну, фрайеры!..— Вага круто развернулся, убежал.

— Он всегда такой? — спросила Лена.

— Нет, не всегда...

Я улыбнулся, вспомнив, как ранней весной мы с Вагой загорали на крыше сарая, болтали всякую чепуху, и вдруг он вскочил, схватил меня за ногу: «Слушай, писатель!..» И прочитал первые в своей жизни стихи:

Танк несется в бой
Стрелой,
А на нем бойцы.
Впереди него река,
Впереди мосты.
Танк проехал, вот и все,
Уничтожил фрицев сто.

Он тогда совсем обалдел от внезапной радости.

О стихах я ребятам рассказать не успел. К нам бежал, размахивая над головой ремнем со сверкающей бляхой, Вага со своими ребятами и кричал во всю глотку:

— Разойдись! Я псих! Убью-у-у!

Мы сплотились тесной кучкой, сжали кулаки, готовясь к отпору.

И крик оборвался. Вага остановился, попятился, исчез. Кто-то успел шепнуть ему страшную новость, которая ползла по двору: Лешу Манина убили...

Меня качнуло. Я наверняка знал, кто убил моего друга. Точнее, я вспомнил про это: я-то из другого времени. Карлуша! Вежливый белокурый парень из соседнего двора, помощник провизора угловой аптеки. Он убивал безоружных из зависти. Увидит у девушки часы или у старика новый галстук, тихо отзывает в сторонку, требует: отдай! Попробуй только возрази... Леша вот возразил, когда нес подаренные коньки, а Карлуша уже мысленно примерил «гаги» на свою ногу. Эх, из-за коньков! А Вага ведь нож выточил на заводском станке для Карлуши.

Вот и убежал.

Я беспомощно оглянулся: где же вы, друзья детства,— Игорь, Витек, Юрка, Леха? Нет, Лехи больше не будет. А где-то рядом прячется Карлуша. С Лехиными коньками. Страшно.

И вдруг страх прошел. Я разглядел сквозь сиреневые кусты дядю Серегу в белой гимнастерке. Он давно наблюдал наш с Вагой спор, но пока не вмешивался. Я успокоился. Берегись, Карлуша! Милиционер скоро тебя настигнет. Будет тебе справедливый суд. На котором, правда, ты так ничего и не поймешь.

Зато мать Карлуши придет к нам во двор, станет на колени перед Лехиными окнами и простоит до утра.

Сжалось сердце. Я не хотел ввергать детей будущего в тяжкое испытание.

Сказал:

— Кир, возвращаемся домой!

Он кивнул, сложил руки топориком, нацеливаясь на глухую бревенчатую стену склада. Мы выстроились за его спиной. И пошли прямо на стену.

На ходу я крикнул:

— Привет, дядя Сережа!

И увидел взмах белого рукава над красной петлицей.

Утренние и вечерние киносеансы

— А тебя всю жизнь звали писателем?

— Да, так случилось,— отвечал я Алене и братьям.— В детстве я мечтал быть продавцом детских книг и сказал об этом вслух. Вот и стал дворовым писателем.

— Разве это плохо? — возразила девочка.

— Нет, совсем не плохо. Были клички менее уважительные. Инженер. Интеллигент. Ни в чем не повинных обладателей этих кличек встречали смехом и подзатыльниками.

— Какое варварство! — Алена дернула плечом.

— Варварство, конечно. Но еще и школа жизни. Только вы не подумайте, что весь мир тогда состоял из хулиганья и бандитов. Настоящие люди воевали, трудились, помогали друг другу. А это так, временная накипь.

— А Вагу ты больше не встречал?

— Однажды встретил.

...Я узнал его сразу, как только сел в такси. И он

26

меня, разумеется, тоже, только не подал виду. Когда машина разогналась, я сказал в твердую широченную спину: «Привет, Вага!» «Привет, писатель,— отозвался он, мельком глянув в зеркальце.— Ты стал заправским писателем». «А ты заправским шофером».

После войны он стал шоферить. Остепенился, вырастил двух дочерей. Никто из таксистов лучше его не знал Москву.

— Между прочим, одна из его дочерей киноактриса,— сказал я ребятам.

— А...— Алена махнула рукой.— Киношка. Его навалом, и все скучное.

— Так уж и все?

Мы сидим с ребятами в моем кабинете. Левая нога в гипсе, она значительно перетягивает правую, зато я могу безболезненно ковылять по комнате. В Склифосовке я был, но всего два дня, пока не затвердел гипс на сломанной пяточной кости.

Когда мы вернулись из мая 1944 года в маленький арбатский двор, я нашел костыли и свой портфель по эту сторону забора, а ребята вызвали из автомата «Скорую». Конечно, в таком состоянии да еще при быстрой выписке я не успел осмотреть больницу. Но, лежа на койке в деловых покоях научно-исследовательского института скорой помощи имени Н. В. Склифосовского, вспомнил, как по заданию нашей биологички Риммы Сергеевны мы, восьмиклассники, приходили сюда за советами и мастерили потом наглядные пособия для уроков анатомии. Что ж, излечение человека всегда наглядно, сурово и конкретно. Надо постигать истину ежедневно многие-многие годы, чтоб стать такими хирургами «шереметевки», как знаменитые Склифосовский, Юдин, Петров.

Хотя Сергей Сергеевич Юдин, главный хирург института, прославленный на весь мир ученый, работал тогда буквально в двух шагах от нашей школы, он был далек и абстрактен для нас. Зато мы открыли хирурга в нашем товарище Лене Могиле. Этот здоровяк с могучим замогильным голосом всегда потешал класс, как только начинал отвечать у доски. И вдруг в девятом классе мы потеряли Леню. Мы извелись в догадках: как же так — вроде не двоечник, из обеспеченной интеллигентной семьи — и пошел в санитары Склифосовского? Кого он там возит на каталках, за кем ухаживает, разве это мужское дело? А он решил, что именно мужское.

В больнице, ковыляя на костылях по лестнице, я увидел впереди знакомую грузную фигуру, стрельнул в спину школьным паролем: «Молчи, Могила!» «Уже не Могила»,— прогудел Леонид, не оборачиваясь. В кабинете профессор-онколог назвал свою новую фамилию, известную многим исцеленным. «Как же так, Леня?» — повторил я извечный вопрос класса. «Знаешь,— сказал он, — если бы я не жил рядом со Склифосовским, я мог бы и не стать медиком».

— У вас все были такие умные? — спросил Кир.

— Конечно, не все, но большинство. Самыми отсталыми считались я да Толька Черняев.

— Как так?

— А так. Однажды нам опротивела учеба, и мы целый месяц шлялись по киношкам.

Сначала мы с соседом по парте решили определиться в летчики и направились к районному военкому. Он выслушал нас внимательно. Потом спросил у Толи, где он искалечил правую руку, и тот признался, что по глупости кидал в костер патроны. А меня военком отвел к глазнику, и тот выписал мне очки. Словом, мы засыпались и решили гулять напропалую.

— Что вы смотрели? Какие фильмы? О чем они? — загалдели дружно мои гости.

Я стал перечислять названия наших и трофейных кинофильмов, многие из которых мы смотрели раз по пятнадцать, а то и двадцать: «Веселые ребята», «Великий гражданин», «Два бойца», «Судьба балерины», «Индийская гробница», «Тарзан», «Гибель «Титаника», «Мост Ватерлоо»...

Смотрю, глаза у ребят разгорелись. Еще бы: сесть на первый ряд маленького незнакомого кинозала, окунуться в неизвестный, потрясающе интересный мир, разве это не величайшее удовольствие? А выбор какой, имена у кинотеатров какие звучные: «Форум», «Колизей», «Баррикады», «Аврора», «Заря», «Перекоп», «АРС»!

— Вот бы посмотреть! — высказала общее желание Алена.

— Многие ленты невосстановимы,— пояснил я.— А «Веселые ребята» и «Два бойца» показывают по телеку.

— Мы не про телек, а про на самом деле,— захныкала Алена и хитро глянула на Кира.

— Я готов,— мгновенно отозвался Кир.— Махнем на часок туда, а, писатель?

Я задумался, припоминая дату. Усмехнулся: и он тоже принял пароль моего детства — мол, свой, писатель. Я сорвался с места, доковылял до бюро, набрал из керамического блюда как можно больше мелочи старой чеканки. Махнул на все рукой: будь что будет! Я и сам полжизни готов отдать за неповторимый момент. Сказал, когда мы построились привычной цепью:

— 25 апреля 1946 года. Домниковская улица, дом три.

Сомкнутые ладони Кира пронзили стенной шкаф, и мы очутились возле моей школы, на углу Домниковской улицы. На мне были старая куртка и аккуратно залатанные штаны.

...Сто лет не видел я свою школу, а она все такая же — темно-кирпичная Бастилия наших знаний среди моря мелких домишек. Каждое утро шагали мы сюда из близких и дальних домов, предпочитая улицам проходные дворы, лазейки, дырки в заборах или просто заборы. Наверное, нас собирало вместе нетерпеливое желание увидеть друг друга, продолжить вчерашние приключения.

Я сразу же сбегал за Толяхой в соседний дом, привел его, познакомил со своими, ничего не объясняя. Толя был дружески расположен к любым новым людям, лишь бы они разделяли наши интересы. А наши интересы в это время заключались в содержательном прогуле. Школа трудилась и жужжала многоголосием, как пчелиный улей, а мы, перебрав фильмы и кинотеатры, взяв буханку черняшки, шли в «Форум» на «Гибель «Титаника». Шли по Большому кольцу, по его Садово-Спасской части, где в июле сорок четвертого наблюдали мы «парад» разбитых и плененных в Белоруссии фашистских вояк, шли мимо длинной и желтой стены Спасских казарм, где когда-то, задолго до моего рождения, сухаревские букинисты и антиквары сбывали по воскресным дням свой редкий товар знакомым любителям книг, шли мимо чугунной решетки Склифосовского, где мы частенько дрались с чужаками из Коптельского переулка, приставашими к нашим девчатам. Перешли на Колхозной площади на другую сторону кольца и вскоре оказались у кинотеатра «Форум».

Если говорить честно, я любил больше «Колизей», чем чинный «Форум» на Садовом кольце. Кинотеатры были примерно равны по «испытаниям души»: и тут, и там продавали на вечерних сеансах «газировку» и мороженое. И тут, и там надо было выстоять час или два в очереди за билетами. Или купить их втридорога у барышников. Да еще пройти контролера, который опытным глазом взвешивал, есть тебе шестнадцать или нет. И мы привставали, проходя мимо контролера, на цыпочки.

Я любил «Колизей» из-за картины во всю огромную стену. Если посмотреть на нее с балкона, то увидишь Чкалова. Он только что вернулся из полета, прижал к груди маленького сына и смотрит на тебя: ну, мол, как? А ты и не знаешь, что сказать в ответ. И еще — возле «Колизея» ловкий дядя на глазах у публики вырезал ножницами контурные силуэты из черной бумаги прямо с твоего лица и наклеивал на белый лист.

У «Форума» не вырезали.

Но мы идем в «Форум» — в полупустой утренний зал — на «Титаника».

По дороге мы с Толей пересказывали нашим подопечным кинофильмы, которые те и в глаза не видели. Я, честно говоря, забыл в это время, кто такие мои друзья, и был смущен тем, что три человека «в наши дни» не слышали ничего о Тарзане. (С этим фильмом мы с Толяхой познакомились года через два.)

Я с азартом, к восторгу нашей компании, пересказал все серии: как приемыш обезьян — стройный, мускулистый юноша — летает на лианах среди тропического леса, скрываясь от погони охотников; как похищает он белую красавицу и прячет ее на верхушке пальмы; как, попав уже в Америку, бросается он со знаменитого Золотого моста в бездну вод и не погибает... А три друга-летчика из «Небесного тихохода»! А героические матросы в фильме «Мы из Кронштадта»!.. Все эти герои — наши личные друзья.

Толя тоже был удивлен полным невежеством троицы, но природная застенчивость и деликатность не позволяли ему спросить, из какой провинции они явились.

— А у нас одни «Анжелики»,— вздохнула Алена.

По дороге мы купили три мячика на резинке, и ребята ловко обменивались молниеносными ударами.

— Какие «Анжелики»? — встрепенулся было Толя и успокоился, услышав, что это так себе, пустячные фильмы.

— А у тебя, писатель, смешная прическа,— не успокаивалась Алена.

Я пощупал голову. На висках и затылке пусто, а на макушке густой пучок волос.

— Под «бокс»,— пояснил я.

— Почему под «бокс»?

— Все так стригутся. Не мешай. Уже пришли.

И вот мы уютно устраиваемся на первом ряду большого зала и, отщипывая по очереди от буханки, смотрим «Боевой киносборник № 8». Появление трех боевых танкистов в кадре вызывает у нас восторг. «Боевые киносборники» всегда показывают перед кинокартинами. Мы с Толяхой узнаем с восторгом артистов, запомнившихся по знаменитым фильмам. Марк Бернес, Борис Андреев, Ваня Курский... И не скупимся на комментарии! Марк Бернес здорово поет, Борис Андреев и Петр Алейников до войны на экране были трактористами. Обаятельного, веселого Алейникова никто не зовет Алейниковым, а только по имени киногероя — Ваней Курским. За своего, свойского Ваню Курского жизнь можно было отдать!.. И песня, которую поет в этом киносборнике Марк Бернес, пришла к нам из довоенного фильма. Там три друга заявили, что будут вместе защищать Родину, если нападет враг. И вот война, и помчались на врага танки. Три танкиста, три веселых друга, экипаж машины боевой...

Кончился киносборник, и замелькали титры трофейного фильма «Гибель «Титаника». Уходит в последнее плавание корабль-гигант «Титаник». Его населяют разные люди: в шикарном ресторане танцует, пьет шампанское, любезничает изысканное общество; ютится на нижней палубе беднота «перекати-поле»; трудится команда во главе с самоуверенным, честолюбивым капитаном. И никто из пассажиров еще не знает, что бороться за жизнь им придется одинаково трудно. А мы в зале знаем про гибель «Титаника» и переживаем за каждый нюанс в судьбе героев картины. Мы уже не помним, что это кино, киношка,— волнуемся, переживаем как за живых людей...

После «Форума» мы под холодным ветром и дождем промчались к «Авроре», окунулись в радостный, неожиданный, музыкальный мир «Цирка». Целое созвездие талантов прошло перед нами: Орлова, Столяров, Володин, Массальский, Комиссаров. Ребят поразили кадры довоенной Москвы, особый оптимизм тех лет. А я впал в грустную задумчивость.

Конечно, утренние киносеансы вместо занудливых уроков — это настоящая свобода, раскованность духа и тела, полет фантазии, мечты. Я ощущал все чувства далекой юности в уютном крохотном зале «Авроры».

Но у меня в те годы были и вечерние сеансы, на которые больше никогда не попасть, была и девушка моей мечты.

Мы встречались с Лидой в сквере, брели под фонарями к «Перекопу» и, не глядя на афишу,

КИНО
АРС

шли в который раз смотреть «Судьбу солдата в Америке».

Но сначала надо было выстоять длинную очередь в кассу, а затем, выпив в буфете стакан шибающей в нос, дешевой бессиропной газировки, добраться до своих мест. Тут мы замирали, тесно прижавшись плечом к плечу. Перешептывались, тихо посмеивались...

Когда много лет спустя я увидел поздним вечером у стенда с газетой красивую маленькую женщину в зеленом костюме, я сразу узнал Лиду, но на всякий случай спросил: «Это ты? Или твоя младшая сестра с завязанным ухом, которая всегда попадалась на нашем пути?» Лида засмеялась, сказала: «Это я. Пойдем пройдемся». Мы тихо двинулись по Грохольскому мимо «Перекопа», но не заглянули в него. Я проводил Лиду: она по-прежнему жила с сестрой в одной комнате довоенного «шикарного» дома с лифтом.

...Идут заключительные кадры «Цирка». Герои в колонне демонстрантов на Красной довоенной площади. Летят в небо шары, и от этой пустячной детали рвется из горла нервный кашель.

Как же я мог забыть, что «Широка страна моя родная» — из этого, именно этого веселого-грустного фильма?

Вся наша дружная компания вываливается из кинотеатра и, взявшись за руки, с каким-то неистовым пылом распевает:

Широка страна моя родная.
Много в ней лесов, полей и рек.
Я другой такой страны не знаю,
Где так вольно дышит человек.

Дождь кончился. Воздух солнечен и прозрачен. Благолепная весна с зелеными перьями первой травы между камнями, по которым ступают туфли и кеды. Дышится вольно, легко.

— Хорошо вы живете,— обращается на ходу ко мне и Толяхе Алена.— Грустите и смеетесь. И не думаете о мрачном.

— Победа! — ответил я кратко.

— Точно,— подтвердил Толяха,— мы их разгромили...— И замолк, погрустнел. Наверное, вспомнил «похоронку» на отца. Он мне однажды ее показал.

— А как же быть с атомной войной? И ядерной зимой? Они вас не касаются? Надо сражаться за судьбу человечества! — наступала на нас Алена.

— Не забудь,— напомнил я разбушевавшейся Алене,— что первые американские атомные бомбы совсем недавно сброшены на Хиросиму и Нагасаки. Люди еще не осознали всю громадность этой беды. Космические ракеты пока только в чертежах. А карточки отменят через полтора года.

— Значит, все только начинается? — Алена задумалась, опустила голову, забыла о висящем на пальце мячике.

Толя внимательно оглядел моих друзей.

— Что такое ядерная зима? — спросил он.

— Это когда на часах без пяти минут двенадцать,— серьезно ответил Кир.— А в двенадцать может случиться третья мировая война...

— И, может быть, последняя,— добавил печальный Ветер.— Земля превратится в пустой ледяной шар. Понял?

Толя кивнул.

Я слишком поздно дал предупредительный знак ребятам: преждевременно, мол, говорить о ядерной зиме. О борьбе за мир — нужно. Они поняли меня, замолкли.

— Кто такие? — шепнул мне в ухо Толяха.

— Американцы,— ответил я почти беззвучно.— Приехали с отцом из Америки.

— Жаль мне их,— печально ответствовал Толяха.— «Тарзана» не знают.— И вслух спросил «американцев»: — Интересно в Америке?

Алена пожала плечами.

— По-моему, противно. Кругом одни бандиты и террористы.

— Вот это по-нашему! — Толяха расхохотался, потер покалеченную правую кисть левой рукой, которой он научился замечательно писать.

Я переключил внимание собеседников на погоду.

— Смотрите, какой день! Ослепительный свет! Бездонное небо!

Все остановились, задрали головы вверх.

— Каждый Охотник Желает Знать Где Сидит Фазан!

— Какой еще Фазан? — удивилась Алена.— Не вижу ничего...

— Красный! Оранжевый! Желтый! Зеленый! Голубой! Синий! Фиолетовый! — перечислил я спектры солнечного луча.— Свет! Вот тебе и фазан!..

— Ах, свет...— пропела Алена таким ласковым голосом, что все рассмеялись.— Запомним, писатель!

Нет, кое-чему в школе мы научились...

Мы проводили Анатолия до дома, крепко пожали его сильную руку.

— Хватит прогуливать! — сказал я товарищу, вспомнив, что его чуть было не оставили на второй год за неуспеваемость. А ведь ему предстоит стать летчиком-испытателем, после того как рука у него выздоровеет.

Толя смущенно улыбнулся, наклонил в знак согласия черноволосую волнистую голову.

— Согласен. Хорошего понемножку.

Аленин мячик последний раз ударился о спину Толяхи.

Эти легкие удары мой друг воспринимал как знак внимания со стороны «американки».

— Тяжелые,— сказала Алена, взвесив в руке мячик.— Что там внутри?

— Опилки,— ответил я.

— А вот я сейчас проверю.— Алена ковырнула ногтем тонкую серебристую кожу мяча.— Золото течет, что ли? — нерешительно произнесла она.

— Ты что, опилок не видела?

— Представь себе, не видела.

Я долбанул об асфальт цветастым мячиком. Он исчез. Только опилки остались на тротуаре.

Исчез и Толяха.

Я встретил его однажды в метро на Комсомольской площади. Полковник авиации ехал с корзинкой грибов из леса. Пополневший, в штатском костюме, он не производил впечатление летчика-аса, но я знал, сколько боевых машин впервые поднимал он в воздух. Теперь-то ему все хорошо известно о ядерной зиме.

Во дворе школы мы построились вслед за Киром и врубились в каменную стену.

В прошлом остался лишь Аленин вздох: «Жаль... Такие киношки!..»

Елена Прекрасная

— Скорее, писатель, выручай,— вызывает меня по телефону Алена.— У нас за дверью три плеваки. Такой беспорядок наделали... Ужас!

— Вы сами справиться не можете? — удивился я.

— Так они ж плюются! Я еле удрала... А Кир и Ветер заявили, что с верблюдами они не воюют. Мы заперлись в квартире.

— Кто они такие?

— Семенов. Семенов. И еще Семенов.

— Братья, что ли?

— Нет, просто однофамильцы и одноклассники.

— Ну и одноклассники.— Я покачал головой.— Сейчас приду на помощь.

Я проковылял с палкой до такси, доехал до арбатского переулка, поднялся в лифте.

Действительно, три толстяка из пятого класса старательно оплевывали черную клеенку двери.

— Наших бьют! — сказал я грозным шепотом, преграждая палкой путь к отступлению.— А ну, замри! — Толстяки опешили, замерли. Я позвонил, дверь тут же открылась.— Заходи по одному в квартиру! Суд и расправа у нас справедливые и короткие...

Квартира напоминала поле боя. В гостиной раскиданы книги. В спальне гора подушек и одеял на полу. В кухне сломан самый высокий кактус.

— Ты, Семенов,— я указал пальцем на первого попавшегося толстяка,— уложи на место книги и вытри пыль. Ты, Семенов, застели постели и пропылесось ковер. А ты, третий Семенов, как самый старательный плевака, возьми в ванной тряпку, мыло, таз, отмой дверь. Ребята,— обратился я к своим,— помогите этим штрафникам.

Толстяки, выпучив глаза, молча и старательно принялись за дело. Кровати были застланы с солдатской добросовестностью. Энциклопедия встала в порядке алфавита. Дверь сияла мокрой чистотой.

Сам я забинтовал клейкой лентой кактус, придал ему прежний вид.

Вся эта свалка, как выяснилось, случилась из-за Гаврика.

ОКОНЧАНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

К ОБЛОЖКЕ

Петр СМОРОДИН:

«Надо всем сердцем любить комсомольскую работу».

Иногда кажется, что это не реальный человек, а герой какой-то старой, любимой книги или кинофильма.

Как Ваньку Жукова, его в двенадцать лет отдали «в люди». Он стал учеником слесаря на фабрике хирургических инструментов в Петрограде. «При хозяйских харчах, с койкой в общежитии, по восемь копеек за смену».

В шестнадцать лет за ним следили самые настоящие шпики, и он скрывался от них, как Гаврик Черноиваненко из романа Валентина Катаева «Белеет парус одинокий».

Как Павел Власов, герой романа Максима Горького «Мать», он в восемнадцать лет распространял листовки партии Ленина среди рабочих.

В двадцать один год во главе красного отряда гонялся за белыми бандами Булак-Булаховича, как легендарный Павка Корчагин.

А его внешний вид? Пиджак, косоворотка или верблюжий свитер под шею, кепка и брюки в сапоги. Прибавьте к этому лукавый прищур глаз и волевые скулы. Ну чем не знаменитый Максим из не менее знаменитого фильма?!

О таких, как он, принято говорить: «Человек-легенда». Но он человек-быль. Плоть от плоти петроградского рабочего класса. Один из организаторов социалистического союза молодежи. Большевик с дореволюционным стажем. Признанный вожак комсомола.

При его жизни всех вышеупомянутых характеристик никому не потребовалось бы. Любому комсомольцу двадцатых годов достаточно было просто сказать: «Петр Смородин». Это и визитная карточка. И рекомендация. И биография.

Он был секретарем Центрального Комитета Российского Коммунистического Союза Молодежи, быть может, в самые нелегкие годы — с 1921 по 1924 год. При нем зарождались и вырабатывались формы и методы комсомольской работы, остающиеся действенными и по сегодняшний день. При нем была создана пионерская организация. При нем и по его инициативе комсомол получил имя — Ленинский. И именно он в дни скорбного прощания с Владимиром Ильичем Лениным дал клятву от имени всех комсомольцев:

— Мы сумеем в нашей организации выковать, подготовить и закалить десятки и сотни тысяч рабоче-крестьянской молодежи, ленинцев, которые станут на путь борьбы, вольются в Коммунистическую партию, вместе с ней пойдут к грядущим битвам и в этих битвах будут на первых постах защищать великое дело, которое делал и обязывал делать Владимир Ильич.

Этой клятве Петр Смородин был верен до конца жизни.

Владимир ВЫСОЦКИЙ

ЧТО СЛУЧИЛОСЬ С „5,1"?

ПОЭМА ДЛЯ ДЕТЕЙ

Окончание. Начало в № 9 за 1987 год.

ПРОЧИТАЙТЕ СНОВА ПРО ВИТЬКУ КОРАБЛЕВА
И ДРУГА ЗАКАДЫЧНОГО — ВАНЮ ДЫХОВИЧНОГО.

— Слушай, Ваня, хватит спать.
Договаривались в пять,
Ведь корабль межпланетный
Никого не может ждать!
Все готово: два лимона,
Длинный шнур от телефона,
Компас, спички, много хлеба
И большая карта неба!
Ваня тут же слез с балкона
И спокойно доложил:
— Видишь — леска из нейлона,
Не порвет и крокодил.
Не забудь о катастрофе,
Предстоит нелегкий путь.
Йод, бинты и черный кофе,
Чтоб в полете не уснуть!
Витьку разве кто осудит?
Скажет он — как гвоздь вобьет:
— Катастроф в пути не будет!
Лишнего не брать в полет!
И к тому же заметят родители,
Что лекарство и кофе похитили,
А при старте каждый грамм
Будет десять весить там,
И откажут ракетоносители...
— Так за дело! Не зевай!
Что ты тянешь? Отпирай!
Вот бесшумно отворили
Старый дедовский сарай.
Ни секунды проволочки,
Все проверено до точки,
Все по плану: третье марта,
5.15 — время старта.
Им известно: после пуска
Будет двигатель реветь
И наступит перегрузка —
Это надо потерпеть.
Перед стартом не до шуток.
Витька первым в люк залез.
Он не ел почти пять суток:
Пища — тоже лишний вес.
Ну, а Ваня Дыховичный
Еле втиснулся, весь взмок,
Хоть ему свой опыт личный
Витька передал как смог.
Ощущенье у них непривычное,
Но и дело для них необычное.
Витька взял бортжурнал
И красиво написал:
«Настроение, в общем, отличное!»
Пристегнулись, а затем
Десять, девять, восемь, семь...
Ждет корабль. Конец проверке
Бортовых его систем.
Время! Вздрогнули антенны,
Задрожали в доме стены,
Что-то вспыхнуло во мраке,
И залаяли собаки.

Ванин папа спал прекрасно,
Вдруг вскочил, протер глаза:
Что такое? В небе ясно,
А как будто бы гроза!
Дом от грома содрогнулся,
Стекла в окнах дребезжат!
Витькин дед — и тот проснулся,
Хоть и был он глуховат.
— Управдома! Где б он ни был!
Отыскать, спросить его!
Весь квартал глазел на небо,
Но не видел ничего.
Ванин папа — он страха не чувствует,
Мама Ванина что-то предчувствует.
Вдруг — о ужас! — Вани нет!
То же видит Витькин дед,
Что и Витька в постели отсутствует.
Слышно только «ах» и «ох»,
Поднялся переполох.
Витькин дед от этих охов
Окончательно оглох.

А тем временем в ракете
Их отчаянные дети,
Продырявив атмосферу,
Вышли курсом на Венеру.
И мечтали, если выйдет,
Привенериться на ней.
Сколько там они увидят
Удивительных вещей!..
Например, хотелось Ване,
Если точно прилетят,
Чтобы Ване венеряне
Подарили аппарат.

Небольшой, красивый, модный,
Вроде солнечных очков,
Чтобы в нем читать свободно
На любом из языков.
Он за это расскажет про море им,
И как лазили в сад в Евпатории,
И как Витька там чихнул,
И как сторож их спугнул,
И другие смешные истории...
Ну, а Витька, сжав штурвал,
Тоже время не терял,
Но с закрытыми глазами
Он другое представлял:
Путь окончен. Все в порядке.
После мягкой их посадки
Вдруг со всех сторон несутся
К ним летающие блюдца.
И оттуда, словно белки,—
Венеряне. А потом
На летающей тарелке
Их катают с ветерком.
А в тарелке кто-то ранен.
Витька сразу все решил,
Самый главный венерянин
Витьке место уступил.
Управлять ему не ново:
— Надо? Все! Какой вопрос?!
И мгновенно он больного
К поликлинике подвез.
И ему в конце полета
С благодарностью вручен
Вело-мото-кино-фото-
Видеомагнитофон.

Скоро будут смотреть телезрители,
Как на Землю спешат победители,
А когда прилетят,
Их, конечно, простят
Витькин дед и Ивана родители.
Но что это? Как понять?
Кто-то начал к ним стучать,
И мечтатели в кабине
Разом кончили мечтать.
Быть не может! Неужели
До Венеры долетели?
Ну, а может быть, забылись
И случайно прилунились?
Хорошо, что все закрыто.
А снаружи так стучат!
— Витька! Вычисли орбиту
По шкале координат!
Что же это за планета?
Мы ж летели полчаса!
Слышишь, Витька? Я ведь где-то
Слышал эти голоса!
Надо было на что-то решиться им:
Или ждать, или выйти открыться им!
Вот друзья открыли люк
И увидели вокруг
Всех жильцов
И сержанта милиции.
Тот сказал:— Какой скандал!
Я такого не видал,
Чтобы только два мальчишки
Разбудили весь квартал!

И чужие папы, мамы
Покачали головами.
Ванин папа извинялся,
Витькин дед не появлялся...
Витька думал: «В чем же дело?
Что с ракетой? Где секрет?
Почему же не взлетела?!»
Тут примчался Витькин дед.
Как же Витькин дед ругался!
— Не умеешь, так не сметь!
Коли уж лететь собрался —
Надо было уж лететь!
— Как же так? А голос зычный:
— Почему ж ты оплошал?
Только Ваня Духовичный
Знал причину и молчал.

Ну, а дня через два, после ужина,
Та причина была обнаружена:
Просто Ваня не сказал,
Что с собою книгу взял,
И ракета была перегружена...
Вот, друзья, давай решать,
Можно ль Ваню осуждать?
Он ведь взял «Трех мушкетеров»,
Чтоб дорогой дочитать.
Можно спорить, но решить как?
Благородный парень Витька
После долгих ссор и споров
Стал читать «Трех мушкетеров».
Их девиз «Назад ни шагу!»
Сразу Витьку покорил.
Д'Артаньян своею шпагой
В пользу Вани спор решил.
Призадумались мальчишки,
Новый сделали расчет,
Чтобы брать такие книжки
В каждый будущий полет.
Разногласия земные
Удалось преодолеть.
Им теперь в места любые
Можно запросто лететь.
Одолеют они, без сомненья,
Лишний вес и Земли притяженье,
Остается только ждать.
Мы желаем им удач.
И счастливого возвращенья!

Рисунки К. ОРЛОВА.

С этой фотографией выросли мы, взрослые. С этой фотографией растете вы, ребята. Эта фотография из детства: Надежда Константиновна Крупская и пионеры.

...Однажды я задал себе вопрос: кто эти ребята, которые стоят и сидят рядом с Крупской? И понял, что ответ на этот вопрос я должен найти обязательно. Потому что он помог бы нам заглянуть в минувшее, понять радость ребят, улыбающихся с фотографии.

Опубликовав известную фотографию в нескольких газетах и журналах страны, я попросил откликнуться тех, кто узнал себя на снимке. Мне повезло. Люди стали откликаться.

ОТЗОВИСЬ, ФОТОГРАФИЯ!

...Было лето. Июнь 1936 года. Отличники учебы из воронежского села Нижнедевицка в сопровождении нескольких учителей ехали в Москву.

Почему именно они? За какие дела и заслуги?

В апреле 1936 года в Воронеже проводился первый областной слет лучших учителей. На слет приехал народный комиссар просвещения А. С. Бубнов. О сельской нижнедевицкой школе, где были созданы прекрасные условия для учебы и почти все ребята учились на «4» и «5», нарком слышал по сто раз на дню. И захотел сам удостовериться: правда ли то, о чем говорят? Так состоялась его встреча с учениками. Сначала разговор не клеился, дети стеснялись серьезного дяди, а потом вдруг кто-то из мальчишек от отчаяния предложил:

— Поиграйте с нами в бильярд!

Нарком с радостью согласился, стал азартно играть и... проиграл.

Нарком побывал на занятиях во многих классах, обошел школу, познакомился с каждым, кто ему встретился, и решил: действительно школа образцовая, действительно здешние учителя и ученики достойны подарка за свой труд — поездки в Москву.

...Москва, наполненная летними ветрами, звонками трамваев, говором москвичей, околдовала нижнедевицких ребят.

Невероятное счастье обрушилось на них: они увидели Мавзолей В. И. Ленина, Исторический музей, метро — чудо технической мысли, Музей Красной Армии, зоопарк, театры. Но самый главный день этой поездки, самая главная встреча—в Наркомпросе с Надеждой Константиновной Крупской — была впереди. Ребята волновались, готовились: обдумывали, что расскажут «пионерской главнянькe», повторяли слова приветствия, спорили, какие цветы надо подарить.

И вот встреча.

Что запомнили ребята? Ласковый летний день, свое радостное возбуждение, Крупскую, которая расспрашивала их о жизни, рассказывала о Ленине. Они запомнили подарки — ранцы со школьными принадлежностями, книги, гитары, мандолины — и подарки для школы — струнный оркестр, швейные машинки для уроков труда.

А еще они никогда не забудут: от Крупской исходил мягкий, теплый свет, хотелось сидеть рядом с ней долго-долго, касаться ее руки, слушать мудрые советы, рассказы...

И тут появился фотограф. И получилась вот эта фотография.

Так волей случая из своего пионерского детства они шагнули в историю. В историю страны, которой без остатка отдавали и отдают свои таланты, здоровье, жизнь.

Когда я встречался с героями этого снимка, мне было интересно: кем стали улыбающиеся мальчишки и девчонки? Как сложились их судьбы?

Сегодня вы прочитаете несколько рассказов этих людей.

Евдокия Романовна Пустовалова (Самодурова) — пионервожатая нижнедевицких ребят. На фотографии она сидит рядом с Крупской и широко улыбается.

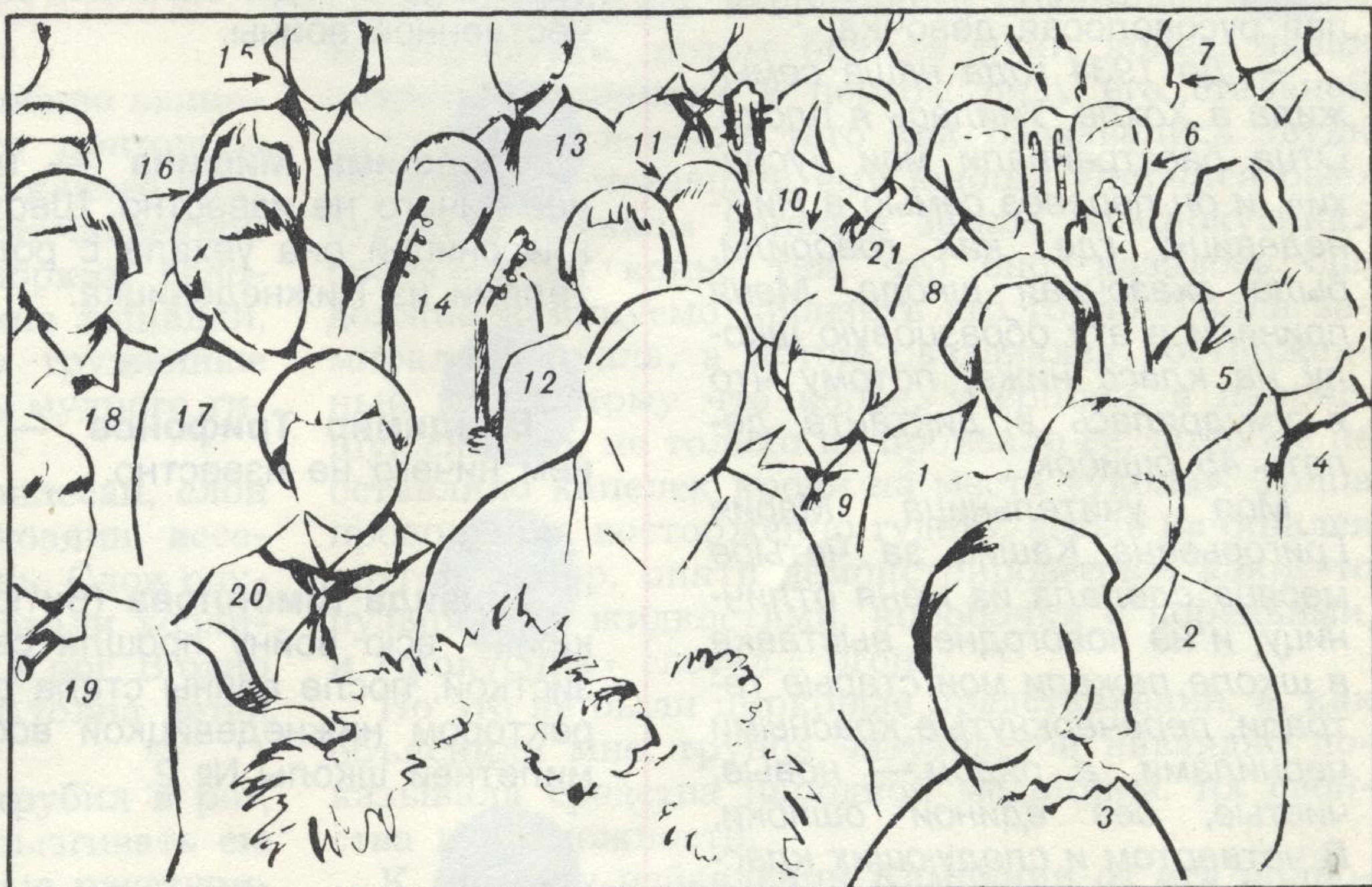
— Я дочь крестьянина-бедняка, рано лишилась родителей. Чужие люди отдали меня в Нижнедевицкий детский дом. Затем я окончила педагогический техникум и первые два года преподавала в Нижнетурове в начальных классах, а потом меня перевели в Нижнедевицк, в образцовую школу. Здесь я стала старшей пионервожатой и учителем физкультуры.

Чтобы знать, как учатся мои пионеры, я посещала уроки. Темы пионерских сборов пред-

Евдокия Романовна Пустовалова на фотографии под № 1;
Таня Крячина — 6;
Мария Косенко — 18;
Наталья Прозорова — 2;
Роза Трейвас — 3;
Виталий Войтов — 4;
Серафима Мишина — 5;
Владимир Трифонов — 7;
Зинаида Шмойлова — 8;
Тамара Кузичева — 9;
Евдокия Кудрина — 10;
Нина Татаринова — 11;
Ольга Гусева — 12;
Серафим Часовских — 13;
Оля Васищева — 14;
Александра Подкопаева —15;
Зинаида Косинова — 16;
Тамара Болдырева — 17;
Тамара Сазонова — 19;
Елена Рачинская — 20;
Софья Борисова — 21.

лагали сами ребята. Например, сбор «Мой домашний цветник» проводился дома у тех ребят, у кого было много цветов. Пионер рассказывал о своих цветах, а потом отряд шел на пришкольный участок, и все сажали там цветы. Школу окружали огромный парк и плодовый сад, за которыми пионеры охотно ухаживали.

В начале войны я с двумя своими маленькими детьми эвакуировалась в саратовскую глушь и случайно попала в колхоз, носивший имя Надежды Константиновны Крупской. Так второй раз в жизни свела меня судьба с этим замечательным человеком, вернее, с ее именем. После войны я работала редактором районной газеты...

Татьяна Трофимовна Крячина. На фотографии Таню Крячину видно плохо. Гриф гитары, которую держит соседка, закрывает ей пол-лица.

— Однажды в войну, когда советские войска шли через Нижнедевицк на запад, в метельную ночь в нашем доме остановились два майора. Бабушка стала расспрашивать

у них про своего сына, моего отца, где он может быть.

— Назовите адрес, может, и скажем.

Открыла бабушка сундук, стала рыться — адрес никак не попадался,— и тут военные увидели две новенькие готовальни.

— Бабушка, — попросили они в один голос,— мы военные инженеры, нам готовальни очень нужны, подарите...

В Наркомпросе мне, как и всем остальным, подарили ранец со школьными принадлежностями, а среди них и готовальни. Они хранились у меня как память о далекой встрече.

Бабушка торопила:

— Так че молчишь? Отдаем?

— Отдаем, бабушка...

И пошел московский подарок служить Победе.

После войны, окончив в Воронеже пединститут, я уехала по распределению в Дагестан. Преподавала там русский и немецкий языки.

Мария Митрофановна Косенко. На фотографии это веселая русоволосая девочка.

— До 1934 года наша семья жила в Хохле. Училась я плохо. Отца расстраивали мои «успехи», и он перевез семью в Нижнедевицк, где, как говорили, была сказочная школа. Меня приняли в эту образцовую школу на класс ниже, потому что я умудрялась в диктанте делать 45 ошибок.

Моя учительница Мария Григорьевна Кашиц за четыре месяца сделала из меня отличницу, и на новогодней выставке в школе лежали мои старые тетради, перечеркнутые красными чернилами, а рядом — новые, чистые, без единой ошибки. В четвертом и следующих классах я была отличницей...

В 1943 году поступила в Воронежский мединститут. Жили мы с подругами в общежитии с окнами, заложенными кирпичами. Топили заборами. Ходили по городу голодные, а в авоськах таскали учебный материал — кости из анатомического театра: не во что было даже завернуть... После окончания мединститута меня направили хирургом в Заполярье. Сейчас работаю в поликлинике № 12 в Москве, лечу воинов-отставников. Несмотря на пенсионный возраст, продолжаю работать.

А теперь кратко об остальных ребятах на фотографии. К сожалению, наш небольшой рассказ не позволяет остановиться подробно на каждой из судеб.

Кем стали эти мальчишки и девчонки? Архитекторами и учителями, бухгалтерами и инженерами. Труд и энергия этих людей были важны и необходимы стране, как труд и энергия маршалов, ученых, министров. Для Родины все равны.

Наталья Прозорова — живет в Москве, архитектор.

Роза Трейвас — про нее ничего не известно, кроме того, что в 1935—1937 годах она работала массовиком.

Виталий Войтов — геройски погиб в годы Великой Отечественной войны.

Серафима Мишина — про нее ничего не известно. Шестиклассницей она уехала с родителями из Нижнедевицка.

Владимир Трифонов — о нем ничего не известно.

Зинаида Шмойлова (Битюцких) — всю войну прошла связисткой, после войны стала директором нижнедевицкой восьмилетней школы № 2.

Тамара Кузичева (Останкова) — бухгалтер в Нижнедевицке.

Евдокия Кудрина (Соколова) — старший инженер Каменец-Подольского лесхоззага.

Нина Татаринова (Проскурина) — работала много лет учителем в городских и сельских школах, корректором воронежского издательства «Коммуна».

Ольга Гусева — работала преподавателем в Воронежском монтажном техникуме, руководила кружком народной музыки.

Серафим Часовских — геройски погиб в годы Великой Отечественной войны. Родные до сих пор не знают, где он похоронен.

Оля Васищева — умерла после войны.

Александра Подкопаева (Петрова) — по путевке комсомола ушла на фронт, защищала Сталинград, Одессу. Умерла после войны. Мне о ней рассказала сама Евдокия Романовна.

Зинаида Косинова (Разгоняева) — работала экономистом Нижнедевицкого роно, сейчас пенсионерка.

Тамара Болдырева (Гончарова) — работала бухгалтером Нижнедевицкой типографии, сейчас пенсионерка.

Тамара Сазонова — возглавляла комсомольскую организацию в школе. Во время войны работала в Нижнедевицком госпитале. После войны умерла.

Елена Рачинская (Емельянова) — работала старшим контролером-ревизором в городе Ростове-на-Дону.

Софья Борисова — техник-электрик в Иванове.

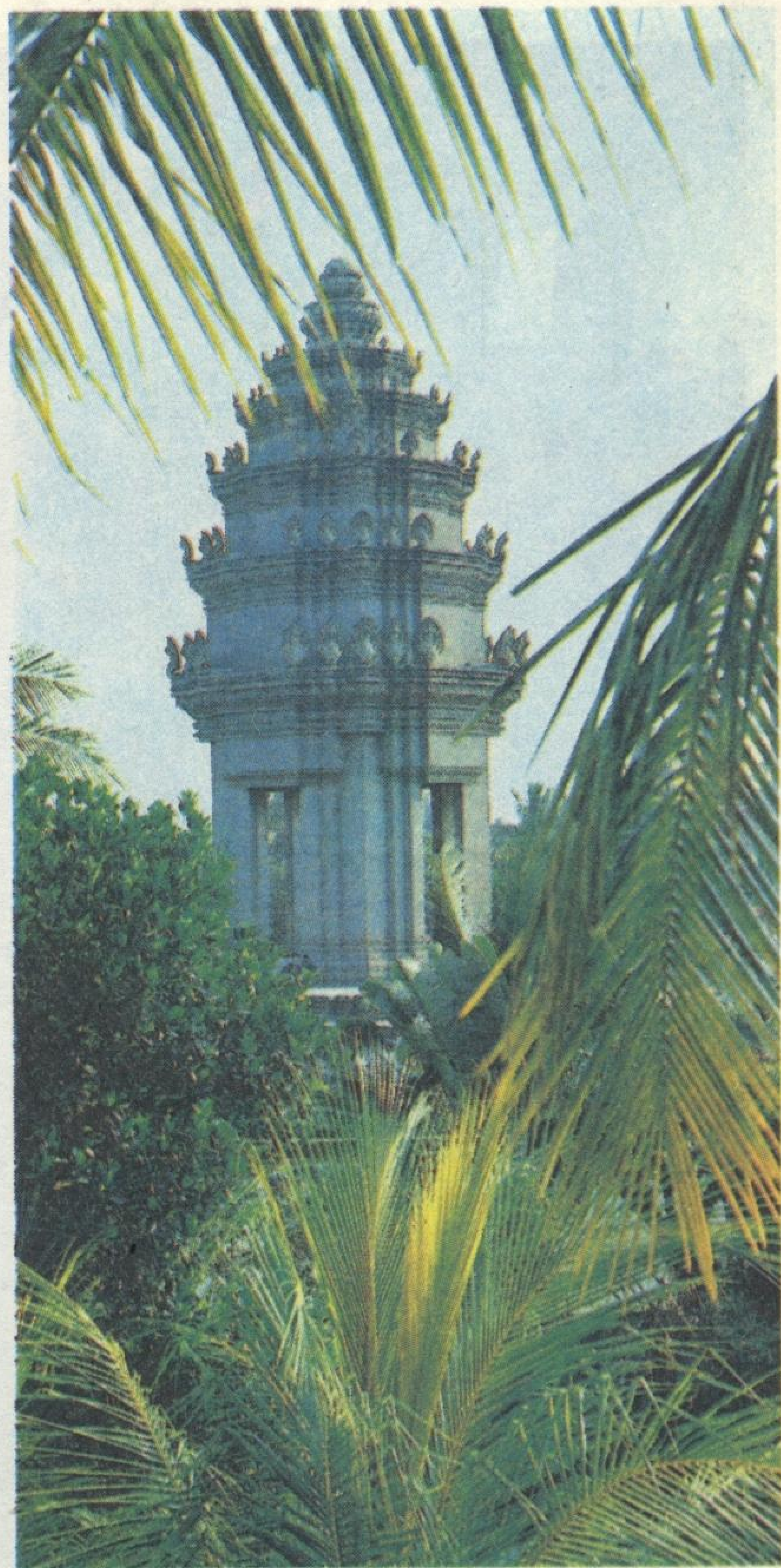
За плечами этих людей история страны. Великая история. Великой страны.

...Было лето. Июнь 1936 года. Отличники учебы из воронежского села Нижнедевицка в сопровождении нескольких учителей ехали в Москву.

А. САНЖАРОВСКИЙ

КРУГОСВЕТНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ «ПИОНЕРА»

Ожившие Наги

Долгим и трудным был путь народа Кампучии к свободе. Изгнав французских колонизаторов и отстояв свою родину от нашествия американских интервентов, он был вынужден вести борьбу против реакционного режима Пол Пота, который, прикрываясь левыми фразами, проводил политику физического истребления собственного народа.

Подлинное освобождение пришло 7 января 1979 года, когда патриоты под руководством Единого фронта национального спасения Кампучии свергли Пол Пота и его приспешников.

По улицам слона водили

Крупный и медлительный, слон степенно вышагивал по набережной пномпеньского пригорода Руссей Кео и, казалось, не обращал никакого внимания на восторженные возгласы многочисленной детворы и на проезжавших мимо юрких велорикш; а уж низкорослые кампучийские лошадки, тянущие из последних сил доверху груженные ананасами повозки, сами сторонились мудрого гиганта.

У рынка, на самом берегу реки Тонлесап, слон остановился. Вернее, остановил его хозяин, веселый и жизнерадостный молодой парень. Слон опустился на передние ноги, и Кун, так звали хозяина, соскочив на асфальт, стал трубить в рог. В одно мгновение вокруг собралась большая толпа детей и взрослых.

Принесли два ведра воды. Кун затрубил в рог, слон набрал воды в хобот и стал обрызгивать ею собравшихся на набережной. Взрослые расступились и начали пропускать, а то и выталкивать вперед детей. А самых маленьких выносили на руках и подставляли под «дождик» из слоновьего хобота.

— Слон «лечит»,— пояснили мне эту довольно странную процедуру.

С незапамятных времен из поколения в поколение передавались предания о целительной силе, даруемой крестьянам лесными гигантами.

Внешне все это смахивало на цирковой аттракцион, как и другие сценки, которые мне приходилось наблюдать позже в разных местах. Несколько мужчин демонстрировали окружившей их толпе различные, как мне казалось тогда, фокусы и трюки. Сухонький человек небольшого роста, с необычно звонким голосом, быстро что-то приговаривал, обращаясь к зрителям, показывал какие-то коробочки, потом брал в руки копье, давал потрогать стоящим в первом ряду его стальной наконечник, и, после того как раздавались звуки барабана, помогавший ему юноша упирался бамбуковым древком копья в землю, а «фокусник» бросался на копье так, что оно, казалось бы, должно неминуемо пронзить его горло. Толпа замирала и ахала, а потом раздавался восторженный гул, потому что копье, упершись в напрягшуюся шею, не только не пронзало ее, но даже не оставляло капелек крови на месте «укола». Толпа продолжала восторженно гудеть, а уже начинался другой номер, опять демонстрировались какие-то пузырьки с жидкостями, коробочки с кореньями, и «фокусник» глотал... огонь.

Но это не были цирковые представления, а, как объяснили мне, группа энтузиастов наглядно показывала средства народной медицины, их свойства и возможности.

К моменту избавления Кампучии от ига полпотовской тирании врачебная помощь в стране практически отсутствовала. Было уничтожено все, что так или иначе связано с медициной. Поэтому-то резко возрос интерес к ее народным истокам.

Когда я рассказал декану медицинского факультета Пномпеньского университета доктору Ми Самеди о «врачующем слоне», он рассмеялся: «Люди всегда верят в лучшее, они хотят быть здоровыми и веселыми, а у нас еще немало больных. Конечно, сейчас положение улучшилось. В Пномпене работает несколько госпиталей, сотни медицинских пунктов открыты по всей стране, и все же мы по-прежнему испытываем трудности с медикаментами, не хватает квалифицированных врачей и медсестер. Ведь мы начинали практиче-

Фотографии А. ЛИБЕРМАНА.

ски с нуля. Ну, а слон... Считайте, что это сеанс психотерапии. Люди верят в его доброту, и сами становятся после слоновьего купания чуточку добрее...»

Рожденная из вод

Говорят, когда-то земля Кампучии была покрыта глубокими водами. Есть даже такая легенда. Царь Индрапрашты, так в древности называлась столица Индии Дели, разгневался на своего сына Преах Тхонга и прогнал его за пределы страны. Долго скитался молодой принц по чужим краям, пока не очутился на острове Кох Тхлок... Здесь он встретил очаровательную девушку Сому и полюбил ее. Отцом Сомы был великий Нага — царь змей, обитающий на дне морском. В знак расположения к молодому принцу Нага выпил всю воду залива, посреди которого возвышался крошечный остров Кох Тхлок, построил вокруг него столицу и дал новому царству имя Камбуджадеша.

Возможно, в этой легенде отразились реальные события, связанные с Меконгом, одной из крупнейших рек азиатского континента. Жители Кампучии кхмеры называют ее Тонлетхом. Широкой лентой пересекает она страну с севера на юг. Веками нес Меконг лесс и другие породы в мелководный залив, который в конце концов перестал существовать.

Кампучия действительно кажется только что вышедшей из вод, еще не успевшей стряхнуть их со своих земных одеяний. Особенно заметно это, когда летишь над страной летом, в сезон дождей. Все залито водой, и только узкими красноватыми полосками выделяются дороги, проложенные, как правило, по верхней кромке дамб. Три полно-

Ангкор — национальная гордость страны. Изображение пяти его башен на государственном флаге символизирует свободную Кампучию.

водные реки — Меконг, Бассак и Тонлесап — омывают столицу страны Пномпень. Причем если две первые не меняют своего течения, что естественно для рек, то Тонлесап, вытекающая из одноименного озера, которое кхмеры называют еще Великим, меняет направление своего течения дважды в год. В сухое время она течет из Великого озера в Меконг, неся спасительную влагу иссушенной земле. А в сезон дождей, когда уровень Меконга поднимается, Тонлесап поворачивает вспять и устремляется к озеру, которое самой природой создано как огромный естественный резервуар для хранения влаги. Существует здесь и праздник Возвращения вод, знаменующий наступление сухого сезона, когда пора убирать очередной урожай. Отмечают его красочно и радостно, так же, как и сотни лет назад, когда первые жители этой страны благодарили доброго царя змей за подаренную им благодатную землю.

Ангкор — одно из чудес света

В густых джунглях западной Кампучии затерялся сказочный город. В давние времена он был столицей могущественной державы, но затем она пришла в упадок, войны и стихийные бедствия разметали людей, и они покинули величественный храмовый комплекс, оставив его джунглям. Тропические леса бережно укрыли город на несколько столетий. И только в конце прошлого века французский исследователь Анри Муо случайно набрел на «забытый город» Ангкор.

В первой четверти нашего века Ангкор постепенно превращается в огромный, на десятки километров раскинувшийся под открытым небом музей. Сюда потянулись туристы, причем некоторые из них оказались столь большими «любителями старины», что тогдашнему смотрителю храмового комплекса Анри Маршалю пришлось даже взять на себя роль детектива, преследуя грабителей ангкорских руин.

Но что незадачливые похитители по сравнению с бедами, обрушившимися на древнюю святыню кхмеров в семидесятые годы? Ее бомбили американские пилоты, а в годы полпотовского правления окрестности Ангкора становятся местом массовых казней. Разграблены алтари и молельни, разбиты древние статуи, повреждены гигантские каменные барельефы.

— Ангкор нужно спасать,— говорили мне в министерстве культуры республики.— Это наша национальная гордость. Пять башен Ангкора на наших знаменах — символ свободной Кампучии.

Сейчас начинает претворяться в жизнь проект спасения Ангкора. На помощь пришли реставраторы из Индии, Советского Союза и Польши.

...Освещенные ярким солнцем башни главного храма — Ангкор-Вата казались издали огромными белыми бутонами лотоса. Идеальная симметрия позволяла видеть с дороги только три башни — центральную и две из четырех, расположенных по углам храма. По мере приближения Ангкор-Ват рос, утрачивая первоначальный облик мифологической горы небожителей Меру. Но потом, когда мы взобрались по крутым ступеням на террасу главной башни и посмотрели вниз с высоты двадцати трех метров, вновь возникло ощущение, что находишься на вершине диковинной горы. Огромная территория с геометрически четко расположенными дорогами и прудами; галереи нижней террасы, внутренние дворики верхней — все это лежало далеко внизу, ввысь же головокружительно устремилась сорокадвухметровая лотосообраз-

ная башня, украшенная причудливым орнаментом.

Легенда гласит, что ангкорский храм — творение бога Индры, подарившего эту каменную сказку принцу Кет Меалеа. Полюбившийся богу земной принц не мог оставаться долго среди небесных жителей. И вот, чтобы скрасить его земное существование, Индра повелел своему архитектору Преах Пушнуку создать на кампучийской земле дворец, подобного которому нет в мире людей.

Это, конечно, только поэтичная легенда. Но кем бы ни был создатель Ангкор-Вата, творение это единственное в своем роде и неповторимое. История не сохранила нам имен зодчих, что возвели Ангкор, но, несомненно, это были люди, великие в своем понимании прекрасного, в безудержном полете фантазии.

Спасибо, Ук Кун!

Живет в Пномпене человек, которого зовут Ук Кун. Когда мы с ним знакомились, он сказал: «Мое имя легко запомнить, вы же знаете по-кхмерски слово «спасибо».

«Спасибо» на кхмерском звучит «окун».

Потом я часто встречал этого человека с легко запоминающимся именем, но, поскольку всякий раз он представал в новом качестве, мне даже начинало казаться, что это все разные люди, но Ук Кун улыбался и спрашивал: «Вы еще не забыли мое имя? Вспомните слово «спасибо».

Работает Ук Кун в министерстве культуры, в отделе наглядной агитации, где трудятся еще несколько человек. Приходя в гости в эту творческую мастерскую, я часто ловил себя на мысли, что атмосфера, царившая здесь, должно быть, очень похожа на ту обстановку, в которой делались знаменитые "Окна РОСТА».

Ук Кун слышал о Маяковском, но произведений его не читал.

— Изучу русский язык, тогда и буду читать Маяковского. А вот альбом с рисунками «Окон РОСТА» нам бы сейчас очень пригодился, ведь мы создаем новый революционный плакат, а опыта в этом деле у нас еще мало.

Коллеги Ук Куна молоды, и порой возникало ощущение, что это большая семья во главе с отцом. За отеческим отношением Ук Куна к «его ребятам» скрыта боль этого внешне веселого и жизнерадостного человека. Ук Кун не любит рассказывать о себе, но известно, что у него, как и у многих кампучийцев, погибли дети.

...Пномпеньская национальная библиотека с ее богатейшим собранием книг была превращена полпотовцами в подсобное помещение для солдатской кухни. На полках хранили котлы и миски, в читальных залах разводили свиней.

Сейчас с трудом восстановленная библиотека работает. Читатели — школьники, студенты, солдаты. Заходят сюда и пожилые люди почитать газеты, обменяться мнениями.

— Когда мы пришли в библиотеку в первый раз,— рассказывала одна из девушек, заполнявших библиотечные формуляры,— то не знали, за что взяться. Мы плакали при виде изорванных книг, всюду были грязь и запустение. Но директор успокоил нас. Сначала все нужно вымыть, говорил он. Мы должны как можно быстрее вернуть народу библиотеку. И мы стали работать. Умения не хватало, но директор помогал нам и всему учил.

Вскоре появился и сам директор. Широко улыбаясь, он приветствовал меня как старого знакомого. Впрочем, так оно и было. Ведь директором оказался Ук Кун.

Потом я встречал его в Ангкор-Вате, где он занимался подготовкой к реставрационным работам, на экзаменах в школе, на лекциях, проходивших в ходе кампании по ликвидации неграмотности.

В последнюю нашу встречу он руководил ремонтом фонтана на аллее неподалеку от оживленного проспекта Ленина в Пномпене. Фонтан бездействовал много лет. И вот высохшие и растрескавшиеся от зноя каменные змеи-наги ожили, и вверх взметнулись струи воды.

Детвора, окружавшая фонтан, радостно защебетала. Ук Кун улыбнулся, довольный.

К нагам у кхмеров почтительное отношение. Этими змееподобными полубожествами, обитающими в подземном мире и океане, населены многие древние мифы Востока. Для земных жителей они служили символами добра и хранителями жизни.

Своеобразным символом стали и ожившие наги фонтана: для Пномпеня начинался новый, светлый день.

Возрождение к новой жизни

Январь по нашим понятиям — середина зимы. Здесь же с самого утра стояла жара. Город был расцвечен кумачом транспарантов, знамен и пионерских галстуков. Под барабанную дробь стекались школьники к олимпийскому стадиону на свой праздник.

Сразу же после освобождения Единый фронт национального спасения призвал молодежь заняться детьми, которые остались без родителей во времена Пол Пота. Первого января 1980 года был организован первый в республике пионерский отряд. Тогда в нем было несколько десятков школьников. Сейчас в стране уже сотни тысяч пионеров. Главная задача пионерской организации народной Кампучии — воспитать в детях любовь к родине, к ее социалистическим завоеваниям, помочь им вырасти активными и деятельными.

Мне довелось побывать во многих кампучийских школах. Что прежде всего бросалось в глаза, так это идеальная чистота в классах, на школьной территории и спортивных площадках. Ежедневно до начала занятий ребята, вооружась метлами, приводят в порядок свой второй дом. Именно так здесь называют школы.

В первые годы после изгнания полпотовцев у кампучийских школьников не было ни летних, ни зимних каникул. Нужно было наверстать потерянные годы. Ведь при Пол Поте школы в стране были уничтожены.

Те мрачные времена ушли в прошлое. Я видел, как кампучийский народ ликвидирует последствия террора и разрухи. Сегодня учатся практически все дети. Каждый год открываются новые школы, библиотеки, больницы. Строятся фабрики. На полях появляется все больше машин. Вновь открылись кинотеатры, устраиваются выставки. Люди открыто улыбаются друг другу.

Древняя земля, хранительница богатой культуры и добрых традиций, возрождается к новой жизни.

Виктор ПРИТУЛА

Пномпень — Москва.

МУЗЫКАЛЬНОЕ ЛОТО 1

Дорогой друг! Новая рубрика журнала «Пионер» МУЗЫКАЛЬНОЕ ЛОТО приветствует тебя. Если ты неравнодушен к современной и классической музыке, включайся в нашу игру.

О «МЕТАЛЛЕ» ВОКРУГ И ОКОЛО

Ты, наверное, слышал модное словечко «металл»? Общался с ребятами, которые называют себя «металлистами»? Ну, а если нет — несколько поясняющих слов.

Речь идет не о профессии, не о стали или вольфраме — о музыкальном стиле. Может быть, впервые в истории музыки появилось такое сугубо техническое наименование. Тому есть немало причин: подобная ударам механического молота «тяжелая» пульсация бас-гитары и ударных, пронзительно-режущие, словно трели токарного станка, партии инструментов и голоса — тембровая окраска вполне соответствует названию. Словом, это музыка действительно нелегкая. Особенно для тех, кто воспитан на мелодичной эстраде, любит оперу или романсы. Им «металл» нещадно режет ухо.

Но давайте попытаемся разобраться, почему «тяжелый рок» непривычен для неподготовленного слушателя. Нельзя сказать, что это не музыка, а «металлические» группы извлекают из инструментов какой-то хаос звуков. У этого стиля есть плюсы, есть минусы. Есть свои хорошие образцы, а есть и очень плохие... Но наш разговор о «металле» — это разговор не только и не столько о музыке, а о том, что вокруг и около нее.

Часто одно название — «тяжелый рок» (по-английски hard-rock) путают с другим — «тяжелый металл». В чем разница? А очень просто: лет десять назад, когда музыканты впервые открыли новое тембровое и ритмическое звучание и нарекли его «тяжелым роком», никто не предполагал, что вскоре главными станут внешние эффекты, цирковой грим музыкантов, кожано-металлическая амуниция поклонников. Словом, все, кроме музыки. Увидев вооруженных цепями охранников, которые «держали» бушующую толпу, не давая ей прорваться к сцене, один из западных музыкантов сказал: «Это уже не тяжелый рок, а тяжелый металл».

Так и пошло...

Впрочем, стоп. «Металлисты»

слышали уже достаточно обвинений в свой адрес. И чем больше их ругают, тем выше они задирают нос: вот мы какие, сколько о нас говорят и пишут!

А вот что говорят и думают о своем увлечении они сами? Наш музыкальный клуб на страницах «Пионера» мы решили открыть откровенным разговором и предоставить слово ребятам — пусть сами выскажутся!

Итак, у нас в гостях восьмиклассники Андрей, Миша и Олег. Они не просили нас оставить их фамилии в тайне. Мы сами так решили: пусть потом не упрекают друзья, учителя, родители — мол, что-то не так сказали.

Все трое оказались доброжелательными, «вполне нормальными», как говорится, ребятами. Очень разными по характеру. Андрей говорил больше других — вы это заметите, когда начнете читать стенограмму разговора. Миша — только в те моменты, когда тема его сильно волновала, а Олег больше отмалчивался.
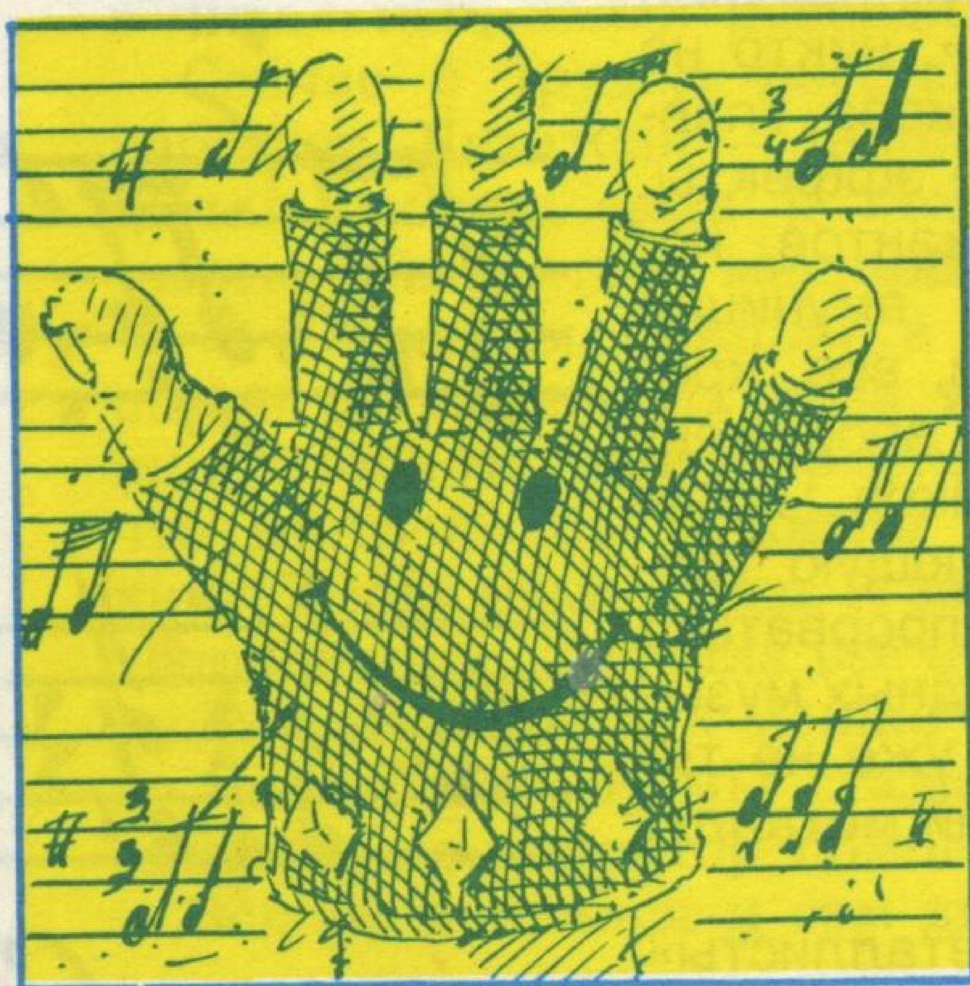
А начался наш откровенный разговор в общем-то с пустяка...

Почему перчатка без пальцев?

Андрей. Вы имеете в виду, почему на моей перчатке обрезаны пальцы? Да потому, что все вокруг ходят в обычных перчатках, а мы взяли и обрезали. Уже непривычно. Нестандартно!

Корреспондент. Предположим. Ну, а, кроме желания выделиться среди других, какую роль играют все эти перчатки, заклепки, браслеты, цепочки?

Андрей. Еще с помощью внешнего вида, не такого, как у всех, мы можем познакомиться на улице. Мы находим друг друга, понимаете?

Корреспондент. С одной стороны, выделиться, а с другой — быть похожим на других «металлистов». Что все-таки главное? Выделиться или быть как все?

Андрей. А это вообще не главное. Это, если сравнивать с учебником, пункт «б».

Корреспондент. А пункт «а»?

Андрей. Пункт «а», наверное, у каждого свой.

Мы — как зеленая почка

Андрей. Понимаете, у нас разговор идет как-то не о том. Я вам сейчас приведу одно сравнение, чтобы вы лучше поняли, зачем нам весь этот «металл» нужен. Представьте себе весну. На дереве набухает почка. Вот она набухает, набухает, вбирает в себя разные живительные соки, а потом — бац! — раскрылась. Так же и мы. Мы слушаем «металл», общаемся, а потом все это превратится в хорошие дела.

Корреспондент. В какие?

Андрей. Ну, в работу. В активную общественную позицию. Вот я, например, в школе выступаю сразу в трех ролях: я — «металлист», и об этом все знают, я — активист и к тому же неплохой ученик!

Олег. Вот некоторые говорят: как послушаю «металл» — сразу «отрубаюсь»! То есть они имеют в виду: сразу наступает такое состояние, когда нормальными делами заниматься не можешь. Хочется чего-нибудь этакого... А у меня наоборот: как послушаю «металл», сразу повышается тонус, хочется поделиться своей радостью с другими. Прихожу после школы домой, включаю магнитофон — и тут же начинаю убирать квартиру.

Андрей. Как хотите, а «металл» — это музыка для души!

Миша. Я бы обязательно добавил — для мужской души. Девчонки воспринимают только внешние черты этого стиля, носятся со своими побрякушками... А «металл» делает человека мужественнее, энергичнее.

Корреспондент. Сразу хочется стать сильнее, верно? И доказывать эту силу другим?

Андрей. Ясно, к чему вы клоните. Давайте договоримся: вести разговор только о настоящих «металлистах», а не о тех, кто с трудом запомнил названия одной-двух групп...

Олег. Мол, мы, «крутые ребята», сейчас начнем «гасить» всех, кто против нас, ну и так далее. Неохота повторять.

Андрей. О них вообще говорить не будем. Мы и они — это большая разница.

Корреспондент. Ладно, не будем. Только один вопрос. Вот ты носишь браслет с шипами и тот, «ненастоящий», тоже. Ты не боишься, что тебя с ним перепутают? Примут за хулигана?

Андрей. Я? Нет, не боюсь. В каждом обществе есть свои стереотипы. Вот и у вас действует такой стереотип: «металлист» — человек с тупым лицом. Разве не так?

Корреспондент. Может быть, ты и прав.

Вышел во фраке — играй классику!

Корреспондент. Еще один вопрос. В текстах песен многих «металлических» групп — я имею в виду западные группы — много всякой мистики: черти, ведьмы, сатана. Есть выходки и похуже: нападки на нашу страну, прославление фашистской символики. Как с этим быть?

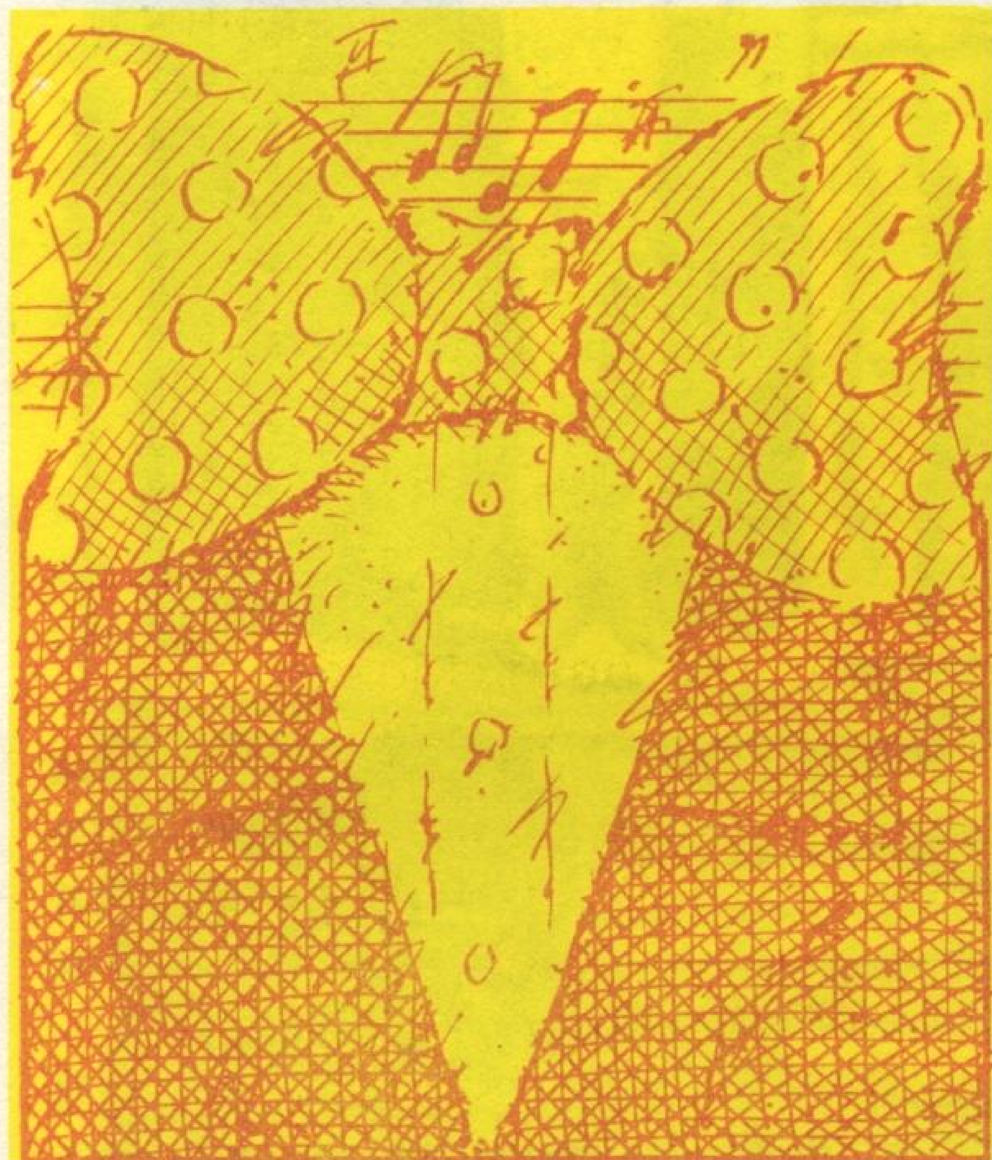
Миша. Я в слова западных групп не вслушиваюсь, да и вообще с иностранным языком у меня... не очень.

Андрей. Что касается последнего — нападок на Советский Союз, фашистской символики,— такие песни, такие группы мы просто не слушаем, и все. К «металлу» в целом это не имеет никакого отношения. Лично я предпочитаю советские группы: «Арию», «Круиз». Они поют об очень важных вещах: о борьбе за мир, о мужестве. Западные группы... Меня в их песнях отталкивает не чертовщина, а какой-то идиотский оптимизм. Хотя я тоже не переводчик, могу многое не понять... А вообще-то, когда представляешь себе что-то наподобие гоголевского «Вия», начинаешь лучше понимать музыку. Это же интересно!

Корреспондент. С текстами разобрались. Ну, а внешний образ музыкантов — крашеные волосы, разноцветный грим на лицах. «Зловещие клоуны» — так, кажется, их называют? Как вы к этому относитесь?

Миша. По-моему, такой внешний вид помогает им играть свою музыку — на пределе! В обычной одежде это невозможно.

Корреспондент. Давай представим себе: любимый вами «Круиз» года через два выйдет на сцену в строгих смокингах или во фраках и начнет играть такую же музыку?

Миша. Нет. Такую же они не смогут. И вообще вышел во фраке — играй классику!

Бах по диагонали?

Корреспондент. Хорошо, оставим «металл» в покое. А другую музыку вы признаете, любите?

Андрей. Мне нравятся испанские гитаристы: Гойя, Пако де Лусиа. Кстати, нельзя о них рассказать поподробнее на страницах вашего музыкального клуба?

Миша. По-моему, симфоническая музыка — это чтобы лучше засыпать вечером. Мне так кажется. Наверное, я ее просто не понимаю. Отец обожает джаз, у нас дома куча пластинок. Я тоже слушаю, но... больше из уважения.

Олег. Классику не люблю. Песни петь под гитару — это да.

Андрей. Погодите. Все не так просто. С одной стороны, «металл» больше, чем любой другой стиль, помогает полюбить серьезную музыку, ведь есть «металлические» аранжировки Баха, например. С другой стороны, все эти великие композиторы жили очень давно. Они далеко, а мы здесь. У них были высочайшие помыслы, взлеты духа... Все это так, конечно. Но нам они уже не близки, мы другие. Мы живем сегодня!

Корреспондент. А все-таки Бах — он где-то далеко сзади или выше — на той вершине, до которой надо еще добраться?

Андрей. Бах? Он по диагонали.

Средних людей больше нет!

Андрей. Понимаете, есть еще одна причина, почему мы слушаем именно такую музыку. Вот только не знаю, не обидитесь ли вы, если я о ней расскажу.

Корреспондент. Постараюсь.

Андрей. У вашего поколения, то есть у тех, кому сейчас тридцать — сорок, был, если можно так выразиться, хороший «средний балл». Было много хороших, но средних людей. Вы имели средние способности, типичные увлечения, ну и так далее. А сейчас, в нашем поколении, средним человеком быть невозможно.

Корреспондент. Интересно, почему же?

Андрей. Не знаю, но мне так кажется. В четвертом-пятом классе у нас тоже были середнячки. Ни то ни се. А сейчас, ближе к восьмому, произошло резкое разделение. Либо ты настоящий человек — слушаешь хорошую музыку, чем-то увлекаешься, интересуешься, либо ты никто. Понимаете?

Корреспондент. И что же, «металл» этому разделению помогает?

Андрей. Конечно.

Корреспондент. Все-таки я не понял, чем же ваше поколение так отличается от нашего и при чем здесь «металл»?

Андрей. Не знаю. Но как-то это связано.

Вместо послесловия

Корреспондент. Андрей, ты сказал про Чайковского — слушаешь, нравится. Представь себе поклонника музыки Петра Ильича, который вышел на улицу и начал бы бить себя в грудь, доказывая, как он любит «Лебединое озеро», или повесил бы на шею плакат: «Обожаю концерт для скрипки с оркестром!» Ты понял мой вопрос?

Андрей. Понял. Если бы на Чайковского так нападали, как на «металл», этому человеку тоже пришлось бы его защищать.

Беседу вел и записал Борис МИНАЕВ.

От редакции

Дорогой друг! Андрей, Олег, Миша и наш корреспондент в своей беседе затронули много интересных, важных вопросов. Ответь на них и ты.

1. Как ты относишься к «тяжелому року» — «металлу»? Есть ли у тебя любимые рок-группы? Почему они любимые?

2. Нравится ли тебе «металлическая» амуниция — заклепки на одежде, браслеты с шипами, перчатки без пальцев и так далее? Можно ли «металлисту» обойтись без них?

3. Любишь ли ты классическую музыку? Какие именно композиторы и музыкальные произведения тебя привлекают?

4. Читал ли ты страницу 27 в № 10 за прошлый, 1987 год?

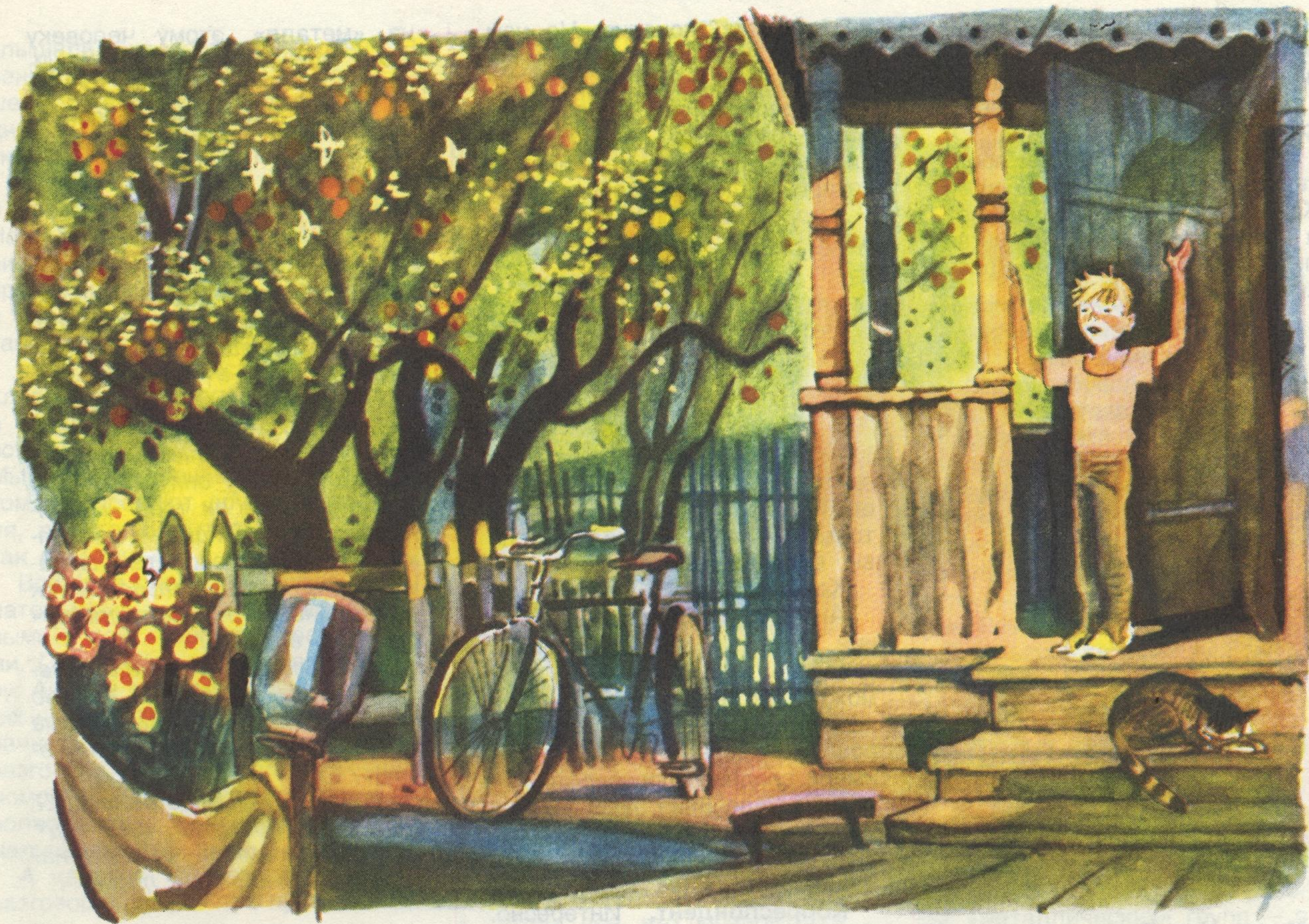
Ждем писем! На конверте напиши: «Музыкальное лото».

Для тех, кто играет в наше «музыкальное лото» первый выигрышный номер - 7

Рисунки А. АРХУТИКА.

Александр БЕЛОРУСЕЦ

Звонкие ключи

РАССКАЗ

Рисунки М. ПЕТРОВА.

В самой середине России, там, где течет речка Звонкие Ключи и вокруг много лесов, нехоженых и дремучих, есть маленькая деревня. Мальчик жил в ней первое лето.

А родился он в далеком городе Владивостоке, на берегу Тихого океана. Это самый большой океан на Земле. Его называют Тихим, но во время шторма огромные волны, величиной с дом, бегут по нему от края до края, раскачивая корабли. Мальчик видел эти волны.

Отец мальчика был военным, и ему приходилось служить в самых разных уголках. И везде рядом с ним были мальчик и его мама.

Порой им приходилось трудно. Например, на Севере, где лето так коротко, а зимой кружат длинные метели и в дымоходах бормочет ветер, жалуется на мороз. Но им было хорошо втроем. Они любили друг друга и не хотели расставаться.

По вечерам в их доме собирались молодые офицеры, товарищи отца. Они шумно спорили, смеялись, дарили мальчику стреляные пистолетные гильзы. А отец читал стихи. Мальчик крепко запомнил одну строчку, как пароль. Потому что отец часто ее повторял.

«Ничто нас в жизни не может вышибить из седла» — вот что запомнил мальчик.

Но однажды он заболел. Врачи сказали, что у него слабые легкие и ему вредны северные холода.

Тогда мама уехала с ним в деревню: в Звонких Ключах жила его бабушка. И они поселились в бабушкином доме, у самой реки.

День и ночь река тихо звенела, срываясь с камней маленькими водопадами. Мама говорила, что в ней спрятана какая-то тайна. Она говорила, что, когда жили еще на земле добрые великаны, один из них потерял в этой речке волшебные ключи. С тех пор быстрая вода шевелит их где-то на

дне, и все кругом звенит: и река, и кузнечики по берегам, и даже небо, если оно голубое и чистое.

Это было странно, но мальчик поверил. И подумал: хорошо, что на свете есть тайны. Ими полны густые леса вокруг деревни, и высокие луговые травы, в которых можно заблудиться, и даже сад с шумящей на ветру листвой.

Среди листвы прятались воробьи. Они вечно беспокоились, громко спорили, будили по утрам мальчика и маму.

Мальчик выходил в сад, слушал воробьиную перебранку и улыбался. Эту его улыбку не одобрял лишь кот Василий, гревшийся на крыльце в лучах утреннего солнышка. Воробьев кот Василий презирал. Надо потерять все свое достоинство, чтобы, как они, трещать целый день с рассвета и до заката. Себе кот Василий этого позволить не мог. Очевидно, потому, что считался хозяином дома и сада. Не меньше, чем бабушка.

Бабушка кормила его лучшими продуктами, специально просила у мальчишек, возвращавшихся с рыбалки, только что пойманных полосатых окуней.

Василий толстел, сладко зевал и спал где вздумается: на диване, у печки, на подоконнике, на крыльце. Зато никому и в голову не приходило называть его просто Васькой, а не иначе, как с уважением, звучно: кот Василий.

— Один ведь он у меня,— говорила бабушка.— Вы-то далёко, на Севере были, а мы с ним вдвоем да вдвоем, привыкла я к нему.

Мальчик пробовал расшевелить кота. Он выносил из комнаты бумажный бант на длинной нитке и тряс этим бантом у его носа, задевая по усам. Василий недовольно крутил головой, жмурился и словно говорил: «Ты что же, меня за глупого котенка считаешь?»

Затем он вставал и медленно удалялся к сараю у забора, где знал удобные лежанки. По пути он останавливался, задирал голову вверх, злыми глазами смотрел на воробьев.

Мальчик его не понимал. Так чудесно было утро, голоса задиристых птиц, песня старого сада. Мальчик снова улыбался и бежал в дом поднимать маму и бабушку. Он влетал в комнаты, прыгая по половицам, и мягкая прохлада обнимала его, как мамины руки.

Бабушка кряхтела, слезая с кровати, и ворчала:

— Опять вскочил ни свет ни заря. Спасу от тебя нет!

Но бабушка была доброй, и мальчик ее не боялся. По правде сказать, ей даже нравилось, что в доме появился неугомонный, как воробей, маленький человечек. В доме, где в комнатах пахло травами и вареньем, где долго дремали лишь тишина да кот Василий и только стенные часы в деревянном футляре били громко, во весь голос.

— Бом! — били они один час.— Бом! Бом! — два часа.

Впрочем, порой бабушка сердилась по-настоящему. Тогда она говорила: «Тьфу в болото» и «Леший тебя забери». Судя по ее рассказам, леший жил в лесу и делал людям разные пакости.

«Однако никакой леший,— думал мальчик,— не устоит против приема через голову». Этот прием показал ему рыжий Петька, сын тети Капы — почтальонши,— у мальчика уже были друзья на новом месте.

Поэтому после бабушкиных слов он успокаивался ненадолго, а затем снова расхаживал по комнатам и напевал все громче и громче:

Ни-что нас в жиз-ни не мо-о-жет
Вы-ши-бить из седла!

Мама смеялась и смотрела на него с удовольствием: мальчик окреп, загорел, и волосы у него посветлели на солнце, как солома.

— Ну что, светлая соломка,— говорила она мальчику.— Скоро ты совсем поправишься, приедет папа, и мы будем много гулять, пойдем в лес, на Синее озеро и обязательно наберем грибов: папа их так любит.

— Наберем,— соглашался мальчик и думал об отце.

Они вспоминали его часто. Тихими летними вечерами, когда над деревней загоралась Полярная звезда, они сидели на крыльце и вспоминали все: снежную тундру, северное сияние, жалобы ночного ветра.

И мама говорила:

— Это ничего, что он далеко. Это так нужно. Потому что он военный, а для военных самое главное — выполнять приказы. Ему, конечно, плохо одному, без нас, но он сильный и смелый. Когда ты вырастешь, то станешь, как папа. А я буду гордиться, что у меня такой сын.

Она умолкла, обняв мальчика за плечи, и нежное тепло согревало их обоих.

Отец писал, что очень соскучился, и обещал приехать в отпуск в конце августа.

Мальчик любил, когда приходили письма. В эти дни мама казалась ему еще красивей и веселей.

Только бабушка почему-то была недовольна. Она что-то выговаривала маме и гремела на кухне посудой.

Однажды мальчик слышал их разговор. Они думали, что он спал, но он не спал и все слышал.

— Теперь тебе и жизни — от письма до письма,— сердилась бабушка.— Тьфу в болото! Дома-то своего, и того нет. А все ездили, ездили... Точно странники,— заключила бабушка, громыхнув тарелками, которые вытирала.

— Да нет же, ты его мало знаешь,— отвечала мама.— С ним ничего не страшно. А дом у нас будет, обязательно будет.

— То-то и видно! — возразила бабушка.— Странники и есть.

Тут мальчику надоело притворяться, и он спросил:

— Мам, а кто такие странники?

Мама быстро обернулась, подошла к его кровати.

— Странники,— сказала она серьезно,— это люди, которые везде путешествуют, видят новые страны, новые земли. Как дети капитана Гранта, помнишь? А теперь спи, уже поздно.

— Ладно,— согласился мальчик и подумал, что странники — это хорошо. Бабушка напрасно спорит.

Он уснул, и ему приснились эти новые земли, о которых говорила мама, корабли, пираты, необитаемый остров, засады, незнакомые города. И еще ему приснились три путешественника: он, мама и отец. И почему-то кот Василий.

Мальчик спал, а Полярная звезда, сиявшая над деревней, указывала строго на север, где служил отец.

Так окончился день. Потом другой, третий. Время бежало быстро. Наступил август.

В конце его в Звонкие Ключи пришла телеграмма. Ее принесла почтальонша тетя Капа. Она

часто заглядывала к маме поговорить за чашкой чая.

— Вот и дождалась,— сказала она маме.— Встречай своего-то, приезжает.

На следующий день мама отправилась встречать отца.

Мальчик просил взять его с собой. Но мама сказала, что до станции далеко, а поезд приходит поздно, и велела ждать дома, с бабушкой.

Мальчик чуть не заплакал от обиды: так ему хотелось встретить отца вместе с мамой. Он даже подумал, что ничего в жизни не хотел сильнее, чем этого.

Пообедав вместе с бабушкой, он ушел на речку. Сел на берегу и просидел там долго, наверное, полчаса.

Звонкие Ключи пели тихо и грустно. Высокие облака замерли, уставшие от зноя. Ястреб проплыл к ним, такой же высокий, раскинув крылья.

Мальчику казалось, что никому в этом бескрайнем мире, совершенно никому нет до него дела и никто не знает, как ему плохо.

Однако он успокоился понемногу. Блестящая вода, на которую он смотрел, мерцала короткими слепящими вспышками. То были яркие солнечные зайчики, отраженные от воды.

Мальчик решил, что он подумал нехорошо, нечестно: и про маму, и про бабушку,— ведь они его любили. И отец сейчас, наверное, стоя в тамбуре вагона, курит и все посматривает на часы: скоро ли его станция?

И мальчику захотелось что-нибудь сделать для отца, что-нибудь приятное. Он вспомнил вдруг мамины слова: «Мы пойдем в лес, на Синее озеро, и обязательно наберем грибов: папа их любит».

Мальчик даже вскочил, когда это вспомнил. Минуту он стоял, напряженно над чем-то размышляя, потом побежал домой.

Все, что он делал дальше, он делал решительно и быстро.

Бабушка возилась на кухне, готовила большой пирог с яблоками.

— Ну вот,— сказала она, заметив мальчика и отдуваясь,— недолго уже, скоро.— И она опять склонилась над духовкой, поправляя противень с пирогом.

В это время мальчик стянул со стола горбушку белого хлеба и выбежал на террасу. Там он нашел плетеную корзину и положил хлеб в нее. Потом он вышел в сад и сорвал два спелых яблока-боровинки. Яблоки тоже бросил на дно корзины.

Затем, оставив корзину в кустах крыжовника, мальчик вернулся в дом и засунул в карман свой перочинный нож, подарок отца, с белой костяной рукояткой.

— Ба, я погулять! — крикнул он уже со ступенек и, не слушая ответа, через сад, через забор возле сарая выбрался на улицу.

Его видел лишь кот Василий, но он по обыкновению дремал и лишь покосился на мальчика сонными глазами.

А мальчик побежал по улице.

Он миновал дома, колодец со скрипучим вóротом, канаву. Он пересек речку по бревну, положенному с берега на берег, спрыгнул вниз с небольшого обрыва и, опустившись на колени, выпил холодной родниковой воды. Потом он встал и оглянулся на деревню.

В деревне было спокойно, никто не заметил его ухода.

Тогда мальчик повернулся к ней спиной и зашагал к лесу.

У самого леса, на опушке, возле старого кладбища, стояла полуразрушенная церковь. Возле ее красных кирпичных стен росли молодые березки, тонкие, как цветочные стебли. Высоко на кресте сидела молчаливая ворона. Она смотрела на мальчика скучным взглядом, точно хотела сказать:

— Шляются тут всякие. Надоело.

Место это показалось мальчику довольно мрачным. К тому же он знал от Петьки, что в церкви живет одинокая сова. Иногда она хлопает крыльями и шипит.

Впрочем, сову мальчик не встретил: видно, ее не было дома. Тем не менее, вступая в лес, он обошел кладбище стороной. Так, на всякий случай.

Лес был еловый и колкий. Но мальчик решил набрать грибов во что бы то ни стало. Он уже умел их различать. Его научила мама. Он искал тугие, как резиновые мячики, белые грибы, подосиновики, подберезовики, желтые лисички, которые никогда не бывают червивыми, крепкие сыроежки, разноцветные, как лоскутное одеяло. Белые пошли сразу, под молодыми елками, куда он заглядывал, присев на корточки. Он срезал их ножом, чтобы не повредить грибницу. Чем дальше заходил он в лес, тем больше попадалось ему грибов и тяжелела корзина.

За ельником лес перемешался. Тут росли сосны с золоченой корой, вечно дрожащие осины, нелюдимые дубы, белоствольные березы. Мало-помалу березы собрались вместе, и мальчик попал в березовую рощу. Там, на поляне, на гладком коричневом камне бронзовой фигуркой застыла ящерица. Мальчик попробовал ее поймать, накрыть ладонью, но ящерица, сверкнув чешуйками, исчезла в траве. Он не жалел об этом. Красиво было в лесу. Красиво и весело.

Мальчик видел любопытную белку, смешного лосенка, пустившегося наутек, слышал перекличку птиц. Пестрые лесные голоса развлекали его.

Мальчик грыз яблоко, искал грибы и думал о разном.

Он думал об отце и маме, о бабушке и добрых великанах. О Петькиных приемах, о северной зиме. Он воображал себя отважным капитаном, охотником, военным. И обо всем этом он думал сразу.

Можно даже предположить, что он ни о чем не думал. Так ведь и бывает. Особенно если идешь один, шагаешь, смотришь под ноги.

А мальчик был один. Никого не было вокруг. Разве только вечер крался след в след, но так тихо, что мальчик его не заметил.

Между тем опустились сумерки. Похолодало. Полная корзина оттянула мальчику руки. Он устал, присел на корявый пенек и огляделся.

Кругом стоял лес, сплошной, уже потемневший и молчаливый.

Мальчик слегка забеспокоился: пора было идти домой. Он боялся опоздать к приезду отца.

И мальчик пошел к дому. Он считал, что не ошибся в направлении. Он думал, что раньше шел все время прямо вперед, поэтому просто развернулся и поспешил обратно, полагая, что идет так же прямо, но назад, к деревне.

Однако минуло много времени, а лес все не кончался. И это был иной лес, не тот, в котором он ловил ящерицу.

Мальчик остановился: он не знал, куда идти. Он глубоко вздохнул и крикнул что есть силы, надеясь быть услышанным.

*Мальчик остановился:
он не знал, куда идти.
Он глубоко вдохнул
и крикнул что есть силы,
надеясь быть услышанным.
— Э-ге-гей! — крикнул он.
Но лес молчал,
и молчал неприветливо.
— Э-ге-гей! — снова крикнул мальчик,
и снова никто не ответил ему.
Только удивленный ветер
потрогал верхушки сосен.*

— Э-ге-гей! — крикнул он. Но лес молчал, и молчал неприветливо.

— Э-ге-гей! — снова крикнул мальчик, и снова никто не ответил ему. Только удивленный ветер потрогал верхушки сосен, покачал их, раздвигая, чтобы взглянуть на мальчика. Взглянуть и умчаться, пригибая деревья, как траву.

Мальчику стало страшно. Чужим и недобрым выглядел огромный лес, таящий неведомые опасности. Тысячи этих опасностей, пусть смешных

и несуществующих, как, скажем, леший, которого поминала бабушка, подстерегали мальчика, ждали своей минуты. В звенящей тишине тотчас после крика он почувствовал угрозу. Он подумал, что выдал себя кому-то, хотя и не знал, кому. Он схватил корзину и побежал.

Корзина была большой — цеплялась за кочки и стволы деревьев. Ветки хлестали мальчика в лицо. Он упал, чуть не рассыпал грибы, тяжело поднялся и побежал вновь. Наконец он стал на месте и заплакал. Он плакал горько, но тихо, чтобы его никто не услышал.

Стемнело. Звезды проступили на небе. Началась ночь.

Мальчик плакал. Он плакал, потому что заблудился, и потому что страшен казался ночной лес, и просто потому, что был он еще все-таки маленький мальчик и совсем один.

Потом он представил бабушкин дом над рекой, яблочный пирог, приезд отца. Жалость к себе охватила мальчика, острая, как береговая осока. Он подумал, что никто не подозревает, где он, и не может ему помочь. И тогда он понял, что должен рассчитывать только на себя: так уж получилось.

Мальчик кулаком вытер слезы и решил идти. Он шел наугад. Чтобы не кружить, он отыскал в небе Полярную звезду и повернул на нее. Звезда мерцала равнодушно и недоступно.

Луна посеребрила лес. Резкие тени прочертили землю.

Мальчик почти не обрадовался лунному свету. Он шел, не замечая ничего вокруг, не замечая времени, упрямо сжав зубы. Он уже не помнил и не старался определить, долго ли он в пути.

Близкий шорох заставил его вздрогнуть. Что-то ударило его в ногу, прямо в ботинок. Мальчик отпрыгнул, едва не уронив корзину. Сердце его застучало, словно маленький молот.

Но, отступив, он не струсил. Он медленно наклонился и вдруг улыбнулся, впервые за эту ночь. У ног его, свернувшись в колючий шар, лежал испуганный ежик. Мальчик осторожно погладил его иголки и немного подождал.

Ежик развернулся, фыркнул и заспешил куда-то, очевидно, по своим делам. Может быть, он даже не сообразил, кто это так неожиданно стукнул его в нос.

Мальчик приободрился. И, возможно, поэтому настоящая удача, редкая, как пятиконечная звездочка сирени, помогла ему: он увидел дорогу. Вернее, узкую лесную просеку. Ее прорубили люди. «А раз так,— подумал мальчик,— то она ведет к жилью».

И он зашагал по просеке.

По обе стороны ее чернел неподвижный лес. И в глубине его, в этой черноте, откуда выбрался мальчик, была невидимая жизнь. Крикнула ночная птица, треснула ветка, вновь наступила тишина. Лишь звук шагов нарушал ее. Звук чересчур громкий, хотя мальчик старался ступать бесшумно. Внезапно впереди, метрах в пяти от мальчика, мелькнула тень. Какой-то зверь, похожий на крупную собаку, занял дорогу. В глазах его, вздрагивая, тускло блестела луна.

Возможно, это и была собака, забежавшая в лес из деревни или от избушки лесника, которую мальчик непременно заметил бы, выйди он на просеку чуть раньше. Но он подумал, что это волк, и замер. И неприятный холодок, холодок страха, пробежал по спине, шевельнул волосы на затылке.

Так они стояли, не двигаясь, глядя друг на друга. Это была решительная минута.

Затем мальчик медленно, не отводя взгляда, перехватил корзину левой рукой, а в правую взял нож. И шагнул. И остановился. Потом шагнул еще.

Лунный блеск погас, и быстрая тень, скользнув по земле, растворилась в лесу. Мальчик стоял неподвижно, ожидая хитрости, готовый к нападению. Потом он порывисто вздохнул и двинулся дальше. Дважды он оглянулся назад, но пусто было на дороге.

Примерно через час, вконец измученный, он вышел к кладбищу и церкви. Пролетела сова, крыльями задела луну. Мальчик отмахнулся от нее, как от комара.

За рекой светилась деревня. Была ночь, но во многих домах горел свет. Звонкие Ключи не спали.

Мальчик не знал, что приехавший отец услышал от бабушки о корзине и все понял. И вместе с ним мужчины деревни искали мальчика в лесу.

А мама ждала дома с бабушкой и тетей Капой. Тетя Капа сама прибежала к ним, узнав о случившемся. Она успокаивала их и повторяла, наверное, десятый раз:

— Обязательно разыщут! Никак невозможно, чтоб не разыскали.

В это время мама вышла к калитке и увидела мальчика. Она тихо вскрикнула и, прижав руки к горлу, бросилась к нему. Она радостно целовала его и сердилась, плакала и смеялась.

А мальчик сказал:

— Вот грибы для отца! — и добавил: — Я заблудился. Но я плакал всего один раз.

Тут мама слегка отстранилась, как-то особенно посмотрела на мальчика и уже ничего не говорила.

Он хотел сказать еще: «Я видел волка»,— но не сказал. Увидел слезинки на маминых ресницах и не сказал. Вместо этого он произнес совсем другие слова:

— Я больше не заплачу. Никогда!

И все, кто его слышал: и мама, и бабушка, и тетя Капа,— поверили ему.

А потом он уснул, сразу, как кот Василий. И уже не видел, как под утро вернулся отец и они с мамой долго сидели на крыльце, накрывшись широкой плащ-палаткой.

— Ну не волнуйся, будет,— говорил отец.— Все уже в порядке. Честное слово, все в порядке. Мы в седле, ты ведь помнишь!

Над Звонкими Ключами поднималось солнце. Звенела река-тайна, оставленная добрыми великанами. Отец закурил, сильной рукой поправил плащ и сказал твердо, что думал:

— Нет, он не пропадет, наш малыш. Он уже нашел те ключи. Это было не просто, но он нашел.

Улыбка тронула мамины губы. И забыла слететь...

Узел связи

ДАВАЙТЕ ПОЗНАКОМИМСЯ!

Вы любите получать письма? Мы, сотрудники «Пионера», тоже. А писем в наш журнал приходит столько, что иногда они с трудом вмещаются в несколько больших мешков.

О чем же вы нам пишете? О своих школьных, пионерских делах, увлечениях, интересах. Иногда обращаетесь с различными просьбами и вопросами. Критикуете или хвалите публикации «Пионера». Делитесь самым сокровенным.

Вот три письма из почты «Пионера».

1 письмо

«Пионер»! Очень надеюсь на твою поддержку. Я запуталась, даже не знаю, у кого просить помощи. За свои 14 лет я успела разочароваться во всех людях и во всем вокруг.

Друзья? Были, да все вышли, как говорится. Остались только «товарищи по школе», с которыми можно с урока сбежать или магнитофон послушать. Подруги? Тоже были. А теперь вижу, что завистливые какие-то стали, мальчишек между собой поделить не могут. Вы скажете, что есть родители — самые близкие люди. Но и они меня не понимают, у них свои проблемы — «одеть, обуть, накормить»... А мне-то не это нужно.

Что же делать? Я жду ответа. Наташа».

2 письмо

«Здравствуй, «Пионер»!

Недавно я купила двух хомячков, самца и самку, назвала их Машей и Яшей. Я им даю крупу разную, капусту, молоко, воду, семечки жареные, немножко конфет. Держу я их в клетке. Но правильно ли это?

И еще. Недавно случилась беда. Яша у меня исчез, три ночи его нет. Сможет ли прожить моя Машка одна? Подружки говорят, что хомячки одни не живут. Подскажите, как быть, а то моя Машка ходит одна и тоскует. Коршунова Наташа».

3 письмо

«Здравствуй, журнал «Пионер»!

Пишу вам в третий раз. Почему перестали печатать «Сто советов Золушке»? Почему не в каждом номере печатаете «Невыдуманные диалоги»? Я вам писала-писала, а вы все не исправляетесь. Вообще вы там бессовестные. Моя подруга говорит, что вы там письма ощупываете: если толстое — вы выкидываете, а если тонкое — читаете. Все. Я закончила.

Я вам напишу толстое письмо, а вы попробуйте выкинуть. Все! Чимкентская область, Черняева И.».

Что же на самом деле происходит с вашими письмами? Мы их прежде всего внимательно читаем, некоторые публикуем, обсуждаем на планерках и летучках, на большую часть отвечаем письмами из редакции — одним словом, относимся к ним как можно бережнее, с уважением и любовью. Ведь за каждым из них стоите вы, дорогие читатели.

День ото дня содержание ваших писем становится все более и более интересным, проблемным, увлекательным. Время перестройки, начавшееся в нашей стране, подхватило на свои стремительные крылья и вас, ребята.

В редакции возникла идея — открыть в «Пионере» новую рубрику, которую будет вести отдел писем и массовой работы,— рубрику по вашим письмам, а назвать ее «УЗЕЛ СВЯЗИ».

Почему «узел»? Потому что существует узел вопросов, узел проблем, почтовый узел. УЗЕЛ СВЯЗИ. Кажется неплохо, а?

Наша рубрика будет выходить регулярно. В ней мы планируем помещать обзоры и подборки интересных писем, интервью по вашим просьбам; поговорим о культуре письма, содержательности и умении высказывать в письмах свои мысли; предложим читателям принять участие в различных конкурсах.

101459

«УЗЕЛ СВЯЗИ» ВКЛЮЧИТ В СЕБЯ НЕСКОЛЬКО РАЗДЕЛОВ

Люди разных профессий: артисты, врачи, рабочие, педагоги, спортсмены — ответят на вопросы, которые вас интересуют, помогут разобраться в сложных ситуациях.

Вы сможете узнать о командировках, которые совершила редакция по вашим тревожным письмам, получите рекомендации, консультации, советы.

Здесь появятся ваши рассказы о себе, проблемы, с которыми вам приходится сталкиваться в жизни, диалоги со сверстниками.

Вы познакомитесь с письмами-откликами на публикации журнала, сможете задать вопросы, адресованные редакции и ее сотрудникам, прочтете «сердитые» и «добрые» письма.

Пишите в «Пионер»!

Редакционный „узел связи“ работает!

* «Кораблик» * Журнал в журнале * Печатает только тебя *

Аня КОРОСТЕЛЕВА с шести лет пишет стихи, рассказы, пьесы и сама иллюстрирует свои сочинения. Аня живет в Москве, учится в школе № 56. Сейчас она уже восьмиклассница, стихи у нее получаются серьезные, совсем не похожие на те, которые она сочиняла, когда была маленькой,— те ей сейчас уже разонравились. А вот капитану «Кораблика» они показались очень славными, и он приказал поднять их на борт. Оба стихотворения Аня сочинила, когда училась в 1-м классе.

Дед Мороз и птичка

Толстой птичке
Дед Мороз
Отморозил
Птичкин нос.

«Чик-чирик,
Сказала птичка,—
Где погреться
С непривычки?»

Про зайца

Жил-был зайка маленький.
Ему купили валенки.
Как надел их заинька,
Так сказал: «Я маленький,
А валенки больши-ие!»

Миша ГОЛЬЦОВ — семиклассник, учится он в школе № 134, занимается в Литературном клубе Московского Дворца пионеров и школьников.

Я хочу стать машинистом

Хорошо быть инженером,
Хорошо строителем.
Хорошо милиционером,
Хорошо водителем.
Я хочу стать машинистом,
По стране людей возить.
Я хочу водить ЭР-200,
Радость людям приносить.

Друзья леса

Лес сказочный проснулся
От криков наших, от снежков.
Он сразу вдруг насторожился:
Пришел отряд друзей или врагов?

Ты, лес, не бойся,
Мы твои друзья!
Тебя мы обижать не будем.
Пришли с орехами сюда,
Кормить мы белок будем.
Насыпем семечек синицам,
Крупу и крошки — разным птицам.

«ЗИМА».
Рисунок с таким названием прислала нам Оля СМИРНОВА, 14 лет.

«АВТОПОРТРЕТ».
Алеша БОРЕЦ,
6 лет.

Маше ГОЛОВЯТЕНКО 12 лет, она шестиклассница, учится в московской школе № 31.

У окна

Зимний вечер за окошком,
На печи мурлычет кошка.
Я же сяду у окна
Рассказать вам всем, друзья,
Про природы чудеса.
Что я вижу там, за лесом,
За холмом и за прудом?
Вижу снежную завесу,
Вижу белую принцессу,
Королеву снежных гор.
Вижу ярких звезд сиянье,
Вижу светлую луну.
Словно сказка по ошибке
Забежала в эту тьму.
Облаков туман прозрачный
Покрывать стал небеса,
И в его сети блестящей
Затерялася луна.
Уж не видно звезд мерцанья,
Нет ни леса, ни пруда.
Где же сказка? Где она?
Что ты плачешь, друг мой милый?
Разве кончилась она?
Ты не трать слез понапрасну,
Жди: придет пора,
Принесет нам много сказок
Белая зима.
Это будет на рассвете,
Когда снег блестит,
Ранним утром, когда иней
На деревьях спит.

* * *

Кочует по дорогам балаган,
В плохую и хорошую погоду.
В нем ставят пьесы и живут
Немного грустные бродячие актеры.
Насмешки терпят королей,
Придворных дам,
И герцогов надменных,
Их слуг, и даже псов,
Которых господам намного больше жаль,
Чем тех актеров.

«ТРОЙКА».
Так называется картина Влады КОРЯКИНОЙ, ей 6 лет.

Юрий СОТНИК

ТАЙНА бабушкиного парика

МАЛЕНЬКАЯ ДЕТЕКТИВНАЯ ПОВЕСТЬ

Окончание. Начало в № 12 за 1987 год.

Рисунки Е. МЕДВЕДЕВА.

VI

Выслушав Левку, Алена и «свежая голова» уставились друг на друга. Вид у Кости уже был не такой отрешенный. Он даже слегка улыбнулся.

— Ну и ну! — пробормотал он.— Попал в детективы!

Алена раскраснелась, глаза ее блестели.

— Костька, если бы не ты... Костька, ты не просто «свежая голова», ты — гениальная голова! Ведь это ты первый ухватился за ниточку!

Костино лицо приобрело серьезное выражение.

— Постой! А как же парик попал в мусор?

— Да тут и думать нечего: Тяпка утащил его в кухню, потом вывернул на него ведро.

— Ты тоже неплохой детектив,— заметил «свежая голова».

Быстро разработали план дальнейших действий. Номера телефона у Ивановых Алена не знала, но знала, в какой квартире они живут. Значит, надо было сходить к ним и потребовать обратно парик. Это можно было сделать, лишь когда вернется бабушка, чтобы не оставлять больного Левку одного.

Обсудив все это, Алена снова подошла к братишке.

— Лева, ты, конечно, не хочешь, чтобы от бабушки тебе попало за парик?

Левка энергично повертел головой.

— Хорошо. Я тебя, так и быть, не выдам, но и ты язык за зубами держи.

Левка также энергично закивал.

Тут как раз вернулась Людмила Федоровна, и Алена получила от нее разрешение погулять во дворе часок.

— Зачем ты сказала Левке, чтобы он молчал, у кого парик?

Лицо Алены стало злым.

— А вот зачем,— процедила она.— Я тебе говорила, что есть такой дядя Клим, который Зушку в воровстве обвинил и хочет завтра в милицию заявить. А бабушка взяла и ему поверила. Так вот я их обоих проучу: я до завтрашнего вечера парика не покажу, и пусть этот Клим хоть сто заявлений про Зушку напишет... А когда он завтра к нам придет, я достану парик и потрясу им перед его носом: нате, мол, смотрите!

Выходя из лифта, Костя сказал:

— Интересно, почему эти Ивановы сами не вернули парик?

— Должно быть, не до того им. Олежка мог похуже от мороженого заболеть: он слабенький такой, тощий...

Не тут-то было! Первым, кого ребята увидели во дворе, был именно Олежка. Он одиноко слонялся по залитой солнцем асфальтовой дорожке. От удивления Алена даже приостановилась.

— Во! Надо же!.. Наш здоровяк с температурой лежит, а этот...— Она не договорила и вместе с Костей подошла к Олежке.— Привет! Ты что же это? Столько ребят своим мороженым в постель уложил, а сам здоровехонький ходишь!

— Они на спор ели,— спокойно ответил Олежка,— кто быстрей. А я — потихоньку. Потому что мне мороженое совсем нельзя: у меня гланды.

— Во дает! — сказала Алена Косте. На некоторое время она даже забыла, что нужно говорить о парике.

«Свежая голова» смотрел на Олега с грустью.

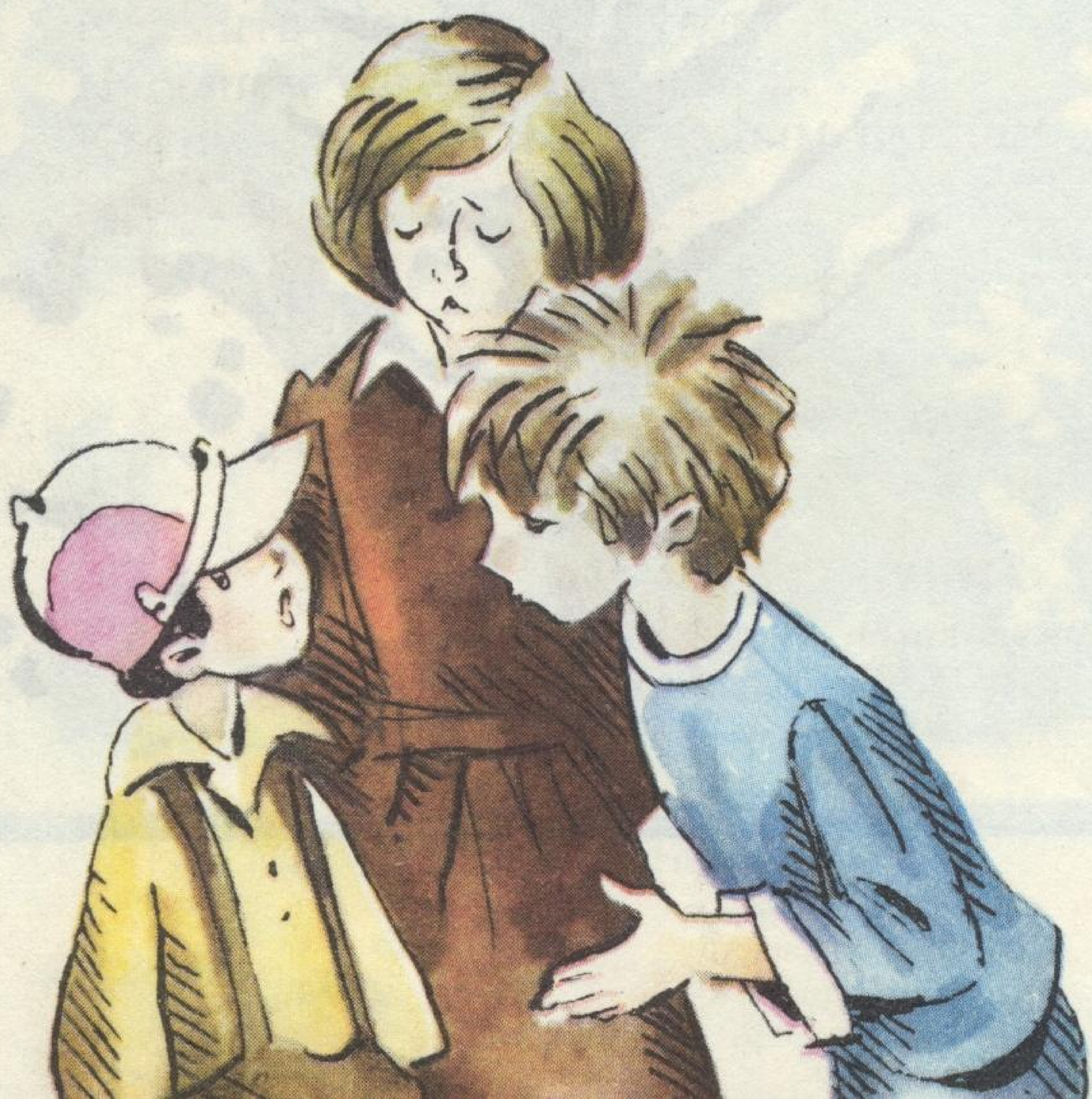
— Гланды, а целую пачку пломбира съел! Эх ты!

— Я не пачку. Я две пачки съел. Только потихоньку.

— Тьфу! — возмутилась Алена.— Ну, что у тебя за родители, если позволяют при гландах мороженое есть!

Олежка ответил, что он об этом папу с мамой в известность не поставил.

Костя слегка толкнул локтем Алену в бок, напоминая, что пора начинать разговор о парике. Но первый вопрос, который «свежая голова» задал Олежке, вроде бы не имел отношения к этому делу. Он спросил, скольких ребят Олежка угостил мороженым, и тот перечислил их поименно.

— Так! — сказал «свежая голова».— Восемь человек. Да ты сам съел две пачки. Итого десять пачек.

— Ну, как же продавщица вам столько пломбира отпустила? — снова отвлеклась Алена.

— Я сказал, что у меня день рождения,— был ответ.

Костя снова тронул Алену в бок.

— В самом деле у тебя был день рождения?

— Не. Я просто ей сказал.

— Десять пачек по сорок восемь копеек — это четыре рубля восемьдесят. Кто же тебе такие деньги дал? Папа с мамой?

Только тут Алена догадалась, куда клонит Костя, и почти перестала дышать.

— Нет, не папа с мамой,— спокойно ответил Олежка.— Одна тетенька дала.

— За что? — шепотом спросила Алена. У нее перехватило дыхание.

— Я ей гнездышко продал.

— Гнездышко? — по-прежнему шепотом переспросила Алена.

— Ага. Для котенка. Мне его ваш Лева подарил.

Алена подумала было, что сейчас потеряет сознание, но почему-то не потеряла. «Свежая голова» долго смотрел на мальчишку неподвижными глазами, потом тихо спросил:

— Ну, расскажи, как было дело!

И малолетний коммерсант повел свой бесхитростный рассказ:

— Я шел домой, а тетенька увидела гнездышко и спросила: «Мальчик, откуда эта штучка у тебя?» А я сказал: «Это мне один мальчик подарил». А она сказала: «Продай мне эту штучку. Я тебе рубль дам». А я подумал, подумал и сказал на всякий случай: «Нет, за рубль — это слишком дешево». А она сказала: «А сколько ты хочешь?» А я подумал, подумал и сказал, что хочу пять рублей. А она сказала: «Пять рублей — это очень дорого, но я все равно тебе дам целых пять рублей, потому что ты мне нравишься».

— А потом? — спросил Костя.

— Потом она дала мне пять рублей, а я ей дал гнездышко. А потом я позвал Леву и других ребят, и мы пошли покупать мороженое. Я их всех угостил, потому что мама с папой говорят, что нехорошо быть жадным.

Алена сникла. Спина у нее сгорбилась, плечи опустились, опустились и уголки рта. Но «свежая голова» задал еще два вопроса:

— Какая из себя эта тетенька?

— Ну... такая... Ну, самая обыкновенная.— Точнее Олежка не мог «тетеньку» описать.

— Ты ее раньше не встречал? Она где-нибудь близко живет?

— Не встречал. Я не знаю, где она живет.

Оба детектива грустно посмотрели друг на друга.

— Все! — сказал «свежая голова».

— Все. Спасибо, Костя,— сказала Алена и побрела к своему подъезду.

VII

Теперь не имело смысла скрывать от Людмилы Федоровны, каким образом пропал парик. Надо было только снять с Зушки поклеп, возведенный на нее Климом Карповичем.

Алена попросила Леву рассказать бабушке все как было, заверив на этот раз, что ему от бабушки не попадет: ведь он даже не знал такого слова — «Парик». Лева послушался и поведал Людмиле Федоровне обо всем.

— Слава богу, что не Зушка,— сказала та Алене.— Ты смотри, не проговорись, что мы с Климом на нее наклепали.— Она подошла к зеркалу, посмотрела на свою куцую стрижку и вздохнула.— Сколько времени мне придется такой уродиной ходить?!

Под вечер пришла Зушка, ее посвятили в события вчерашнего дня, и она очень разволновалась. Сначала она заявила, что надо потребовать деньги за парик с родителей Олежки, но скоро согласилась, что взрослые Ивановы тут ни при чем.

Москвичка по рождению, но узбечка по национальности, Зушка часто выступала в школьной самодеятельности с узбекскими танцами, и теперь Алене казалось, что ее подруга исполняет такой танец. На Зушке не было национального костюма, были только джинсы да легкий желтый свитер, но, тоненькая, гибкая, она бесшумно носилась между бабушкой и внучкой, две черные косы ее взлетали при этом то в одну сторону, то в другую, а гибкие руки то вздымались над головой, то проделывали в воздухе восьмерки, то извивались в других причудливых фигурах, ну совсем как у восточных

танцовщиц. Аккомпанементом этому танцу служил взволнованный Зушкин голос:

— Нет, Людмила Федоровна, это же просто нелепо!.. Нет, Алена, ты только пойми!.. Людмила Федоровна, ведь современная милиция самые загадочные преступления раскрывает! Алена, у них же есть этот фоторобот... Людмила Федоровна! Отвезти Олежку на Петровку, тридцать восемь, и он по фотороботу... Алена! Он тут же по фотороботу опознает эту, как ее, эту воровку!

Но эти страстные речи не подействовали на Людмилу Федоровну.

— Не мели глупости, Зушка,— устало сказала она.— Так вся Петровка и бросится на поиски нашего парика.

Часов до двенадцати ночи она звонила Климу Карповичу, но его дома не было. Как видно, он заночевал там, где рыбачил.

Наутро пришел участковый врач и выписал Людмиле Федоровне бюллетень по уходу за больным. Алена пошла в школу. Перед своим подъездом она увидела Зушку и «свежую голову», которые поджидали ее.

— Алена,— сказала Зушка,— мы с Костей вчера посовещались и решили, что надо самим парик выручать.

— А как мы это сделаем?

— Через милицию,— спокойно ответил Костя.— Через наше отделение.

Зушка добавила возбужденно:

— Пойдем, скажем, как было дело, попросим помочь... Ведь если воровка нашим двором проходила, значит, она где-то поблизости живет.

Алена заметила, что она даже не представляет, к кому обратиться в этой самой милиции, на что Зушка пылко возразила:

— Чудачка! Мы же не одни пойдем, мы попросим, чтобы с нами Гришка Базукин пошел.

— Кто это такой — Гришка Базукин?

— Ты не знаешь Базукина? — удивилась Зушка, а Костя пояснил:

— Он трудный. Его вся милиция знает. Он там на учете состоит.

До начала уроков ребята с Базукиным не поговорили, потому что пришли в школу, когда уже звенел звонок, но на первой же перемене встретились с ним. Конечно, Алена его много раз видела, только не знала по имени. Это был здоровенный семиклассник с толстогубой улыбчивой физиономией, на которой добродушно поблескивали глазки-щелочки.

Костя с Зушкой представили Грише Алену, и та изложила ему свою просьбу.

— А че! —с готовностью сказал он.— Сразу же после школы и пойдем. У вас сегодня сколько уроков? И у меня шесть.

— Думаешь, помогут? — спросил «свежая голова».

— Наверняка не скажу, но если я попрошу, что могут — сделают.

Зушка слегка усмехнулась.

— Ты что, таким авторитетом в милиции пользуешься?

— Авторитетом не авторитетом, но ко мне там во как относятся.— Базукин показал большой палец.— И Галина Сергеевна, и Вера Макаровна, и участковый наш Павел Павлович, и все дежурные. Меня там Борцом за справедливость зовут. В шутку, само собой.

Когда после школы все четверо отправились в милицию, Костя спросил Базукина, почему его в милиции так прозвали. Тот ответил охотно:

— Вы про Робин Гуда читали? Про Дубровского читали? Ну, так я вроде них. Я в жизни почти ни одного человека зря не обидел, но, когда вижу несправедливость, прямо не могу! Бывали, правда, ошибочки, да у кого их не бывает!.. Лес рубят — щепки летят.

Постепенно ребята уяснили, что перед ними человек благородной души, весьма начитанный (Базукин даже Шиллера читал), но не шибко умный. Из того, что они услышали, было видно, что Гришка в «борьбе за справедливость» взял на себя роль и судьи в последней инстанции, и исполнителя вынесенных им самим приговоров. Например, он разбил камнем стекло в окне учительницы, которая, по его мнению, незаслуженно поставила ему двойку. Правда, это был единственный случай, когда он отомстил за нанесенное ему лично оскорбление, и он это оговорил. В остальных случаях им, как ему казалось, руководили самые благородные побуждения.

Так, например, он узнал, что один шестиклассник отнимает у малышей деньги, выданные им на завтрак. Изловив грабителя, могучий Базукин так его отделал, что тот два дня не ходил в школу. Кроме того, он забрал у шестиклассника гораздо больше денег, чем тот награбил. Часть этих денег он вернул всем пострадавшим, а остальные роздал «бедным». По какому признаку он отличал этих «бедных», Базукин объяснить не смог. Рассказал он и о других своих подвигах, рассказал и об «ошибочках». Например, его схватили в тот момент, когда он прокалывал шину «Жигулей», купленных на днях соседом. Базукин был почему-то уверен, что «Жигули» куплены на нетрудовые доходы, но оказалось, что деньги всей семьей копили несколько лет.

VIII

Войдя в отделение милиции, Базукин прежде всего заглянул в комнату дежурного. Сам дежурный сидел за деревянной загородкой, а перед ней прохаживался еще один милиционер.

— Здрасте! — широко улыбаясь, сказал Базукин.

— Во! Опять Базукин! — воскликнул милиционер, а дежурный сказал:

— Привет, Базукин! Ты что это своим ходом, а не... под белы руки?

— По делу пришел, — ответил Борец за справедливость и плавным жестом указал ребятам на длинный коридор. — Сюда, пожалуйста!

В коридоре им навстречу шел старший лейтенант. Базукин остановился перед ним и протянул руку.

— Здравствуйте, Павел Павлович!

Павлу Павловичу ничего не оставалось, как пожать протянутую руку.

— Здравствуй, Базукин! Опять что-нибудь?

— Нет, Павел Павлович, мы по делу. В детской комнате кто-нибудь есть?

— Не заходил туда.

— Участковый наш,— горделиво пояснил Базукин, поднимаясь с ребятами по лестнице.

На втором этаже все остановились перед дверью с табличкой «Детская комната». Гришка открыл ее без стука, сказал ребятам: «Заходите!»— и, пропустив их, вошел сам.

В комнате за небольшими столами сидели две женщины в милицейской форме, обе молодые, обе миловидные, только одна блондинка, другая шатенка. Пока в дверь входили Зушка, Алена и Костя, женщины смотрели на них выжидательно, а когда появился Базукин, шатенка нахмурила брови, а на лице у блондинки выразилась тоска.

— В чем дело, Базукин? — спросила шатенка.

Вместо ответа Базукин протянул руку над столом сначала блондинке, потом шатенке.

— Здрасте, Вера Макаровна! Здрасте, Галина Сергеевна!

— Ну, здравствуй! В чем дело?

— Да вот привел к вам... — Базукин кивнул на ребят.— Помощи просят... Чтобы преступницу разоблачить. Алена, давай изложи!

Алена, не сбиваясь, довольно точно рассказала, как Левка подарил парик Олежке и как у того купила «гнездышко» неизвестная женщина. Блондинка быстро записывала ее рассказ, временами просила повторить ту или иную фразу, шатенка внимательно слушала и, когда Алена кончила, уже по-другому посмотрела на Базукина.

— Эх, Базукин! Если бы нам всегда только по таким вот поводам с тобой встречаться!

Базукин ухмыльнулся.

— Ну, а как насчет помощи, Галина Сергеевна? Насчет поймать эту самую?

Обе женщины посмотрели друг на друга.

— Я думаю, если она проживает на нашей территории...— начала Вера Макаровна.

— Тогда нашим, возможно, что-нибудь и удастся.— Галина Сергеевна обратилась к Алене: — Как по-твоему, этот Олежка сможет опознать ту женщину?

— Не знаю... Нет, я думаю, что сможет.

— Ну так доставьте его сюда. С кем-нибудь взрослым из его семьи.

Все четверо протарахтели подметками по лестнице, пронеслись по коридору, уже совсем задыхаясь, ворвались в Аленин двор.

В детский сад Олежка не ходил, за ним присматривала бабушка-пенсионерка, специально для этого приехавшая из деревни. Задыхающиеся ребята увидели ее на скамейке рядом с другой старушкой, а Олежка играл с малышами, которые избежали его вчерашнего угощения.

Разговор с деревенской бабушкой получился трудным. Услышав, что ее пятилетнего внука приглашают в милицию, она вскочила с лавочки, как молоденькая.

— Да вы што?! Это по какому еще закону, чтобы вот таких-то по милиции водить? Чего ему там делать? Ишь чего!..

Долго ей втолковывали, что Олежку вызывают лишь в качестве свидетеля, что он поможет найти парик, похищенный преступницей. Старуха твердила:

— И отойдите вы от меня, и никакого парика я вашего не видела, и никуда я с Олежкой не пойду! Ишь чего захотели! В милицию!

Пришлось бабку припугнуть. Первым это сделал Базукин:

— Бабуля! Ну, вы же сами себе только портите. Не пойдете добровольно — придет участковый, и вас, значит... это...

Зушка накинула ремень от сумки с книгами на плечо, и ее руки затанцевали над головой.

— Анфиса Васильевна! Ну, неужели вы не понимаете? Неужели вам будет такое приятно: вас милиционер ведет, а люди смотрят?

Помогла уговорить старуху ее соседка по лавочке, заверив, что в милицию идти надо, что там ни ей, ни Олежке ничего худого не сделают.

Путь от дома до милиции ребятам показался мучительным. Им хотелось мчаться во весь опор, а рыхлая, широкозадая Анфиса Васильевна, шла, переваливаясь с боку на бок. Но вот поднялись по лестнице, остановились перед знакомой дверью. Но когда Базукин сунул туда голову, оттуда послышался голос:

— Привели малыша? Минутку в коридоре подождите.

— Там у них три гаврика сидят,— пояснил Базукин, закрывая дверь.

Подождали. Анфиса Васильевна тревожно косилась на каждого проходившего по коридору. Олежка спокойно ковырял в носу, не проявляя ни тревоги, ни любопытства. Вскоре «гаврики» вышли из комнаты. У одного был синяк на скуле, у другого распух нос, у третьего кровоточила губа. Базукин пробормотал им вслед:

— Новенькие какие-то. Не поделили чего-то.

Дверь распахнулась, и из нее выглянула Вера Макаровна.

— Доставили добра молодца? — Она усмехнулась.— И опять целым батальоном! Ну, что ж делать, входите! — Она подошла к своему столику и, не садясь, сняла трубку.

— Федор Леонидович, мальчонка у нас. К вам? Сейчас. Идем.— Она подошла к Олежкиной бабушке, спросила ее имя-отчество.

— Так, Анфиса Васильевна. Я сейчас отведу вас и вашего мальчика к другому нашему сотруднику, а остальные подождут пока здесь.

Она увела Олежку с бабушкой. Остальные четверо сели на стулья у стены. Галина Сергеевна сказала им:

— Только, друзья, если к нам доставят кого, я вас попрошу выйти в коридор.

— А как же иначе, Галина Сергеевна! — отозвался Базукин и пояснил ребятам: — Это им для душевного разговора надо. Ведь никакой душевности не получится, если посторонние торчат.

Зушка, точно в классе, подняла руку.

— Галина Сергеевна, а что, Олежка по фотороботу будет опознавать?

Галина Сергеевна улыбнулась.

— Такой роскоши у нас нет в отделении. Просто альбомчик для рисования, куда мы вклеиваем обыкновенные карточки, как для паспорта.

— Всех, всех, кто на территории?

— Не всех, а только тех, кого у нас считают нужным взять на заметку.

— И меня туда вклеили? — осклабился Базукин.

— А как ты думал? Такую именитую фигуру да не вклеить?

Вошел Олежик, затем его бабушка, за ними — человек в коричневом штатском костюме. В руках он держал не альбом для рисования, а общую тетрадь.

— Мальчишка быстро управился. И без всяких колебаний.— Он раскрыл тетрадь и прочел: — «Номер тридцать: «Полунина Зинаида Викторовна... Улица Ковалева восемь, квартира три. Работает в женском салоне парикмахерской номер восемь. Замечена в том, что пропускает без очереди «своих» клиентов. Есть подозрение, что спекулирует дефицитом, но точно не установлено».

— Так. Что будем делать? — спросила Галина Сергеевна.

— Вы показание старшей девочки об утрате парика записали?

— Я записала,— сказала Вера Макаровна.

— Будем ковать железо, пока горячо. Может, парик еще не ушел из ее квартиры. Тогда, если она не дура, сама отдаст, придумав какую-нибудь историю, а нет — пригласим сюда, получим ордер на обыск... Я участкового инспектора Морозова уже предупредил. Он ждет.

IX

Позвонили в парикмахерскую, узнали, что Полунина сегодня выходная, и пошли к ней домой. Участковый оказался совсем не тот, с кем Базукин здоровался в коридоре. Это был высокий веселый человек. Русый кудрявый чуб, выбивавшийся из-под козырька фуражки, делал его похожим на казака. Он посоветовал бабушке Олежка «не мять напрасно ножки», сказав, что сам доставит домой не только Олежку, но и Алену. Успокоенная Анфиса Васильевна послушалась и ушла. По дороге он подробно расспросил Олежку о его коммерческой операции. И много смеялся, приговаривая: «Ох, шельмецы! Ну и шельмецы! У меня такой же растет».

У подъезда многоэтажного дома он остановился.

— Значит, так: пойдете со мной только ты, ты и ты,— он указал на Алену, Зушку и Олежка,— только те, кто видел парик. Остальные могут домой идти, а могут и подождать здесь.

Когда участковый позвонил у нужной двери, ему открыла женщина в домашнем халате с тяжелым пучком золотистых волос.

— Гражданка Полунина? Дельце есть.

Алене бросился в глаза удивительный цвет лица этой красивой женщины: матовый, нежно-розовый, совершенно ровный. Неожиданно этот нежно-розовый цвет заметно сгустился, когда она снизу вверх взглянула на участкового.

— А-а! Товарищ Морозов! Милости прошу к нашему шалашу! Что, опять в свидетельницы зовете, опять кто-нибудь чего-нибудь...

Тут взгляд Полуниной упал на Олежку, и в одно мгновение лицо ее словно перекрасили: оно стало каким-то грязно-белым. Улыбка исчезла.

— А-а! — заговорила она громко и весело, хотя глаза ее всполошенно метались.— Догадываюсь, зачем пришли, догадываюсь. Значит, нашлась хозяйка паричка? Ну и слава богу! — Полунина открыла шифоньер и вынула оттуда парик.— Этот?

— Этот,— сказала Алена.

— Этот,— подтвердил Олежка.

— Этот,— сказала Зушка.

— Ну и слава богу! А то гляжу — вот такой шпингалет дорогой парик куда-то тащит. «Что это?» — спрашиваю. «Гнездышко»,— отвечает... А ведь сейчас весна, самая пора птицам гнезда устраивать. Ну, думаю, надо спасать парик. С трудом выпросила его, сказала, что уж очень нужна мне эта штучка.

— Не выпросили, а купили,— поправил Олежка.— За пять рублей.

— А?.. Да-да, верно! Купила! Думаю, не пропадет моя пятерка, если...

Морозов слушал женщину, слегка улыбаясь.

— А как вы собирались найти хозяйку парика?

Секунду Полунина оторопело смотрела на участкового, но тут же оправилась.

— Дак... я только сейчас собиралась его в милицию сдать. Вот, думаю, пообедаю и пойду. Потом объявления расклеила бы: «Мол, найдена ценная принадлежность дамского туалета. Потерявшего прошу позвонить...»

Участковый перестал улыбаться.

— Ну, так! Сейчас я напишу вам расписку об изъятии у вас парика, потом вы пройдете со мной в отделение.

Женщина почти заплакала.

— Товарищ Морозов, а меня-то за что?! Ведь я ничего не утаивала, ведь я...

— Для формальности. Напишите объяснительную записку, как к вам попал парик.— Участковый присел к столу, написал какую-то бумажку и передал ее Полуниной.— Затем он обратился к Алене: — Ты беги к бабушке, скажи, чтобы шла в отделение. И заявление с собой прихватила о пропаже парика.

У выхода из подъезда стояли Борец за справедливость и «свежая голова». Участковый поболтал париком над головами мальчишек. У мальчиков

и девочек тринадцати лет не принято целоваться при посторонних, но Алена чмокнула Костю, а Зушка — Базукина, чем вогнали мальчишек в краску.

— Ишь! Докатились! — послышался старушечий голос с противоположного тротуара.— И милиционера не боятся!

Вечером, как всегда, явился Клим Карпович.

— Чай горячий,— сказала Людмила Федоровна.— Будешь пить?

— Буду. А ты все еще общипанная ходишь?

— Что поделаешь! — притворно вздохнула бабушка.

Все трое прошли в кухню. Перед Климом Карповичем поставили стакан с чаем.

— Значит, заявления не написали? — спросил он.

— Не написали, Клима.— Людмила Федоровна скромно потупилась. Потупилась и Алена.

— А я вот написал. И уже отнес. Только участкового не застал уже, оставил у дежурного.

— Про Асвадуровых написали? — вкрадчиво спросила Алена.

— А про кого же еще?! Под копирку. Хотите, прочту?

— Прочти, прочти,— мягко, даже как-то ласково попросила Людмила Федоровна.

Клим Карпович не заметил, каким странным тоном говорят с ним бабушка и внучка. Он стал читать. Всего заявления я приводить не буду, приведу лишь заключительные строки из него:

«На основании всего вышеизложенного прошу истребовать ордер на обыск и произвести таковой в квартире вышеуказанных Асвадуровых».

Бабушка и внучка молчали, когда Клим Карпович аккуратно складывал копию заявления и прятал ее в бумажник. Потом Людмила Федоровна негромко сказала:

— Клим! Ты законы знаешь. Что полагается за клевету или за ложный донос?

— Законы знаю, но по какой статье проходят такие дела — сказать не могу. Разумеется, по головке не гладят.

Он стал прихлебывать чай, с усмешкой косясь на Людмилу Федоровну.

— А ты что, полагаешь, что эти Асвадуровы еще привлекать меня посмеют?

— Не знаю, не знаю,— задумчиво произнесла Людмила Федоровна и обратилась к внучке: — Алена, сходи в ту комнату.

Эта сцена была продумана бабушкой и внучкой давно. Мгновенно вскочив, Алена удалилась, быстро вернулась, что-то проделала над бабушкой, и голова Людмилы Федоровны оказалась в пышном, белом с голубоватым отливом парике.

Клим Карпович смотрел то на бабушку, то на внучку, которая уже сидела на своем месте.

— Нашли? — хрипло спросил он.— Что ж меня не предупредили?

— Я тебе звонила и вчера и сегодня.

— У Асвадуровых нашли?

— Не у Асвадуровых, а через милицию,— отчеканила Алена.

— А милиция у Асвадуровых?

— И вовсе нет! Совсем в другом месте.

Клим Карпович, как вчера, вскочил, отбросив ногой стул. Лицо его так покраснело, что даже корни седых волос, торчащих ежиком, казались розовыми.

— Так что же вы молчали?! Я им, интеллигентным растяпам, помогаю по мере сил, а они в благодарность из меня шута строят!

Алена тоже вскочила и раскраснелась.

— Дядя Клима! Вы оч-чень оч-чень умный человек. А вы догадались спросить Левку, знает ли он такое слово: «Парик»? Не догадались! А вот кое-кто догадался, и мы узнали, что это Левка взял парик, не понимая, что это такое.— Алена села, положила голову на стол и вдруг заплакала: — А вы... а вы сразу на Асваду-у-уровых!

Людмила Федоровна коротко объяснила, как нашли парик, потом сказала, подымаясь из-за стола:

— В общем, Клим, иди в милицию и забирай свое заявление. Чтобы в смешное положение не попасть.

Клим Карпович встал, прошел в переднюю.

— Так-так! — сказал он, надевая плащ.— Хотел помочь вдове моего друга, а у меня за спиной вот такие дела!

— Какие дела у тебя за спиной?

— Не поставили в известность. Дураком выставили.

— Да я же звонила тебе! Звонила!

— Не поставили в известность. Дураком выставили,— тупо повторил Клим Карпович...— В общем и целом от меня больше помощи не ждите. И моей ноги в этом доме не будет.

Хлопнула дверь. Людмила Федоровна в своем седом парике улыбалась, а ее внучка слегка подпрыгивала перед ней на вытянутых ногах.

КОНЕЦ

Слово о Мастере

В прошлом сентябре, за несколько дней до сдачи первого номера, в редакцию «Пионера» позвонил Михаил Михайлович Юдович. Это был его обычный деловой звонок.

— Ирочка, когда ты ждешь от меня очередной выпуск шахматной рубрики? — спросил он.

(Дорогой читатель, ты, наверное, знаешь, что за каждую журнальную рубрику в редакции отвечает конкретный человек.)

— Михал Михалыч, через четыре дня,— ответила я.

— Хорошо. Подготовлю материал — приеду.

Он никогда не подводил редакцию.

А через четыре дня мы узнали, что Михаила Михайловича больше нет с нами...

Когда общаешься с человеком по телефону каждую неделю, а встречаешься каждый месяц и деловое знакомство длится годами, не задумываешься над тем, как тебе и твоим коллегам нужны эти телефонные звонки, необходимы встречи, дорого знакомство. Нет Михаила Михайловича. И теперь воспоминания о нем и все, что связывало его с нашей редакцией, отзываются болью в сердце каждого сотрудника. Мы потеряли верного друга.

Он был интересным, талантливым шахматистом. С 1931 года — мастер спорта СССР по шахматам, международный мастер и международный арбитр с момента утверждения этих званий, гроссмейстер ИКЧФ (Международной федерации игры по переписке) с 1972 года.

Он был энергичным пропагандистом шахмат, автором многих книг, сборников, статей. В редакции журнала «Шахматы в СССР» работал заместителем главного редактора. Около тридцати лет вел в «Пионере» рубрику «В стране шаха — владыки черных и белых полей».

Он был талантливым педагогом, первым шахматным тренером в Московском городском Дворце пионеров и школьников в переулке имени Стопани.

Среди его учеников международный гроссмейстер Ю. Авербах, международные мастера О. Моисеев и Я. Эстрин, мастера П. Кондратьев, Я. Нейштадт, В. Соловьев и другие известные шахматисты. Михаил Михайлович тренировал экс-чемпионку мира Е. Быкову.

Он был главным судьей Всесоюзных шахматных соревнований клуба «Белая ладья».

...Свои телефонные разговоры Михаил Михайлович обычно заканчивал так:

— Ирочка, у тебя есть ко мне какие-либо вопросы?.. А предложения?

Оптимист, он любил шутку и всегда добродушно подхохатывал, услышав, как я мямлю в телефонную трубку: мол, вопросов нет, предложений пока тоже.

У него, человека большой, интересной судьбы, предложения были всегда:

— любить шахматы,

— играть в шахматы,

— болеть за шахматы,

— не предавать шахматы.

Потому что он был мастером своего дела. С большой буквы — Мастером.

И. АНДРИАНОВА

Из шахматного творчества М. М. ЮДОВИЧА

Ферзевый гамбит

Р. Файн — М. Юдович

Москва, 1937 г.

В те годы американский гроссмейстер Р. Файн был одним из сильнейших шахматистов мира. Достаточно вспомнить, к примеру, что вскоре после этой партии в большом, ярком международном турнире в Голландии (1938 г.) он разделил первые два места с П. Кересом впереди таких знаменитых чемпионов, как А. Алехин, М. Ботвинник, Х. Р. Капабланка, М. Эйве... И поэтому вряд ли американский гроссмейстер мог предположить, что во встрече с молодым московским мастером ему в пору будет сдаться уже на 10-м ходу, да еще к тому же играя белыми фигурами.

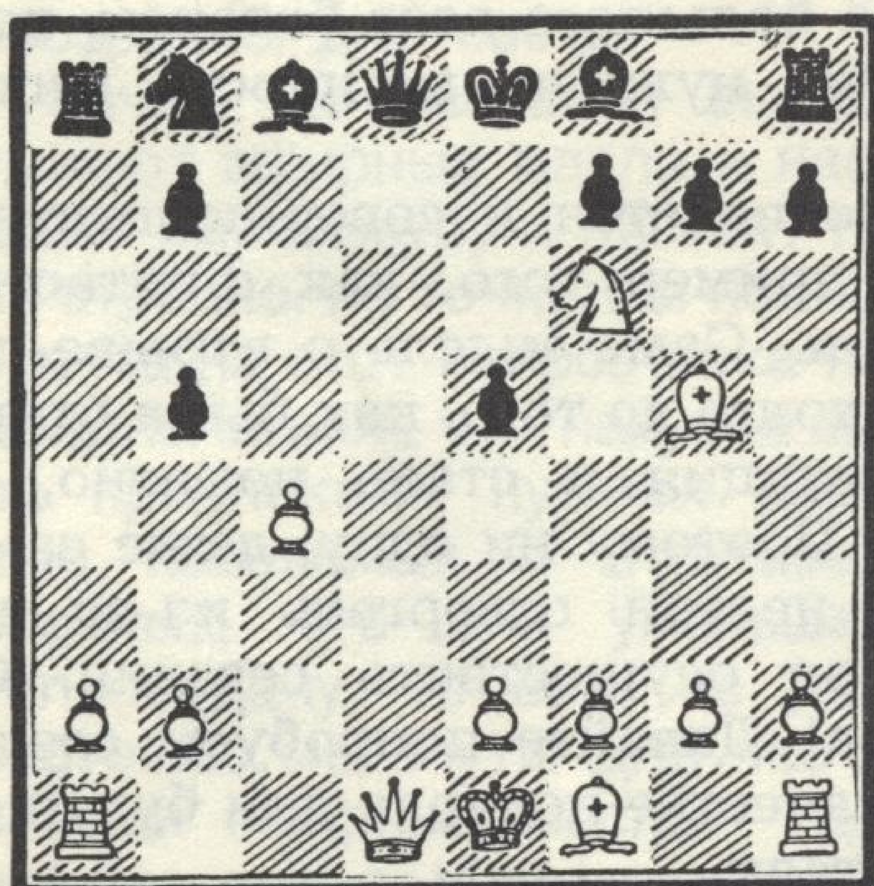
1. d4 d5 2. c4 e6 3. Кc3 Кf6 4. Кf3 c5 5. Cg5 cd 6. К:d4 e5 7. Кd b5.

Этот маневр выглядит очень грозным, однако встречает весьма интересное опровержение. Поэтому лучше было 7. C:f6 или 7. Кf3.

7... a6 8. К:d5

Продолжение плана, начатого предыдущим ходом. На первый взгляд плохо теперь 8... ab 9. К:f6+gf 10. Ф:d8+Кр:d8 11. C:f6+ и 12. C:h8. Однако М. Юдович нашел замечательный контрудар.

8...ab 9. К:f6+.

9...Ф:f6!!

На что рассчитывал гроссмейстер, мы уже видели. А вот жертву ферзя он, конечно же, не заметил...

10.С:f6 Cb4+!

Теперь все становится ясным, и после 11. Фd2 C:d2+ 12. К:d2 gf лишняя фигура черных обеспечивает им победу. Правда, гроссмейстер еще некоторое время сопротивлялся — сдаваться так быстро ему явно не хотелось...

Французская защита

В. Панов — М. Юдович

Тбилиси, 1937 г.

1. e4 e6 2. d4 d5 3. Кc3 Кf6 4. Cg5 Ce7 5. e5 Кfd7 6. h4 f6.

Взятие пешки — 6... С:g5 7. hg Ф:g5 8. Кh3 приводит к опасной атаке белых на королевском фланге. Ход в партии был известен давно, но он считался плохим из-за 7. Cd3. М. Юдович и его друг мастер С. Белавенец, погибший во время войны, внимательно изучили этот вариант и нашли много красивых тонкостей.

7. Cd3 c5.

Атака неприятельского центра — важнейшее звено контригры черных.

8. Фh5+Крf8 9. К:d5.

Сейчас вполне возможно было 9... ed 10. e6 Фe8 с равной игрой, однако черные стремятся к более острой борьбе.

9... fg.

Обратите внимание на эту пешку — она начинает быстро и успешно прорываться вперед.

10. Лh3.

Заманчивый план: если 10... ed, то 11. Лf3+Cf6 12. hg с атакой. Все же опаснее для черных было бы 10. hg.

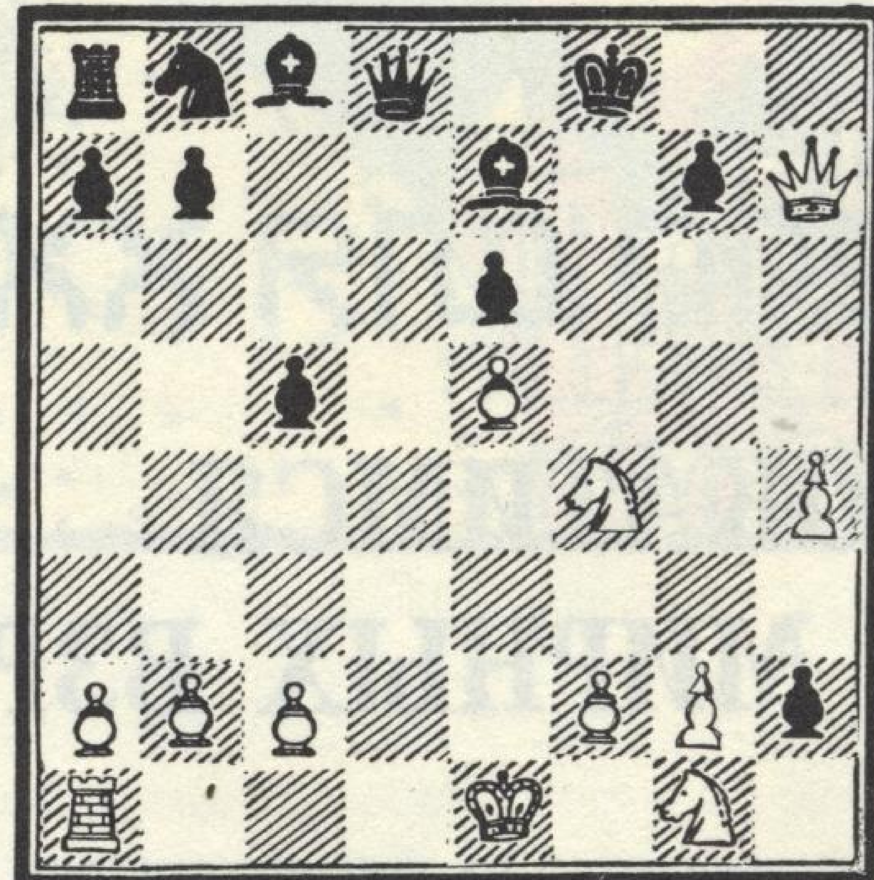
10... g4! 11. Кf4.

В случае 11. Ф:g4 черные отвечали 11... ed. Белые пытаются выиграть время нападением на пешку e6.

11... К: e5 12. de gh 13. С:h7.

И при других продолжениях черные отбивали атаку, но теперь их контригра завершается чрезвычайно изящно.

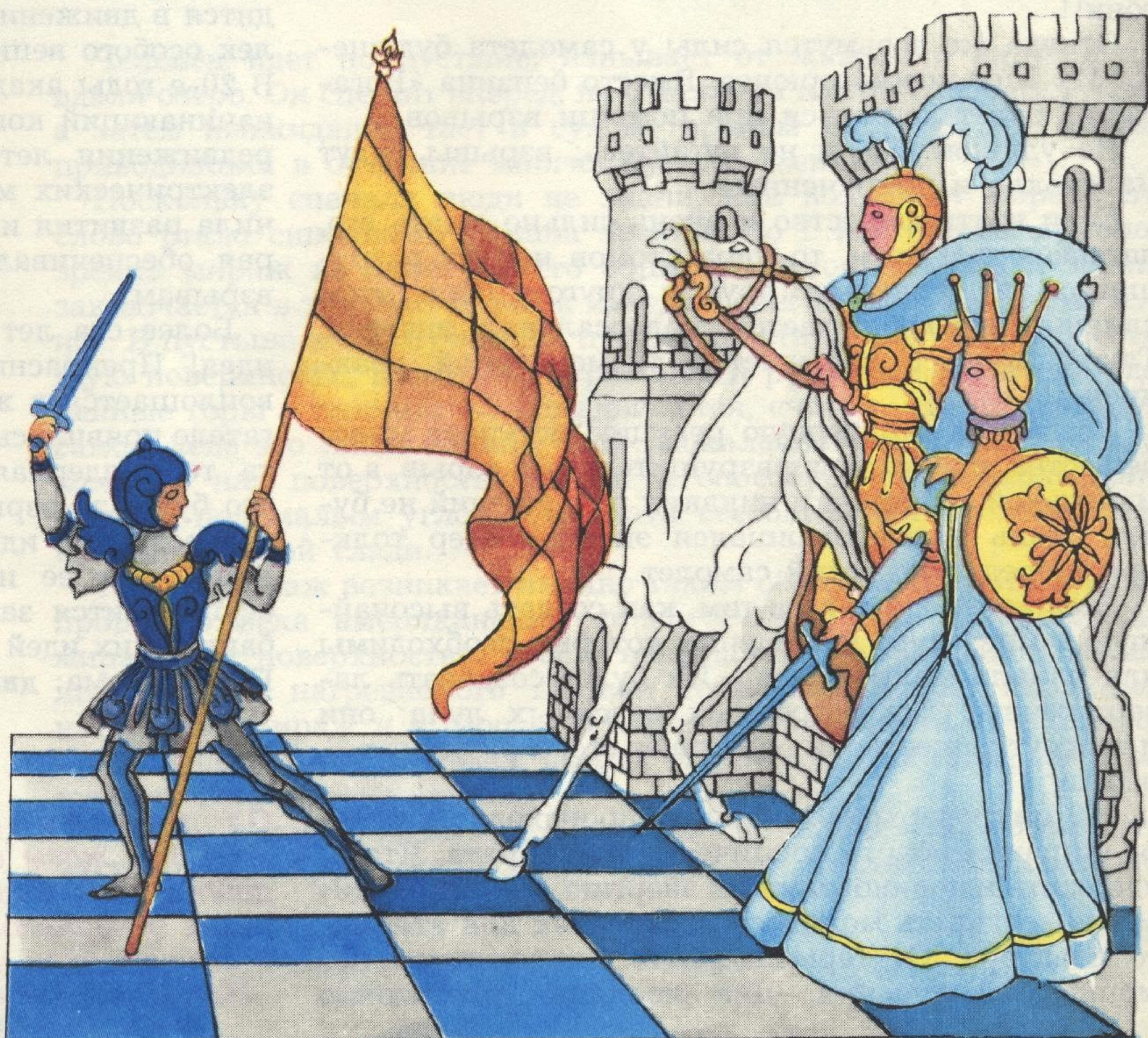
13... Л:h7! 14. Ф:h7 h2!

Почти в самом начале партии, при полной доске фигур черная пешка прорывается в первый ряд!

15. Кре2 h1Ф 16. Кg6+Крf7 17. Кh8+ Ф:h8! 18. Ф:h8 Кc6 19. Фh5+Крg8 20. Кh3 Ф:g2! 21. Фe8+Cf8, и черные легко выиграли эту поучительную партию.

Подготовил Б. ШАШИН, мастер спорта СССР по шахматам.

на научной волне

Раздел ведет В. НИКИТИНА.

Рисунки Н. и Т. ДОБРОХОТОВЫХ.

дело для XXI века

ПРОКАТИМСЯ НА МИРНЫХ ВЗРЫВАХ

«Мы ведем наш репортаж из аэропорта Шереметьево: сегодня, 15 августа 2001 года, в Австралию отправляется первый аэроплан новой серии «Богатырь». Начинается посадка. Видите, какие длиннющие очереди потянулись к трапам? Не удивляйтесь, продано полторы тысячи билетов, и всех увезет «Богатырь»...

Прервем наш репортаж на этом совершенно неправдоподобном месте: современные тяжеловозы-рекордсмены возят по 300—400 пассажиров, а тут сразу 1500 — не верится! За последние пятнадцать лет грузоподъемность самолетов выросла всего на четверть: от 320 тонн у американского «Боинга-747» до 405 у нашего «Руслана». А вот на следующие 15 лет планы прямо-таки грандиозные — довести грузоподъемность до 4 тысяч тонн!!

Откуда же возьмутся силы у самолета будущего? Их даст новое горючее. Вместо бензина «Богатырь» будет двигаться при помощи взрывов.

Не удивляйтесь и не пугайтесь: взрывы будут маленькие и прирученные.

Если взять вещество и очень сильно сжать его, нагревая при этом, то ядра атомов начнут разрушаться и сливаться друг с другом. При этом слиянии высвобождается колоссальная энергия. Такой процесс называется термоядерной реакцией.

Когда в термоядерную реакцию вступает много вещества, происходит разрушительный взрыв, а от маленькой таблеточки никаких разрушений не будет, лишь высвободившаяся энергия ядер толкнет вперед гигантский самолет.

Весь вопрос только в том, как создать высочайшую температуру и давление, которые необходимы для начала микровзрыва. Их будет создавать лазер, точнее, два встречных лазерных луча: они и сожмут вещество, и разогреют его, а результат — взрыв.

100 микровзрывов в секунду происходит в камере сгорания нового космического аппарата. Чтобы удержать в повиновении их энергию, нет необходимости создавать мощную защиту, как для атомного реактора. От термоядерного микровзрыва нет мощного излучения. Для изоляции достаточно стенки из кремнийуглеродных панелей толщиной всего 2 сантиметра.

Сегодня разработаны проекты термоядерного аэроплана весом более 4 тысяч тонн. Такие гигантские машины способны буксировать с десяток современных лайнеров, которые по мере необходимости будут отстыковываться и продолжать полет самостоятельно. В результате гигантская экономия топлива.

И в заключение несколько слов о самой идее «покататься на взрыве». Впервые ее высказал в конце XIX века Герберт Уэллс в своем романе «Когда спящий проснется». Его герою предлагают совершить кругосветный полет со скоростью 2 тысячи километров в час на удивительном аппарате, вмещающем 1500 пассажиров. Аэроплан приводится в движение с помощью микровзрывов капелек особого вещества. Удивительное предвидение! В 20-е годы академик В. П. Глушков — в то время начинающий конструктор — предложил идею передвижения летательных аппаратов с помощью электрических микровзрывов. Тогда она не получила развития из-за большого веса батареи, которая обеспечивала бы нужную мощность микровзрывам.

Более ста лет пробивается и совершенствуется идея! Прекрасный пример того, как фантастика воплощается в жизнь. Сама мысль о взрыве-двигателе появилась задолго до того, как была открыта термоядерная реакция и стало понятно, что это будет за взрыв. Поэтому ни одну, даже самую невероятную идею нельзя отвергать из-за того лишь, что ее нельзя осуществить сегодня. Она осуществится завтра! Давайте попробуем создать банк таких идей в качестве подарка для будущего. Первая тема: **двигатели.**

А. СЕМЕНОВ

От редакции: *Ребята! Включайтесь в нашу игру. Мы ждем от вас идей, как будут выглядеть двигатели будущего, на каком топливе работать, из каких материалов они будут сделаны.*

Лучшие идеи мы напечатаем.

На конверте напишите: ***«Двигатели будущего».***

Лимонный фейерверк

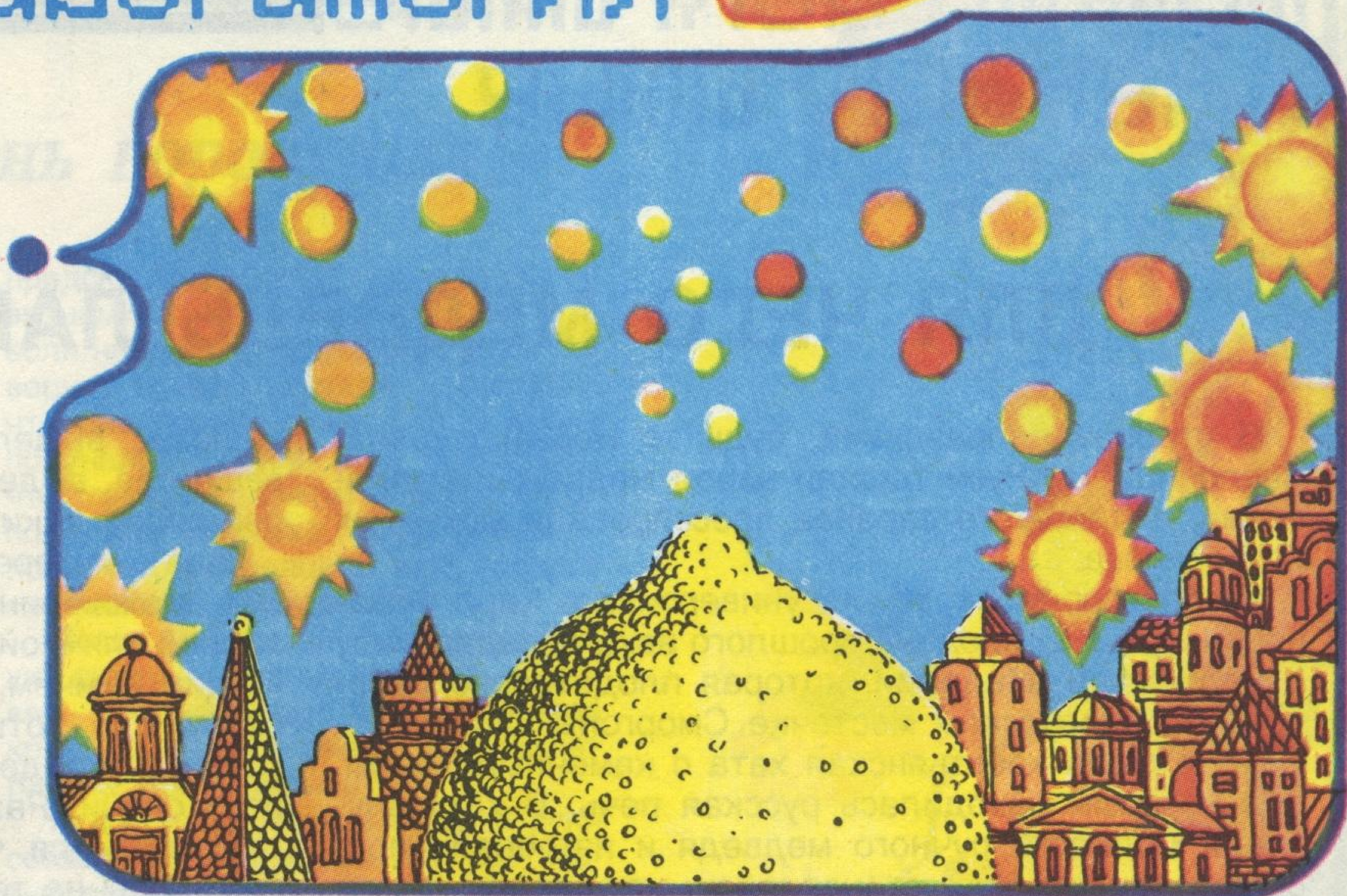
Что можно сделать из душистой кожуры апельсинов? Цукаты, напитки и... фейерверк. Возьми апельсиновую кожуру, согни ее оранжевым слоем наружу, резко сожми над пламенем газовой плиты. На секунду вспыхнет яркий рой мельчайших блесток — настоящий фейерверк. Откуда он берется?

В кожуре цитрусовых заключено множество упругих капелек, заполненных эфирными маслами — ароматной смесью органических веществ. Когда ты резко сжимаешь кожуру, капельки лопаются, брызги масла вылетают и моментально сгорают в огне.

Эфирные масла можно найти и в листьях цитрусовых деревьев. Кстати, в этом ты тоже сможешь убедиться, если выполнишь наши рекомендации. В темноте положи на свежий лист фотобумаги листок лимонного дерева, на короткое время включи свет, а затем прояви «засвеченный снимок». Получится необычное фото — на черном фоне засвеченной фотобумаги белеет пятно, повторяющее очертания лимонного листка. Но оно все будет усыпано черными точками, как будто лимонный листок был изрешечен мелкими дырочками. На самом же деле эти дырочки не что иное, как капли эфирных масел. Они пронизывают листок и в отличие от его зеленой мякоти прозрачны для света.

Зачем же растения вырабатывают эфирные масла и насыщают ими кожуру и листья? Как ни странно, но точного и полного ответа на этот вопрос пока нет. Предполагают, что пахучие масла привлекают нужных растению насекомых и отпугивают опасных, что они уменьшают теплоотдачу, то есть не дают растению мерзнуть. Для нас же с вами эфирные масла — ценнейшее сырье. И хотя «зеленые фабрики» стараются вовсе не ради парфюмерно-косметической промышленности, люди все же извлекают душистые масла из растений, чтобы сделать ароматной косметику.

Л. ВИКТОРОВА

ЗАЧЕМ И ПОЧЕМУ?

Мираж на горячем асфальте

Можно ли сфотографировать мираж?

Светлана НИКИФОРОВА, г. Казань.

Человек идет по пустыне, изнывает от жажды и вдруг видит вдали озеро. Он спешит вперед, но с каждым шагом озеро отступает, а затем неожиданно тает в сухом горячем воздухе. Это мираж, приводивший в отчаяние многих путешественников.

Поскольку сначала люди не знали, как возникает мираж, это слово стало синонимом обмана зрения. Но с настоящим обманом зрения мираж не имеет ничего общего. Настоящий обман зрения заключается в том, что человек иногда видит то, чего на самом деле нет. В пустыне же измученный путник действительно видит блестящую поверхность, в которой отражаются реальные, но очень удаленные горы и пальмы, но обманывается, считая, что это вода. На самом деле это лишь тонкий слой раскаленного воздуха, расположенного над поверхностью песка и способного при наблюдении издали, под малым углом, отражать световые лучи подобно зеркальной водной глади.

То, что мираж возникает именно таким образом, показал в конце прошлого века американский физик Роберт Вуд. Он наблюдал мираж над поверхностью песка, насыпанного на большой железный лист и нагреваемого газовой горелкой. Можно наблюдать настоящий мираж и в городе. В жаркий летний день на открытом прямом асфальтовом шоссе иногда видны лужи, в которых отражаются встречные машины.

То же самое «увидит» и объектив фотоаппарата, потому что настоящий мираж не обман зрения, а реальное физическое явление.

В. БАТРАКОВ

тайны раскрытые и нераскрытые

ДЛЯ ЧЕГО МЕДВЕДЬ ЛАПУ СОСЕТ?

В старину в праздники, будь то Новый год или масленица, на Руси тешили народ медвежьими плясками, а для этого заранее дрессировали мохнатых хозяев леса.

Профессор Московского университета Карл Францевич Рулье в середине прошлого века поведал миру о медвежьей академии, которая плодотворно работала в белорусском местечке Сморгонь.

«Это была крестьянская хата с каменным полом, под которым находилась русская печь. В хату впускали молодого ручного медведя и нагревали пол, отчего животное... становилось на задние лапы; впоследствии нагревали пол сильнее, и медведь по необходимости уже припрыгивал. Во время продолжающегося учения «коза» производила известный стук, по окончании его кормили медведя или лакомили его хлебом, медом и вином. Наконец, приходило время, когда не нужно было нагревать пол потому, что медведь, услышав стук «козы», начинал плясать в ожидании последующего затем кормления...»

Вероятно, в те времена приплясывающий медведь впечатлял не менее нынешних медвежат, разъезжающих по цирковому манежу на мотоциклах. Но почему-то, смотря на косолапых виртуозов, мы упускаем из виду, что те ради людской потехи идут на жертву — лишаются свойственного им зимнего сна. Нет у них возможности хотя бы тройку месяцев поваляться в берлоге и пососать лапу.

Раньше думали, будто медведи лапу сосут с голоду. Но ведь лапой не наешься ни во сне, ни наяву. Тогда зоологи решили, будто медведи сосут лапы потому, что на них меняется кожа и, вероятно, посасывание лапы умеряет зуд.

Но и такое объяснение отнюдь не исчерпывающе. Вот, например, мнение доктора биологических наук С. А. Корытина: на подошве медвежьей лапы есть железы, выделяющие пахучий секрет. Возможно, вещества, выделяемые железами, нужны зверю для регуляции каких-то процессов в организме?

Еще интереснее версия киевского биолога В. А. Межжерина о различии между всамделишной зимней спячкой (оцепенением), скажем, ежа и длиннющим зимним, но все-таки сном медведя. Ежа не разбудишь, хоть пали у него над головой из пушки, хоть за ухо дергай. А вот медведя не дернешь — даст сдачи. Разбудить его проще простого.

Получается, что хотя и храпит медведь в берлоге, но головы не теряет. Даже температура его тела не очень-то снижается — она 31—34°С. В берлоге мишка тратит те калории, что накопил в виде жира осенью, когда был прямо-таки ненасытен. И вот что примечательно: расходуя во сне десятки килограммов, тех, что припас с осени, мишка не выделяет ни жидких, ни твердых отбросов.

Почки спящего зверя выделяют так мало жидкости, что она тут же снова поступает в кровь, а при окислении жиров вырабатывается ровно столько воды, сколько соня теряет при дыхании. Тут сосание лапы оказывается чрезвычайно важным: оно как бы открывает кран в том замкнутом водопроводе, что действует внутри медведя, залегшего в берлоге. По этой версии лапа все равно что конфетка — пососав ее и вызвав слюну, спящий Топтыгин тем самым пополняет слизью кишечник и желудок. Что, конечно, не мешает ему слизывать секрет с подошвы и умерять зуд, если на лапе трескается кожа.

Какая версия будет следующей? Трудно сказать. Но уже и теперь ясно, что надо тщательно изучить зимний сон медведя. Ведь он может подсказать врачам новые способы лечения почечных заболеваний у людей.

С. КРАСНОСЕЛЬСКИЙ

знаешь?

В тропических лесах встречаются деревья, растущие корнями вверх.

* * *

Самое крупное месторождение скандия содержит всего пять тонн этого редкого металла.

* * *

На современного колорадского жука не действует ни один ядохимикат.

И в шутку, и всерьез

«Мальчик, достань воробушка!»

— Куда переехал магазин «Богатырь», не знаешь? — Илюша тараторил, будто спешил отправиться в путь немедля.

— Зачем он тебе? — полюбопытствовала мама.

— Года через два я до двух метров вырасту, пора присматривать одежду.

Мама усомнилась: великаны в их роду никогда не водились, все среднего роста. Илюша же, спору нет, мальчик стройный, но в своем шестом «б» далеко не правофланговый. С чего бы ему так расти?

— А ты не слыхала про ак-се-ле-ра-цию? Каждое новое поколение теперь выше предыдущего. Я сам читал... Сто лет назад к 15 годам ребята недотягивали и до полутора метров; к 1973 году уже имели средний рост около 170. А через два года, знаешь, сколько будет? Я кривую построил, получается, еще 30 сантиметров прирастет...

Илюша поехал на метро разглядывать гигантские пиджаки в новом магазине, а мама печально задумалась. Вдруг и правда вымахает за два метра? Это же беда: не только одежду ищи да обувь, тут и кровать потребуется особая, и лыжи; ни в машине, ни в самолете удобно не усядешься: коленки не поместятся...

Насчет кривой-то мальчик верно говорит, ученые тоже так делают. Берут цифры за пятьдесят или сто лет, рисуют график их изменения, а потом продлевают его на будущие времена. Называют это экстраполяцией — способом строить прогнозы.

Пока не было ЭВМ, по графикам предсказывали и погоду, и развитие экономики. Но нередко ошибались, если не удавалось угадать, куда повернет кривая. Думали, к примеру, что она пойдет плавно, а в жизни получался скачок. Или надеялись, что график взлетит вверх, а он полз, как черепаха. Тогда оказывалось: экстраполяция, как говорят математики, некорректна.

После войны наш народ стал лучше питаться, меньше болеть. Кривая среднего роста школьников круто задралась вверх. Но пойдет ли она так и дальше?

А вот и нет. Взяла мама в руки свежий журнал, а там как раз статья про новое обследование трех тысяч московских ребят. В среднем их рост остался тем же, что и в 1973 году. Кончилась акселерация! Не понадобятся Илюше ни гигантские лыжи, ни сапоги 48-го размера. Катайся, сынок, в автомобилях, летай самолетами Аэрофлота. Не удалась твоя экстраполяция.

... Прибежал он домой, радуется: в каком замечательном магазине побывал! Наверное, скоро на всех магазинах будут вывески «Богатырь», остальные придется закрыть — два метра станут средним ростом. А мама ему в ответ: нет, не станут. И предъявляет журнал. Илюша прочел — не расстроился.

— Ну и пусть! Я все равно вырасту. Ребята говорили, доктор Залесский написал брошюру, как увеличить свой рост. Купи мне ее, буду делать упражнения по Залесскому.

Против упражнений мама не возражала.

П. САВКО

А теперь посчитайте сами

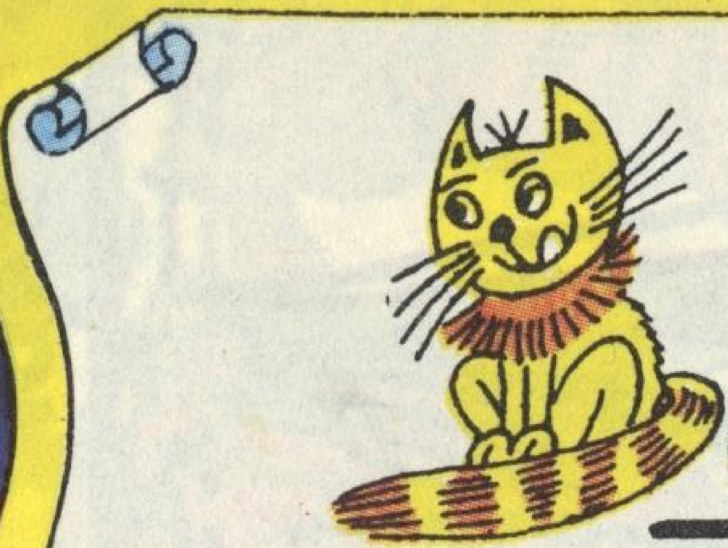
Как растет Илюша

В четыре года Илюша был метрового роста. К 8 годам он достиг 130, к 12 — 155, а к 16 — 180 сантиметров. Каков будет его рост в 24 года?

После того, как задачу решили, ответ проверьте, поднеся к странице зеркало.

ОТВЕТ

Построим график, откладывая по горизонтальной оси годы, а по вертикальной — сантиметры. Если продлить полученную кривую, то окажется, что к 24 годам рост Илюши достигнет 230 сантиметров! Будет ли так на самом деле? Разумеется, нет. Мы-то знаем, что после 16 лет он скорее всего прибавит еще пяток сантиметров и на том остановится. Наше «решение» — пример явно некорректной экстраполяции: что, если б мы пытались узнать рост Илюши к 50 годам? Так и отвечать: три с половиной метра?

ПЕРЕМЕНКА

Монолог шницеля в школьном буфете

...Тишина. Только тарелки позвякивают да что-то жарится на кухне... Наверное, новая порция моих собратьев. Им хорошо. Они еще ничего не знают. Полны надежд на прекрасное будущее!.. Ишь как расшипелись... Это тетя Клава опять в масло бутербродный маргарин подмешала... И все равно я им завидую! Когда-то и я был молодым и горячим! И тоже мечтал. А чем все закончилось? Плоской тарелкой с подозрительными пятнами неизвестного происхождения. Да нижней полкой буфетной витрины! Ужас!

Нас тут много таких... долгожителей. И называемся мы гордо — ассортимент! Справа вон два яблока. Это перед ними на ценнике написано «яблоки», чтобы люди голову не ломали, рассматривая сей продукт. А сзади пирожок притаился. Я как-то спросил, что у него внутри, так он сам уже не помнит... Такими пирожками только при осаде крепости и пользоваться. Им же стену пробить можно, если, конечно, придать соответствующее ускорение. Как там формула?.. Ах, да, чуть не забыл... Слева от меня украшение витрины лежит — кусок торта. Ему даже вазочку дали, так он с нами здороваться перестал. Сидит, надулся, ни на кого не смотрит, одно на уме...

У всех тут одно на уме! И ведь купят его! Как пить дать! Он красивый! Подумаешь, снизу мокрый, сверху-то не видно! Купят и съедят! А тут... Того и гляди на помойку выбросят... И съест меня школьный кот... бесплатно. Меня! Огромный шницель за 12 копеек! Эх, нет справедливости на свете... Стоп. Звонок! Большая перемена. Может, теперь повезет?.. Стекла задрожали, полка вся трясется — это детки в столовую спешат. Милые, послушные, самые воспитанные и аккуратные... для родителей дома. А здесь... Настоящие питекантропы...

Вот подошел один. Ну что ты смотришь? Шницеля никогда не видел? Ах, ты такого, как я, не видел?! Взаимно! Ну что ты нюхаешь? Меня пять раз грели, я уже ничем не пахну!.. Не нравится, покупай соседа за 60 копеек. Торт специально для школьников... Э-э-э! А ну, убери палец! Безобразие! Такой маленький, а такой противный! Что ты еще раздумываешь?.. Это я подозрительный? Полежал бы ты тут три дня... Много? Для кого как. Все в мире относительно. Двоечник! Физику надо лучше учить! Ах, ты просто отравиться боишься? Хлебом не отравишься, тем более жареным... Какое мясо? Ты о чем?! Ой, ушел... И этот ушел! Все. Сейчас звонок будет. Конец! Хотя... в конце очереди очкарик стоит, книгу читает. Наверняка отличник... Такие особо не рассматривают, а котлеты в буфете уже закончились... Ура!!! Купил!!! Не зря я жизнь прожил! Есть справедливость на свете...

Виталия ВЕГОВА,
ученица 10-го класса, г. Харьков.

ПЕРЛовая КНИГА

Он вышел и с минуты на минуту был уже на улице.

Девочка смотрела на козла с книгой в руке.

Она была красивая не по внешности, а по внутренности.

ПЕРЛы отыскали
Вишневская Валя, г. Даугавпилс,
Жабинская Н., п. Епишево Красноярского края,
Алеша Володин, г. Донской Тульской обл.

ДРОВССОРК

У кроссворда всегда есть ответы. А у нашего дровссорка, как вам известно, должны быть вопросы. Но если у кроссворда ответы всегда однозначны, то у дровссорка на один и тот же ответ могут появиться хоть сто вопросов.

Однако нам кажется, что многие из вас не поняли главного условия дровссорка и искали определения к нашим словам в энциклопедических словарях. Но там определения ПРОСТО умные, а нам нужны ОСТРОумные. Улавливаете разницу? Именно поэтому мы считаем: те, кто написал нам, к примеру, что «актер — человек, играющий на сцене», а «утренник — праздник в детском саду», абсолютно не правы.

Не правы и те, кто почему-то слово «шутка» определял как «кнопка на стуле учителя», «подножка» или «фингал под глазом». Ничего себе шуточки!

И уж совсем странные дела творились со словом «асина». Одна девочка даже прислала нам письмо с очень сердитым содержанием: «В журнале № 8 за 1987 осина написана через «а». Это ошибка». Отвечаем: «Это не ошибка. Это дровссорк. И здесь может появиться совершенно любое слово. Даже такое непонятное, как, скажем, «МАГНИТОДЖИНСЫ». И уж ваше дело — остроумно ответить, что же это такое». Вот так!

Теперь поговорим о тех, кто прав. Их много. Но мы выбрали лишь самые интересные ответы, вернее, вопросы. Потому что многие давали похожие определения, но остроумие, согласитесь,— это умение посмотреть на вещь под неожиданным, только под своим собственным, углом зрения.

По горизонтали:

1. ГЛУШЬ — «Родина Бабы Яги» (Сергей Дружинин, г. Куйбышев). «Лес извилин в голове отличника» (инкогнито из Магадана).

Согласитесь, что эти два определения гораздо остроумнее наиболее часто встречающихся: «класс перед началом контрольной» или «задние парты в классе».

3. КАРТА — «Шпаргалка для путешественников» (Носачева Таня, г. Волжский Волгоградской обл.).

«Территория, где плавают не знающие географию» (Нора, Эрика и Линда, почему-то выдающие себя за девочек из Владимирского детсада).

«Глобус в развернутом виде» (Андрей Бессонов, г. Куйбышев). «Хождение по мукам» (Ушакова Галя и Бокаленко Наташа, ст. Охочевка Курской обл.).

6. УТРЕННИК — «Время дня, когда дети вдруг начинают рассказывать родителям сказки» (Антон Стрижан, г. Чехов, Московская обл.).

«Праздник, который у прогульщиков — каждый день, а у отличников — только раз в неделю» (все тот же инкогнито из Магадана). «Ученик, занимающийся в первую смену» (Лена Малая, г. Оха, Сахалин).

7. ИДЕАЛ — «То, чем является «ах, картошка-тошка-тошка» для пионеров» (Оксана Головина, ст. Бердяуш, и Галя Марварова, г. Уфа).

8. ЗАБОР — «Миллион, миллион, миллион «единиц» (Лена Кузышина, Комсомольск-на-Амуре). «То, что находится за бором» (Коннов Алексей, г. Оренбург).

По вертикали:

1. ГОНКИ — тут все вспоминали, конечно, школьные переменки, а вот самый остроумный ответ дала Минина Рита из Куйбышева: «Сногсшибательные мальчики».

2. ШУТКА — «Жена шута» (Сергей Пронин, г. Москва, и Лена Кубинец, г. Челябинск), а все остальное исключительно про кнопки и подножки.

3. АСИНА — «Неграмотная береза» (Ира Еланцева, г. Челябинск). «Вещь, принадлежащая Асе» (Саулегуль Аубакирова, г. Аягуза). «Терево» (Бучковская Таня, г. Россошь, Воронежская обл.).

Мысль, тем или иным образом прозвучавшую в большинстве ваших писем, лучше всего сформулировала уже знакомая нам Лена Малая: «Дерево семейства осиновых, выведенное на уроке русского языка».

5. АКТЕР — «Человек, который бесплатно ходит в театр» (Александр Свинаренко, г. Кемерово). «Тот, кто составляет акты» (Алла Свойкина, г. Минск, и Работаенко Ирина, г. Мена Черниговской обл.).

И еще. Отныне мы решили составление дровссорков переложить целиком на ваши плечи. За лучший дровссорк и три удачных ответа, вернее, вопроса, к другому дровссорку вы можете заслужить звание «**ТАЕРУАЛ ДРОВССОРКА**».

Рисунки В. ШКАРБАНА.

Слона за пару спичек

В каждой стране свои деньги. У нас — рубли, в США — доллары, в Монголии — тугрики. Но, пожалуй, нигде деньги не называются так внушительно, как в Гвинее — «сили». А «силь» по-гвинейски значит «слон».

Несмотря на солидность названия, стоимость такого «слона» ничтожна, на него вообще ничего нельзя купить. Коробка спичек стоит 15—20 «слонов», а школьная тетрадь — целое их «стадо» — не меньше пятидесяти «слонов».

Щедрый дар Нептуну

В течение тысячелетий представления людей о сокровищах, драгоценностях, богатствах связывались с золотом и серебром. Их стремились награбить в покоренных странах римляне и крестоносцы, татаро-монголы и викинги. Не составляли исключения и завладевшие Америкой испанцы. Разными богатствами можно было там поживиться, но захватчики грезили благородными металлами. И действительность не обманула их ожиданий...

В Южной Америке на берегу Атлантического океана обнаружили богатейшие россыпи серебра. Все бы хорошо, но оно оказалось загрязненным каким-то серебристым металлом, от которого освобождалось с большим трудом. Выход в конце концов был найден. Крупинки серебра отмывали от этой примеси, а ее, чтобы не мешала впредь, грузили на баржи и топили подальше от берега в океане. И так свыше полутора столетий подряд, пока не истощились знаменитые серебряные рудники Ла-Платы...

Тут можно было бы поставить точку, если бы у этой истории не возникло неожиданного продолжения. Однако, прежде чем рассказывать о нем, необходимо кое-что уточнить. «Серебро» по-испански «плата». «Вредную» примесь в нем, с которой испанцы так успешно боролись, они пренебрежительно прозвали «серебришко», или по-испански «платина». А теперь продолжим историю, в которой дальше все произошло, как в сказке.

Только забросили оскудневшие серебряные рудники, платина из «гадкого утенка» превратилась... Да, да, да. Во всем мире спрос на нее начал стремительно расти. За десяток лет она стала одним из самых драгоценных металлов, который в десятки раз дороже золота и в сотни — серебра.

Сегодня потребность в платине в науке, технике, промышленности огромна, а удовлетворить ее нечем. Слишком уж редко встречается этот металл на нашей планете. Вернуть бы все, что было потоплено, использовать это огромное богатство на благо людям. Увы, гигантское сокровище — тонны выброшенного когда-то «серебришка» бесследно канули в океан.

Растворимая красота

У мокрой курицы вид хоть и жалкий, но все-таки свой. И сколько ни мочи какую-нибудь курочку-рябу, она не сменит расцветку собственного платья. Не то что африканская птичка турако...

Пока погода ясная, ею не налюбуешься: малиновые, изумрудные, васильковые перья создают неповторимую красоту наряда. Но с началом дождя турако меняет окраску, блекнет. И чем дольше идет дождь, тем хуже она выглядит, меньше похожа на саму себя.

Причина столь странной перемены в том, что великолепная окраска перьев турако... растворяется в воде, линяет, как плохо выкрашенная одежда при стирке, и птичка обесцвечивается. К счастью, не навсегда. Но после каждой «стирки» ей нужно несколько солнечных дней, чтобы снова стать красавицей.

М. ЗАЛЕССКИЙ

Ответы на вопросы выпуска четвертого «Как не попасть пальцем в небо?»:

1. Падает, но не ушибается снег. 2. У слонов бывает восемь ног, когда их двое. 3. Чем больше брать из ямы, тем больше она становится.

КРОССВОРД

По горизонтали:

1.

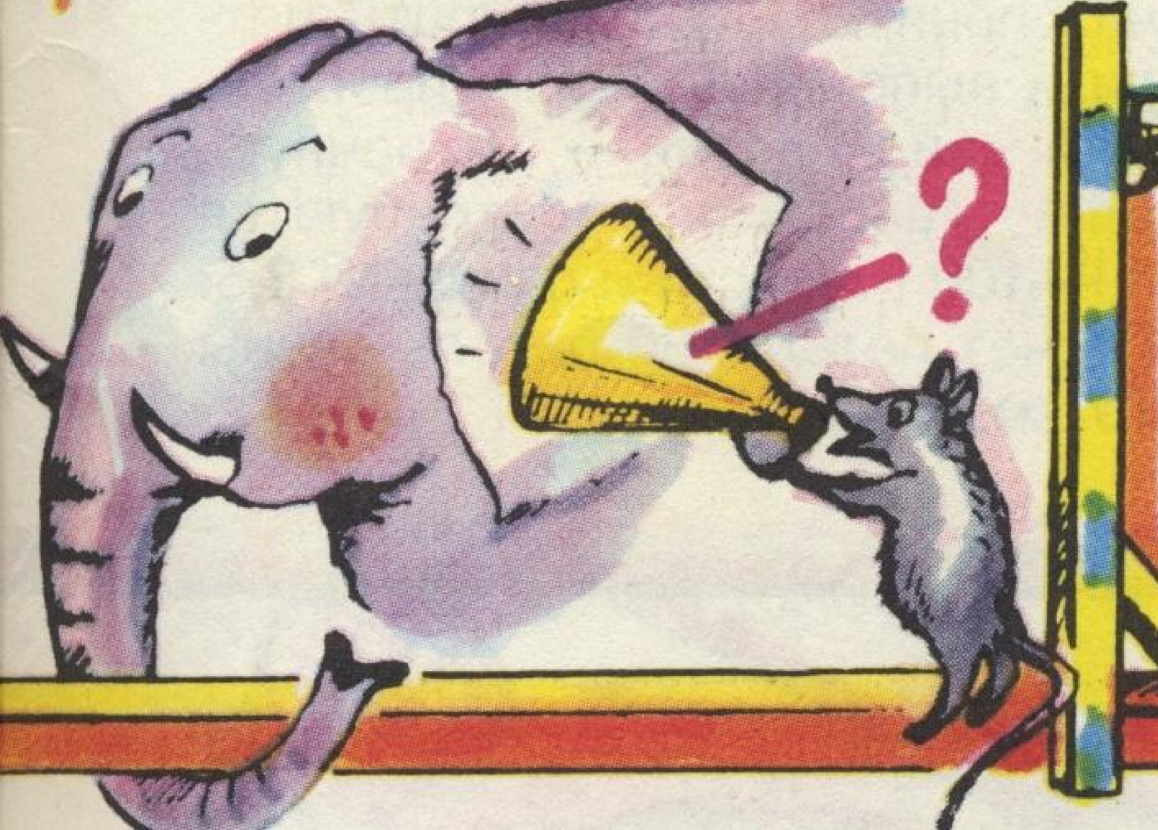

4.

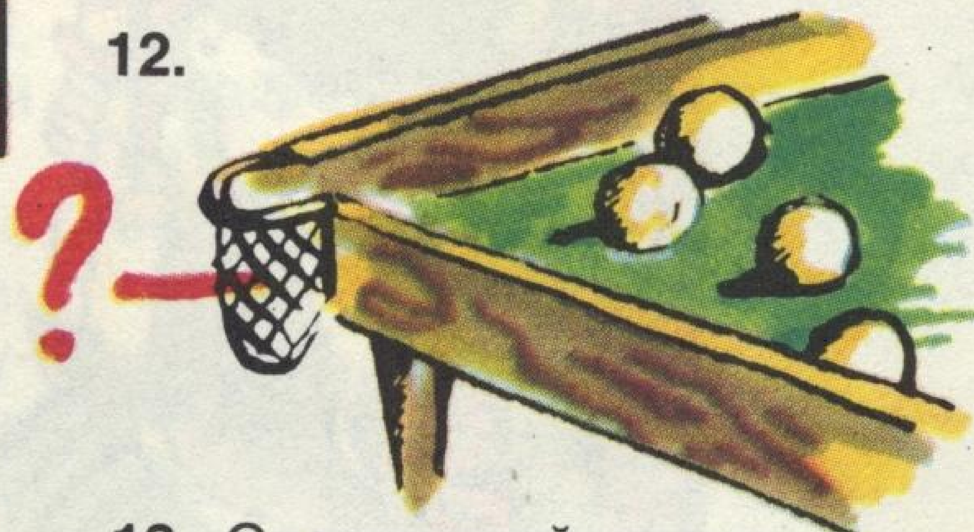
5. Дерево, из которого строят парусники.

7. Одна партия во встрече теннисистов.

9.

12.

13. Спортивный судья.

14. (Название соревнований.)

По вертикали:

1. Союз, объединение спортивных команд по уровню их игры.

2. Что здесь написано?

3. Популярный певец и киноактер, исполнитель песни Игоря Николаева.

5. Топливо дизельных двигателей.

6.

7. Спортивный инвентарь для одного из зимних видов спорта.

8. Спортивное сооружение для тренировок и соревнований по вело- и мотоспорту.

10.

11. Площадка для бокса.

Ответы на кроссворд, напечатанный в № 12 за 1987 год.

По горизонтали: 4. Проводы. 7. Колун. 8. Исток. 9. Рота. 10. Лото. 13. Заходер. 14. Стеарин. 16. Снегирь.

По вертикали: 1. Карнавал. 2. Драгун. 3. Одесса. 5. Портной. 6. Шоколад. 11. Ледник. 12. Стерео. 15. Уговор.

Рисунки Н. ФЕДОРОВОЙ.

Содержание

Адрес для писем: **101459, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.**
Телефон 212-14-17.

Сдано в набор 04.11.87.
Подписано к печати 19.11.87. А 05166. Формат 84×60⅛.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 7,44. Учетно-изд. л. 9,00.
Усл. кр.-отт. 31,16. Тираж 1 630 000 экз. Заказ № 1571

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24.

Ведет А. ЧЕРНЯХОВСКАЯ.
Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.

Домовенок очень любил ходить к почтовому ящику. Не потому, что он собирал марки. Он собирал ваши вопросы, ведь для того Домовенок и поселился в этом домике, чтобы на них отвечать.

На этот раз письма еле-еле вылезли из почтового ящика. Самое толстое Домовенок проверил тут же, не сходя с места. В нем оказалось столько вопросов!.. Домовенок развел руками: как на все ответить?! Письма, естественно, упали. Пока он их подбирал, где-то в снегу затерялась варежка. Стал искать варежку — снова уронил письма. «Ладно, лучше я соберу письма, а варежка сама весной отыщется»,— махнул голой пятерней Домовенок и побежал домой. Однако пальцы успели покраснеть, и внимательная Белоснежка сразу спросила Домовенка:

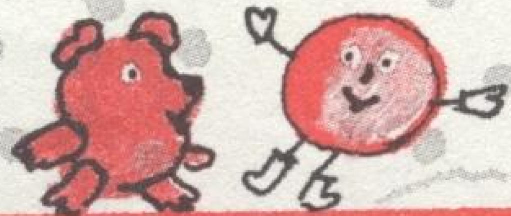
— Потерял варежки, растеряша? Хорошо, что я знаю,

Как легко и просто связать варежки на двух спицах

Обычно варежки вяжут на пяти спицах, а это хлопотно — все время следить сразу за пятью острыми предметами!

Тому, кто еще совсем не умеет вязать и не знает, как держать спицы, рекомендуем внимательно изучить рисунки. Из них понятно, как набирать петли и выполнять самый простейший вид вязки — чулочную, для варежек потребуются 80—100 г шерсти и спицы № 2,5. Расчет петель: 30 петель равны 10 см.

Вначале делаем нижнюю часть варежки. Наберите 24 петли и вяжите 8 см. Разделите петли на 3 части: с краю 2 петли, 10 петель на палец, 12 — на ладонь. Вяжите 10 петель пальца, оставив боковые петли на спицах. Провязав 5 см пальца, убавляйте петли: в конце каждого ряда берите 2 петли вместе наизнанку, пока не останется 1 петля. К этой петле прибавьте по 1 воздушной петле в конце каждого второго ряда, пока не станет 10 петель, которые вяжите прямо 5 см. Присоедините петли пальца к оставшимся на спицах боковым петлям и вяжите нижнюю часть варежки до конца мизинца, затем убавляйте петли: в конце каждого ряда берите 2 петли вместе наизнанку, пока не останется 1 петля.

Верхняя часть варежки гораздо легче нижней. Надо набрать 30 петель и вязать резинкой 1 × 1. Провязав верхнюю часть до конца мизинца, спустите петли, как в нижней части.

Теперь сшейте верхнюю часть с нижней — и одна варежка готова. Можно приступать к исполнению второй. Теперь нижняя часть станет верхней.

Белоснежка посмотрела на свое вязание и решила примерить варежку Домовенку. А за письма взялся папа Карло.

— Надо же? — удивился он.— Вопрос прямо для меня: как украсить комнату?

Секрет красоты, раскрытый папой Карло

Во-первых, нужно аккуратно вырезать репродукцию из журнала (если вы, конечно, уверены, что ее вообще можно вырезать из этого журнала!). Можно вместо ножниц воспользоваться сапожным ножом и металлической линейкой — края получатся намного ровнее. Но и с помощью ножниц можно все сделать аккуратно.

Во-первых, нужно подобрать толстый кусок ДСП — древесностружечной плиты — подходящих размеров. Можно взять его чуть больше, чем сама картинка, и тогда свободные края несколько раз хорошенько выкрасить в белый или любой другой цвет. Потом смазать клеем всю поверхность ДСП и заднюю часть репродукции. Лучше пользоваться клеем, не оставляющим пятен, например, БФ-6. Тщательно заложите репродукцию на плиту. Разглаживать начинайте от центра, чтобы удалить образующиеся пузырьки воздуха. Положите рисунок под пресс — несколько толстых книжек.

А чтобы репродукция лучше смотрелась, ее надо закрепить на некотором расстоянии от стены. И тут нам поможет рым-болт. Рым-болт — это винт с кольцом. Один рым-болт надо ввинтить в плиту в верхней части, а два других — в нижней, по углам. Первый надевается на костыль с резьбой, который вбивается в стену в том месте, где вы хотите повесить картинку. А нижние рым-болты послужат как раз для того, чтобы и нижняя часть плиты не касалась стены.

Винни-Пух, внимательно просматривавший письма, сказал:

— У меня есть добавление. Вернее, не у меня, а у Вали Жиляевой, шестиклассницы из села Фурмановки Джамбулской области.

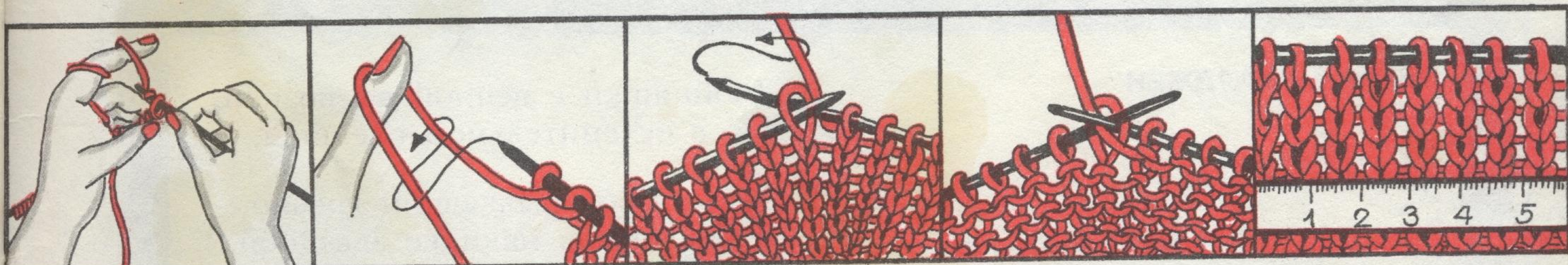
Очень полезно добавление Вали Жиляевой

«Натри шуруп мылом, и он даже в самую твердую древесину войдет гораздо легче. А если тебе надо вывернуть шуруп, а он никак не хочет выворачиваться, нагрей головку раскаленным стержнем или паяльником, и шуруп пойдет».

— Надо же, и девочки в этом разбираются,— удивился папа Карло.

— А мы вообще очень способные! — заметила Белоснежка и подала Домовенку готовые варежки.

На рисунке 1 показано, как нить проходит с мизинца левой руки под безымянным и средним пальцами и наматывается один или несколько раз на указательный палец. Видно, и как держать спицу. Клубок слева.

Чтобы образовать начальный ряд, спицу берут правой рукой и делают одну петлю, как при начале цепочки. Клубок кладут с левой стороны, а рабочая нить, идущая от клубка, проходит между мизинцем и безымянным пальцем левой руки и помещается между большим и указательным пальцами той же руки. Большим или указательным пальцем левой руки переводят нить с наружной стороны во внутреннюю (рис. 2). Конец спицы вводят в образованную таким образом петлю около большого пальца, после чего петлю снимают с пальца, нанизывают на спицу и затягивают. После этого спицу отводят, а нить прижимают к ладони последними тремя пальцами левой руки. Таким образом последовательно набирается нужное количество петель.

На рисунке 3-а показано, как вязать чулочной вязкой. Это первый ряд.

Второй ряд показан на рисунке 3-б. Дальше ряды чередуются.

На рисунке 4 изображено, как рассчитывать плотность вязки.

Элеонора ФАРДЖЕН

Зодиак

Двенадцать знаков зодиака:
Рогатый Козлик — забияка,

В блестящих брызгах Водолей,
Две Рыбы в чешуе огней,

Барашек в облаках кудрявых
И Бык бодливый в лунных травах,

Двойняшки с вечной их возней,
Рак с ослепительной клешней,

Лев, с неба рыкающий грозно,
И Девушка в накидке звездной,

Весы, висящие меж туч,
И Скорпиона жгучий луч,

Стрелец, что целится из мрака,—
Двенадцать знаков зодиака!

Перевел с английского Г. Кружков.

Цена 30 коп. Индекс 70694.